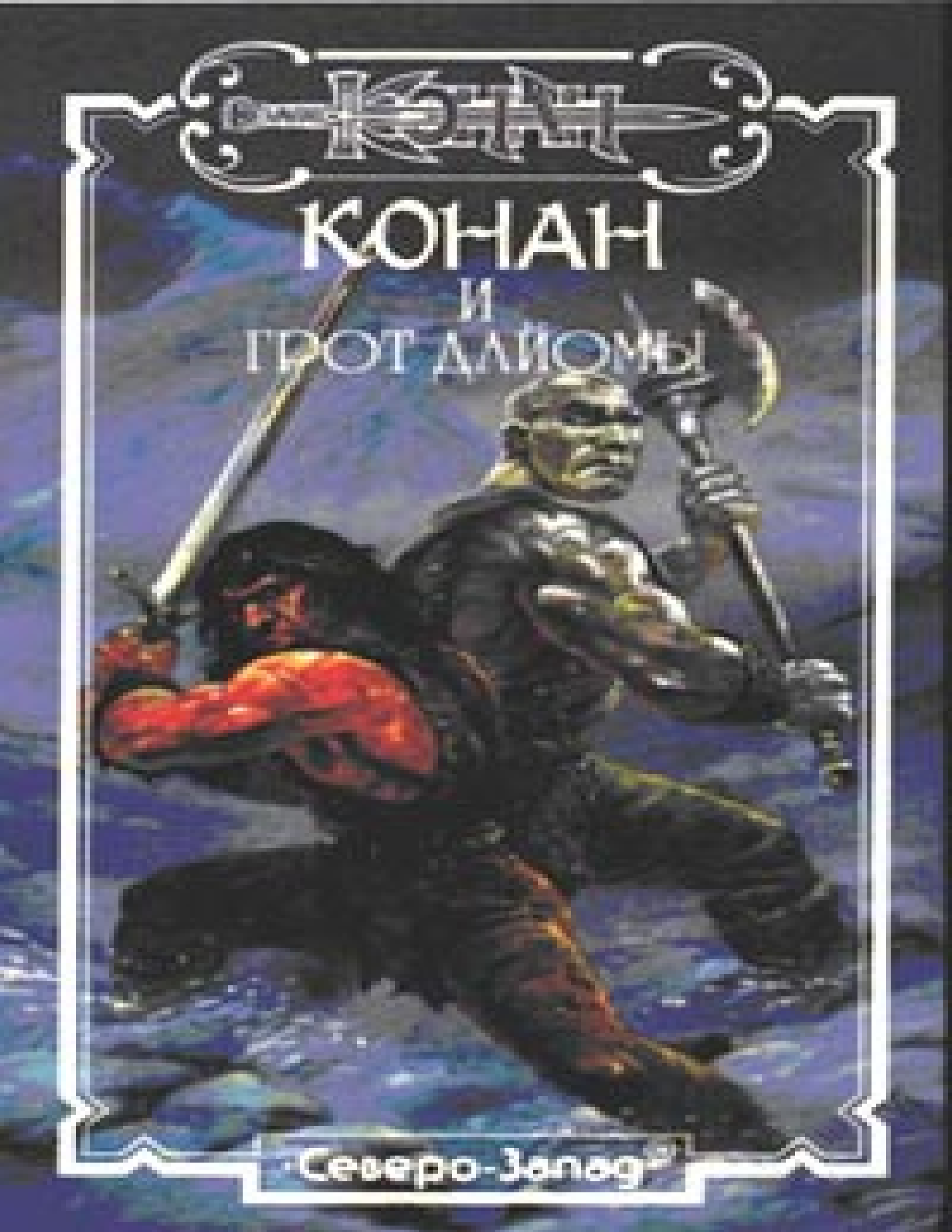
КОНАН
И
ГРОТ ДАЙОМЫ
Северо-Запад

Annotation

В книгу вошли романы «Грот Дайомы» и «Ристалища Хаббы». В первом Конан по приказу Дайомы, Владычицы Острова Снов, совершает путешествие в Ванахейм, затем отправляется на Остров Снов. Во втором произведении герою предстоит отстаивать свою жизнь и свободу, развлекая публику сражениями на аренах Хаббы.

- Майкл Мэнсон
  - ГЛАВА 1
  - ГЛАВА 2
  - ГЛАВА 3
  - ГЛАВА 4
  - ГЛАВА 5
  - ГЛАВА 6
  - ГЛАВА 7
  - ГЛАВА 8
  - ГЛАВА 9
  - ГЛАВА 10
  - ГЛАВА 11
  - ГЛАВА 12
  - ГЛАВА 13
  - ГЛАВА 14

Майкл Мэнсон
Конан и грот Дайомы

ГЛАВА 1
ЗАМОК И ОСТРОВ, КОРАБЛЬ И БУРЯ

Пятеро обитали в мире: Великий Дух, Великий Маг, Великая Волшебница, Великий Воин и Великий Молчальник. Но воистину человеком был лишь один из них.

Он размышлял о своем могуществе. Могущество было дано Ему от рождения – как и всем Древним Богам и Древним Духам. Никто из них не помнил, когда и как явился в Мир – не в жалкий мир людей, обитавших на крохотном шарике меж твердью земной, океанскими водами и хрустальным куполом небес, но в огромный, безбрежный и сумрачный Мир Предвечного, простиравшийся среди звезд, светил и Градов Небесных, сотканных из золотистого тумана и алой дымки. Он тоже не помнил былого, ибо век Его, как у всех Древних Существ, почти равнялся бесконечности; и память, даже столь могучая, как дарованная Ему, не могла сохранить все – абсолютно все, что случилось с Ним на протяжении долгих бесчисленных эонов времени.

Иногда картины Предвечного Мира посещали Его; Он зрил круговращенье звездных островов, яркие вспышки световых лучей, тонувших в вечной ледяной тьме, сияющие огни туманных Градов, бархатный полог мрака, расшитый яркими узорами созвездий. Он смутно ощущал, как мчится в необозримом пространстве, сотрясая эфир, колебля звезды, сметая с пути огромные глыбы камня и льда – каждая из них превосходила размерами ничтожный булыжник, презренную песчинку, на которой ютился прах земной, людское племя. Что мог Он сотворить с их непрочной обителью? Качнуть слегка, вызвав страшную катастрофу, уничтожить одним движением мысли? Вполне возможно… Но люди забавляли Его, и Он не собирался их уничтожать. По крайней мере, пока.

Он даже испытывал к ним нечто вроде благодарности – не ко всем, разумеется, но к тем, которые становились Его Избранниками. С той поры, как собратья заключили Его в ловушку из плоти и костей, Он кочевал из тела в тело, выбирая всякий раз новую личину, новый характер и темперамент, новую судьбу. Это развлекало, это помогало скоротать безмерно долгое заключение, предписанное Ему теми, кто был сильнее и, следовательно, мог диктовать свою волю. Он уже не помнил их имен и не питал к ним злобы; в конце концов, отправив его в мир людей, они не лишили Его ни могущества, ни надежды на возвращение в звездные пространства.

Или Он в чем-то ошибался, и путь назад был для Него лишь несбыточной мечтой?

Но так ли уж жизнь человеческая отличалась от божественного существования? Пожалуй, различия были невелики, если не считать краткости отпущенного людям срока… Однако Он оставался неподвластным этому проклятью; Он мог вечно изменяться, переселяясь из тела в тело, мог продлить жизнь смертного существа, которое давало Ему приют. Как, например, последнего, чья кожа сохраняла свежесть уже две сотни лет, мышцы были по-прежнему сильны, члены – гибки и послушны. Два столетия, ничтожный срок! Для Него, не для Избранника… – Подумав об этом, Он ощутил мгновенный всплеск раздражения. Бесспорно, последний из избранных был неплох, совсем неплох, но вот уже несколько месяцев его снедали беспокойство и суетная страсть; и хотя причины возникшей тревоги представлялись самыми ничтожными, игнорировать их Он не мог. Не мог, пока плоть и

разум этого человека оставались Его обителью.

Так пусть этот страждущий получит то, чего добивается – свою женщину! Пусть возьмет ее силой либо угрозами, если не способен уговорить, улестить, соблазнить богатством или властью, призраком любви, обещаниями и посулами… Пусть пленит ее магической сетью, пусть пригрозит ей гибелью, пусть сокрушит ее сопротивление чародейством! Пусть овладеет ею и успокоится…

Конечно, смертный Избранник – лишь сосуд, вмещающий призрака надзвездных стихий, Духа Изменчивости, но этот сосуд должен быть прочен.

* * *

За окнами ярилась буря. Свинцовые оконные переплеты с толстыми чешуями стекла отражали натиск ветров, но в обширном темноватом чертоге было немногим теплей, чем снаружи, где над берегом и оледеневшим морем метались низкие сизые тучи, сыпавшие снегом. Впрочем, властителя замка Кро Ганбор это не беспокоило; он любил холод.

Да, холод был ему больше по нраву, чем тепло, хоть родился он в жаркой Стигии, на плодородных берегах Стикса, где поля давали два урожая в год, где солнце палило словно гигантский костер, разведенный в небе, где раскаленные камни трескались, если плеснуть на них водой, а пески, остывая по ночам, пели и стонали на тысячу голосов. Жара была привычна для стигийцев чистой крови, для магов и жрецов, происходивших от древних обитателей долины Стикса – столь же привычна, как легкие одежды и глоток кислого освежающего вина в полдень. Он тоже был стигийцем и магом, но все-таки предпочитал льды севера южному зною. И он не носил легких одежд и не пил вина.

Коснувшись узкой ладонью заиндевевшего стекла, маг выпрямился и хмуро оглядел просторный сводчатый покой. Был чародей высок и строен, с обычной для стигийцев кожей цвета старого янтаря; крупный нос с широкими ноздрями нависал над тонкогубым ртом, щеки и виски высокого лба казались чуть впалыми, раздвоенный крепкий подбородок говорил о внутренней силе и уверенности в себе. Пожалуй, его можно было бы счесть красивым, если б не холодный и высокомерный взгляд широко расставленных глаз, не кустистые грозные брови и копна волос, беспорядочно спадавших на спину. Волосы, буйные и черные, как воды северного моря, контрастировали с желтовато-белым мехом плаща; под плащом из медвежьей шкуры серебрились иные меха, полярных лис – из них была скроена длинная, до щиколоток, хламида. Воины-ваны, его слуги, любили облачаться в меховые одеяния, и он перенял у них этот обычай.

Маг отошел от окна и неслышной походкой направился к большому каменному столу, занимавшему середину чертога. Стол этот, высеченный из глыбы черного гранита, формой своей походил на алтарь Великого Змея в Луксуре, но хозяин замка Кро Ганбор не поклонялся Сету – как и всем прочим богам, темным или светлым; он полагал себя равным им. Когда-то, очень давно, он считался членом Черного Круга… он даже думал, что удостоен высочайшей чести, сделавшись учеником учеников Тот-Амона, главы стигийского жречества… Ничтожный учитель, презренные ученики! Разве кто-либо из них обладал хоть каплей его нынешней власти, его безмерного могущества? Разве могли они повелевать стихиями, насылать ветры, штормы и бури, раскалывать горы, вздымать морские волны до небес? Ему же все это было доступно – правда, мощь его с расстоянием слабела, и

причинить серьезные неприятности своим соплеменникам в Стигии он не мог. Другое дело, Ванахейм, Асгард, Киммерия и север Пустоши Пиктов; тут он был почти всевластен! Но сейчас страны эти не интересовали мага, ибо внимание его в последнее время приковывал Западный океан.

Он наклонился над столом, и в темной полированной поверхности всплыло отражение его черт – лицо сорокалетнего мужчины, хоть прожил стигиец впятеро дольше. Он давно не удивлялся тому, что не старится; то было явственное и зримое следствие его могущества, власти над людьми, стихиями и временем, которую он ощутил в некий благословенный миг еще в юности; тогда-то он и распростился с Черным Кругом, словно дитя, переросшее старую убогую одежду. Мощь и сила снизошли к нему, пробудив от сна обыденности и ничтожности – и они же сделали душу его холодной, как глыба льда. Так длилось десятилетиями, и так могло бы длиться целую вечность – если б не она!

Она! Зеленоглазая рыжая колдунья! Непокорная ведьма!

Откинув на спину тяжелый плащ, маг возложил руки на холодный камень. Губы его зашевелились, творя заклятья; он шептал, бормотал, и постепенно слова начали складываться в песню – в давно привычный гимн, коим он вызывал Силу. Ее природа оставалась для стигийца загадкой: иногда он считал, что ему покровительствует некий дух или божество, превосходящее могуществом и Сета, и Нергала, и Аримана, и самого Митру; в другие же мгновения ему казалось, что дух обитает в нем самом, что Власть и Сила присущи ему от рождения и лишь пробудились в нужное время, в день, когда он достиг зрелости. Как бы то ни было, он мог повелевать, и он повелевал! Всеми, кроме этой зеленоглазой женщины…

Медленно, неторопливо текли слова:

Камни, станьте прозрачными,
Обратитесь в жидкую влагу,
Воды, взвейтесь паром,
Улетите тучей,
Тучи, развейтесь туманом,
Туман, выпади дождем,
Дождь, слейся с морем,
Воды морские, расступитесь!
Падите, покровы,
Желанное, явись!

Он трижды произнес последние слова, и каменная поверхность вдруг сделалась зыбкой и мглистой, словно туман, потом – зеленовато-голубой, как воды теплого моря, потом – прозрачной, подобно кристаллу горного хрусталя. Миг – и в бездонной глубине всплыло что-то яркое, пестрое, изумрудное, алое и золотое, обрамленное сапфировой оправой с причудливыми серебристыми завитками. Маг повел рукой над смутным изображением, и оно приблизилось: изумрудное, алое и золотое стало цветущей поверхностью земли, сапфировое – волнами океана, серебристые завитки – ажурной пеной, блиставшей на гребнях морских валов. Они катились мерной чередой, вылизывали золотистый песок, обдавали водяной пылью белые рифы и серые гранитные утесы, обнимались с водами ручьев,

струившихся под зеленым пологом леса.

Остров! Он был виден с высоты птичьего полета, прекрасный, как сон, и многоцветный, точно оперение царственного павлина; он и был сном, Землей Снов, ибо владычица его повелевала сновидениями и фантомами.

Но ей были подвластны и другие силы, более реальные, чем неощутимая ткань миражей; и стигиец жаждал обладать не одним лишь ее телом, но всей чарующей и чародейной ее сутью. О, с каким наслаждением он испил бы из этой чаши! Но пока – пока она была сильным противником. Равным! Почти равным…

Картина прекрасного острова затуманилась; теперь сквозь нее проступили женские черты, видимые смутно, ибо расстояние было велико. Маг облизнул пересохшие губы; это лицо виделось ему в снах, мерещилось в грезах – искаженное страстью, с капельками пота, выступившими на висках, с глазами, полными неги… Но сейчас глаза женщины, сверкающие, как две зеленые звезды, смотрели холодно и спокойно; внезапно она с досадой повела рукой, и изображение исчезло. Перед стигийцем темнел лишь гладкий полированный камень.

Он шумно выдохнул и запахнулся в меховой плащ, будто вдруг ощутил промозглую сырость и холод своего заледеневшего чертога. Потом медленно подошел к окну и, открыв его, подставил грудь порывам ураганного ветра. За окном простирался двор, заваленный сугробами; с трех сторон его обрамляли подобные скалам стены, а за ними лежал промерзший на десять локтей океан, над которым клубились сизо-серые тучи. И не верилось, что где-то на юге воды этого моря свободны от льда, что несутся они вдаль словно неукротимые голубые скакуны, что сияет над ними солнце, глаз светлого Митры, что у самого горизонта встречаются они с цветущей землей, с теплым песком и белоснежными утесами, и поют им свою несмолкающую песню.

Долго стоял маг, взирая на северную бурю, а потом с губ его потекли слова – те слова, что произносит всякий отвергнутый женщиной мужчина. И не было в них ни мудрости, ни спокойствия осознающей себя силы, ни трепета любви, ни прощения, ни снисхождения – одни лишь ярость и жажда мести. Он грозил; грозил, что испепелит золотые пески Острова Снов, обратит в прах его деревья и цветы, наполнит горькой тиной его ручьи и озера, сокрушит скалы, растопчет, разрушит красоту – так, что белое станет черным, алое – кровавым, золотое – серым, изумрудное – гнилостно-зеленым.

Она не хочет его видеть? Так пусть узнает, сколь велика мощь отвергнутого! Пусть изведает ее и ужаснется! Пусть страх овладеет ее душой, заползет в ее сердце! Пусть страх сломит ее! От страха до покорности – один шаг…

Вскинув руки, он начал выкрикивать ужасные заклятья. И, повинуясь Власти его и Мощи, с грохотом взломал льды океан, взвыли ветры, подхватили ледяные осколки и понесли их на запад и на юг, к тем далеким пределам, где некогда лежала благословенная земля Атлантиды, канувшая в пучину четыре тысячелетия назад. Последний осколок, оставшийся от этой земли, никогда не знал ярости полярных ветров и обжигающего холода снега; мириады эонов времени он нежился под солнцем, словно прекраснейший цветок из садов Митры. Но посланная с севера буря стремительно надвигалась на теплые моря; мчался неистовый, страшный ураган, и Остров Снов, дремавший в ласковых водах, лежал на его пути.

* * *

Некогда этот осколок древнего материка, уничтоженного Великой Катастрофой, был дик и безлюден. Когда прекратилось борение вод и подземного огня, он остался над морской поверхностью, и боги, пощадившие сей клочок суши, позабыли о нем; ни злобный Сет, ни благостный Митра, ни мрачный Нергал, ни Мардук, Ариман, Ормазд, Асура, Исида не претендовали на эту печальную землю, сожженную пламенем, сокрушенную ветрами. Она не привлекла бы даже Бела, хитроумного бога воров, ибо, при всем его искусстве, красть тут было совершенно нечего – разве что оплавленные камни или раковины со сгнившим содержимым. Так и торчал бесплодный островок посреди Западного океана, никому не нужный и всеми позабытый.

Но пришла Владычица Снов, и все переменилось. Грубый серый песок из перемолотой волнами гальки превратился в тончайшую золотую пыль, уже не коловшую, а нежившую босые ступни; прибрежные скалы, серые и унылые, заиграли оттенками коричневого и красного, желтого и карминного, украсились гротами и пещерами, а формой своей вдруг стали напоминать то донжон аквилонского замка, то стройный туранский минарет, то купол вендийского или кхитайского храма, то шпили и причудливые кровли дворцов Офира. Между скал и камней зажурчали ручьи и речки, зазвенели водопадами, потекли, заструились: одни – в прогретые солнцем озера, другие – в океан; по берегам их встал лес из деревьев тысячи пород, на просторных полянах распустились цветы, древесные стволы оплели лианы с огромными палевыми и лиловыми бутонами, у корней же лесных исполинов выросли травы и папоротники с ажурными листьями, бархатно-зеленые мхи, кустарник и бамбук. Появились тут и фруктовые рощи: развесистые яблони, сливы и вишни, цветущие круглый год, угловатые фиговые деревья и многие другие, чьи ветви гнулись под грузом золотистых апельсинов и абрикосов, румяных персиков, ароматных груш. На склонах холмов вырос виноград, в низинах – орешник и ягодные кусты, за песчаными пляжами поднялись пальмы, а чуть дальше от берега – маслины и оливковые деревья, благородный лавр, душистая магнолия и зеленые свечи кипарисов. Все, все переменилось на острове, и лишь коралловые рифы по-прежнему торчали из воды у его берегов, не то охраняя их, не то украшая; они были твердыми, несокрушимыми и прекрасными – белые, в кружеве белой пены набегающих волн.

Прекрасен был новосотворенный остров, и светлые божества, заметив это, подарили сей осколок земли Владычице. Воистину, она была достойна такого подарка, ибо являлась почти богиней – если не совсем богиней, то уж возлюбленной богов или, по крайней мере, одного бога, светлого Ормазда. И хотя божественная страсть давно иссякла, Ормазд хотел вознаградить красивейшую из женщин, удостоившихся его внимания. И был Владычице дарован остров – так же, как ранее была дарована ей магическая Сила и власть над Снами.

Да, прекрасным выглядел ее остров в зеленом и золотом убранстве; не хватало лишь на нем живых тварей, способных изгнать лесную тишину рыком и писком, птичьими трелями и гулом пчелиного улья, топотом копыт и мягким шорохом лап. Однако многое было во власти Владычицы; и хоть не могла она, подобно богам, творить новое, но то, что узрели ее прекрасные глаза один раз, запоминала навсегда. Таково свойство снов: в них возвращаются к людям увиденные некогда картины и лица. Владычице же подвластно было сделать эти дремотные видения реальностью, обратив камень и пески в живых существ – в тех, что

обитают на Великом Туранском материке и на континентах Запада и Юга, неведомых жителям хайборийских стран. Повелела она – и зажужжали над цветами пчелы, запорхали яркие бабочки; муравьи принялись стаскивать в кучи опавшую хвою, пауки развесили сети в траве, в ручьях и озерах заплескались рыбы, на теплые каменные плиты выползли пестрые ящерки, птицы начали вить гнезда в древесных кронах, меж ветвей засновали крохотные робкие обезьянки, серые и рыжие белки, а внизу, среди папоротника и трав, засуетились бесчисленные твари и тварюшки, ежи и барсуки, еноты и зайцы, мыши и суслики, мангусты и свинки-пекари, и такие создания, каких не видывали ни в Аквилонии, ни в Шеме, ни в Стигии, ни даже в далеком Кхитае. Но зверей неприятных видом или мерзких повадками здесь не водилось: были тигры, львы, леопарды и волки, но не было гиен и шакалов; были питоны, вараны и черепахи, но не было ядовитых змей и крокодилов; были олени и антилопы, но не было диких кабанов. Так захотелось Владычице – и стало по сему.

Но на том труды ее не были закончены, ибо надлежало создать достойную обитель, пышный дворец, богатый чертог, где поместились бы слуги ее и служанки, где были бы просторные покои, залы со сводчатыми потолками, галереи, украшенные всеми сокровищами мира, мраморные лестницы, балконы с резными парапетами, многие и многие комнаты с коврами, фонтанами, статуями и драгоценной мебелью. Среди мебели той полагалось быть шкафам, полным нарядами, зеркалам и хрупким столикам с душистыми эссенциями, ларцам с ожерельями и Диадемами, хрустальным семисвечникам и ложам, устланным яркими тканями – ибо Владычица, несмотря на колдовскую силу свою, оставалась женщиной, и ничто женское не было ей чуждо. Еще во дворце полагалось устроить кухню и кладовые с запасами еды и питья, и особые хранилища для магических предметов, не всегда безопасных, таящих до времени свою благодетельную или гибельную мощь; еще нужны были бани и бассейны с теплой душистой водой, и зал для танцев, и другой зал, с алтарями светлых богов – ибо почитала их Владычица, зная предел силы своей, и не желала оскорбить высокомерным небрежением ни одного их тех, кто правил миром.

Когда же дворец ее был закончен – великолепный и сияющий, полный роскоши, покорных слуг и верных воинов – сотворила она под самым глубоким подвалом еще одну камеру. И там, на железном постаменте, лежал камень – самый крепкий из камней, какие нашлись на острове. Быть может, базальт или гранит, или иная порода – из тех, с которыми едва справляются молот и острое стальное зубило. Был тот камень бесформенным, шероховатым и грубым, размером в шесть с половиной локтей, цвета серого ненастного неба, и потому называла его Владычица Серым Камнем. Безжизненный обломок стыл в подземелье, холодный и мертвый, угрюмый, как породившая его скала; лежал и ждал своего часа. И час этот приближался.

Но еще не наступил! Не наступил, ибо до времени свершений полагалось многому произойти; одни узлы должны были завязаться, другие – распасться под лезвием рока; чему-то предстояло стать разрушенным, чему-то – воссозданным, чему-то – впервые сотворенным.

Чему же? Владычица пыталась выяснить это, глядя в магическое зеркало из дымчатого хрусталя, дар светлого Ормазда. Она хмурилась; в прозрачной глубине ее волшебного кристалла мелькали туманные видения мрачной крепости под мрачным северным небом, мрачного покоя с узкими окнами, забранными свинцовым переплетом, мрачного, смуглого и высокомерного лица с кустистыми бровями и гривой черных волос. Потом все скрыли хлопья снега, кружившиеся в бешеном танце. Надвинулись грозовые облака, заблистали беззвучные молнии, полярные ветры взвихрили поверхность стылых вод, погнали тучи и

волны к югу. Шторм, необузданный и дикий, ширился и рос, захватывая все новые и новые пространства океана; левый его край должен был коснуться побережья страны пиктов, Зингары и Барахского архипелага, правый же колыхал воды у берегов далекого Западного материка. Но самый центр урагана, грозный и темный, как пасть яростного демона, двигался к Острову Снов.

Владычица знала: еще день или половина дня, и ее крохотное прекрасное царство будет сметено водами и ветрами. Взвихрятся золотые пески, рухнут деревья, сладкие струи источников станут горше разлившейся желчи, камни и мертвая пыль завалят лужайки, снег убьет цветы; погибнут птицы и 3-вери, и все живое станет избитой, израненной плотью, а утром на камнях и на увядшей листве выступит не роса, а кровь. Предвидела она эти великие бедствия и могла бы их предотвратить, послав бурю навстречу буре, оборонившись ураганом против урагана. Тогда столкнулись бы две силы в океанских просторах и уничтожили друг друга – а может, и переборола бы Владычица северный шторм, ибо вблизи Острова Снов мощь ее была велика.

Да, могла бы она справиться с надвигавшейся бурей, но, заглянув еще раз в свое магическое зеркало, увидела, что несет та буря к ее острову корабль. Был он длинным и узким, со стремительными обводами, бронзовым тараном и резной тигриной головой на носу – не из тех судов, что возят груз и убегают, а из тех, что преследуют и отнимают. Две мачты и тридцать весел по каждому борту; тридцать весел, взбивающих пену в сильных руках крепких молодцов. Молодцы же те были коренастыми и смуглыми, кареглазыми и темноволосыми, явными уроженцами Барахских островов; головорезы, промышлявшие в морях пиратством и разбоем.

И несла полярная буря корабль с тигриной головой прямо на Остров Снов.

А у руля его стоял капитан – тоже темноволосый, но, в отличие от людей своих, высокий и могучий, как вершина Карпашских гор, с глазами цвета неба на закате.

Были очи его синими и грозными, и взор Владычицы тонул в них, словно в бездонном колодце. И почувствовала она дрожь в руках, трепет в сердце и радость в душе – ибо тот, о ком она давно мечтала, за кем следила долгие месяцы в своем зеркале, плыл сейчас прямо в ее объятья и не мог свернуть ни к западу, ни к востоку: невиданная буря гнала его на юг, к берегам Острова Снов.

И тогда решила Владычица: будь что будет. Пусть то, чему надлежит разрушиться и умереть, разрушится и умрет; а то, чему суждено возникнуть и разгореться, возникнет и запылает ярким пламенем. Весь свой нелегкий труд, весь свой прекрасный остров она отдавала за эту встречу, ибо жертва прекрасного являлась ценой любви.

Стоит ли удивляться? Ведь она была женщиной и не могла поступить иначе.

* * *

– Ну и шторм, капитан! – прокричал кривоногий кормчий-барахтанец. – Ну и шторм! Прах и пепел! Клянусь ядовитой слюной Нергала, такого я не встречал тридцать лет, что плаваю по морям!

– Куда нас несет, Шуга? – Капитан, вцепившийся в кормовое весло, приподнял голову. Он пытался высмотреть просвет в тучах, но его не было; наоборот, грозовые облака становились все темнее, в них начали посверкивать молнии, а ледяной полярный ветер

разыгрался во всю, вздымая волны выше палубы «Тигрицы».

– Куда несет? – повторил кормчий. – Прямиком на Серые Равнины! Одно удивительно: я думал, дорога к ним начинается где-то в Асгарде или в северных гирканских горах, а нас отбросило к югу.

– Окочуриться можно в любом месте, – заметил капитан, чувствуя, как вздрагивает под ногами палуба корабля. – А что б этого не случилось, вели-ка, парень, спустить паруса и срубить мачты. И, во имя Крома, гони всех бездельников на гребную палубу! Пусть берутся за весла и не вопят у меня под ухом о близкой смерти!

– Грести при такой волне? – Шуга с сомнением пожал плечами.

– А что нам еще остается, старый пес? Ждать, пока морские демоны заглотят нас, прожуют и выплюнут кости на ветер?

Кормчий хмыкнул и отправился выполнять приказание. Вскоре над палубой прозвучал его хриплый рев:

– Паруса долой, ублюдки! Беритесь за топоры, мачты – за борт! Шестьдесят мерзавцев – на весла! Остальным – привязаться покрепче и слушать мою команду! Да пошевеливайтесь, дохлые ослы! Кого смоет за борт, тот отправится прямиком на корм акулам!

Капитан пошире расставил ноги; рулевое весло прыгало в его руках словно живое, и с каждым мгновением удерживать «Тигрицу» на курсе становилось все трудней. Да и можно ли было говорить о каком-то курсе, если даже Шуга, опытный морской волк, не знал, куда их несет? Буря гнала корабль на юг, и через сутки они могли очутиться где угодно: у побережья Черных Земель, в открытом море или у скал легендарного Западного материка, куда не добирался никто из хайборийцев. Уже сейчас они плыли в неведомых водах, ибо, преследуя день назад зингарского «купца», сильно уклонились к западу. «Купец», удиравший на всех парусах, благополучно пошел на дно, перевернувшись при первом же сильном порыве урагана; «Тигрице» же, где часть парусов была вовремя спущена, удалось устоять. Надолго ли?

Застучали топоры, и капитану показалось, что лезвия их впиваются не в основания мачт, а прямо в его сердце. Он любил свой корабль – не только потому, что судно было крепким, надежным и быстроходным; были и еще причины для крепкой привязанности. Эта галера напоминала ему о другой «Тигрице», должно быть сгнившей уже в какой-нибудь бухте Черного Побережья либо разбитой волнами о камни. И помнилось еще ему о хозяйке того корабля, принявшей смерть в мрачных джунглях, на берегах Зархебы, проклятой реки… Помнилось и не забывалось, хоть прошло с тех пор года три или четыре, а может, и все пять… Время само по себе ничего не значило для него; он измерял истекшие сроки не днями и месяцами, не солнцами и лунами, а событиями – тысячами локтей, пройденных по морю или по суше, ограбленными кораблями, захваченными богатствами, смертями приятелей, соратников или врагов. Но та женщина, хозяйка прежней «Тигрицы», была не просто соратником… И потому он не мог до сих пор забыть о ней.

Мачты с грохотом рухнули в кипящую воду, снеся половину фальшборта. Внизу, на гребной палубе, раздавался мерный звон гонга, скрип весел и дружное «Ух!» гребцов; они старались изо всех сил, но широкие лопасти то утопали в набежавшей волне, то без толку бороздили воздух. Тем не менее, ход галеры стал уверенней, и теперь она лучше слушалась руля. Если шторм не сделается сильнее…

Но буря усиливалась с каждым мгновением. Тучи, нависавшие над морем, опускались все ниже и ниже, водяные же холмы превращались в горы, разделенные провалами темных

пропастей; северный ветер ярился и швырял в лицо соленые брызги, играл кораблем словно щепкой, попавшей в гибельный водоворот. Вдобавок – невиданное дело в южных краях! – пошел снег, забушевала метель, и была она не слабее, чем в Асгарде или Ванахейме. Сразу резко похолодало; ноги скользили по доскам, и два десятка моряков, еще остававшихся на палубе, начали вязать новые узлы. Одни сгрудились у обломков мачт, другие – у трапа, ведущего на кормовую надстройку, третьи – у распахнутого люка. Харат, парусный мастер, привязался к носовому украшению, что изображало тигрицу в прыжке, с разинутой пастью; у него было на редкость острое зрение, и сейчас он, как раньше капитан, пытался разглядеть просвет в тучах.

Шуга, кормчий, поднялся к рулевому веслу и обхватил его обеими руками. Но морские демоны были сильнее, чем два человека; весло по-прежнему прыгало, вырывалось из скрюченных пальцев, норовило сбросить обоих рулевых за борт.

– Снял бы ты сапоги, капитан, – сказал Шуга. Сам он уже успел разуться: босые ступни меньше скользили по палубе.

– К чему, приятель? Доски уже обледенели… А я хотел бы отправиться к Нергалу в сапогах.

– Ха! Станет Нергал разглядывать, обут ты или бос!

– Не станет, верно. Но я собираюсь пнуть его в зад, а в сапогах-то пинок выйдет покрепче!

Они оба захохотали, болтаясь, словно тряпичные куклы, на конце рулевого весла. Потом Шуга пробурчал:

– Так он и подставит тебе свою задницу! Нергал, знаешь ли, шустрый малый; недаром ему поручено надзирать за душами мертвых.

– Говорят, он обнюхивает каждого, кто готовится ступить на Серые Равнины, – вымолвил капитан. – Чтобы узнать, много ли грехов у покойника и каким запахом тот смердит… Вот тут-то я его и пну! А не выйдет, разрисую проклятого ножом!

Он похлопал по рукояти кинжала, торчавшего за поясом. Клинок был хорош: обоюдоострый, в три ладони длиной, в изукрашенных самоцветами ножнах. Стигийская добыча, взятая в крепости Файон на берегу Стикса… Стигийцы же – известные чародеи; быть может, и этот кинжал был заколдован? Самая подходящая штука, чтоб подколоть Нергала…

– Не кликнуть ли подмогу? – сказал кормчий. – Это весло отбило мне все ребра. Пепел и прах! Оно вертится, как бедра аргосской шлюхи!

– Только они будут помягче, – со знанием дела заметил капитан.

Шуга, повернув голову, заорал:

– Эй, Патат, Стимо, Рикоза! И ты, Рваная Ноздря! Сюда, бездельники! Поможете с веслом!

Моряки зашевелились, кто-то начал резать канат, но внезапно огромный вал вознес «Тигрицу» к небесам, а затем вверг в сине-зеленую пропасть. Корпус затрещал, жалобно застонала обшивка, раздались испуганные вопли гребцов; несколько веревок лопнуло, и два человека полетели за борт. Теперь никто не рисковал распустить узлы.

– Клянусь печенью Крома, – произнес капитан, – у нас убытки, кормчий. Кажется, Брода и Кривой Козел…

– Да будет их путь на Серые Равнины выстлан туранскими коврами! – отозвался Шуга. – Эй, Патат, Стимо, Рикоза, Рваная Ноздря! Сидите, где сидите, парни! Не развязывайте

веревок!

– Это правильно, – одобрил капитан. – Смоет ублюдков, не успеют и шага сделать. А так…

«А так, – подумалось ему, – пойдем на дно всей командой, только без Броды и Козла».

Внезапный гнев охватил его; холодное бешенство, ярость, злоба на этот мятущийся темный океан, уже пожравший двоих и разинувший пасть на корабль со всем остальным экипажем. Но жизни этих людей, всех восьмидесяти пяти, принадлежали только ему, капитану! Он, он сам, разыскивал лучших среди барахских рыбаков и мореходов, обшаривал кабаки Зингары, Аргоса и Шема, выбирал крепких гребцов, метких лучников, матросов, что карабкались по мачтам быстрее обезьян – и каждый из них, вдобавок, лихо рубился на саблях и топорах, метал копья и стрелы и, с одним абордажным крюком в руках, мог выпустить кровь трем стигийским латникам!

А теперь, похоже, они все обречены…

Кром! Если бы он мог поразить эти темные грозные воды пучками молний! Если бы мог разогнать тучи, заткнуть глотку ветру, скрутить ему жилистую шею! Если бы он повелевал вулканами на дне морском и, пробудив их, испарил океан потоками огненной лавы!

Но боги отказали людям в таком могуществе, приберегли его для себя… Несомненно, они были правы; человек, даже не повелевая молниями и вулканами, творил столько пакостей и мерзостей, что светлому Митре и доброй Иштар не хватало ночи и дня, чтобы оплакать убиенных и покарать грешников. Впрочем, грешниками занимался Нергал со сворой присных демонов, и было похоже, что они уже готовились наложить на «Тигрицу» свои жуткие лапы.

Ударил ветер, корабль вновь подбросило, крышка люка сорвалась, исчезла в пучине, а вместе с ней – трое моряков.

– Кто? – капитан скрипнул зубами.

– Стимо… Стимо, и еще Касс и Ворон… Прах и пепел!

– Жаль Стимо… Он был сильным парнем.

– А Ворон попадал стрелой в кольцо за пятьдесят шагов… Касс, он…

Волны стадом разъяренных быков ринулись на корму «Тигрицы», тараня ее крутыми лбами; борт треснул под их напором, холодная вода хлынула в трюм. Корабль заскрипел, застонал, словно зверь, получивший смертельную рану. Вновь послышались вопли гребцов – запертые на нижней палубе, они не знали, велик ли причиненный судну урон, но могли предполагать самое худшее.

Капитан пробормотал проклятье: «Тигрицу» завертело на гребне волны, рукоятка рулевого весла вырвалась из его пальцев и ударила Шугу в грудь. Кормчий бессильно обвис в веревочной петле, хрипя:

– Держи… держи ее… иначе… всем конец! Против волны… держи против волны… О, мои ребра! Прах и пепел… якорь в глотку… вонючая кровь Нергала… ослиное дерьмо…

Он принялся ругаться, но его скрюченные пальцы уже легли рядом с широкими ладонями капитана. Вздрогнув, галера свалилась вниз, в водяную пропасть. Снегопад прекратился, но жуткий пронзительный ветер гулял по палубе судна, валил его с боку на бок, натягивал канаты, перетряхивая вцепившихся в них людей точно бусины живого ожерелья.

– Харат! – крикнул капитан, и сильный голос его перекрыл завывание урагана. – Харат, Кром тебя раздери! Что ты видишь?

– …иии – еее – гооо! – донеслось с носа. – Ниии – чеее – ооо! Тууу – чиии! Всююю –

дууу!

– Конец нам, – буркнул Шуга. Лицо его посерело, на ребрах вздулся огромный синяк, но рукоять весла кормчий держал твердо.

– Заткни пасть! – рявкнул капитан. – Не достанутся наши шкуры Нергалу!

– Это ты так говоришь, – кормчий через силу ухмыльнулся. – Ты силен, но Нергал сильнее… Отымет душу! Заявишься к нему призраком, и сапоги твои призрак, и кинжал… пинай и коли его, сколько влезет… он и не почешется, гадюка… только сунет в самое гнусное место в своей помойной яме…

– Боишься смерти, Шуга?

– А ты?

Капитан свирепо ощерился.

– Никто не живет вечно! Но за свою шкуру я спрошу хорошую цену!

– Спросить-то можно, вот только дадут ли ее… – Шуга вдруг закашлялся, захрипел и сплюнул на палубу кровью. – Здорово меня приложило, – пробормотал он. – Ребра сломаны… Ну, ничего, в нергаловой утробе станут как новенькие… – Кормчий с усилием вскинул голову, осмотрел страшное гневное море и небеса, где меж громадами темных облаков сверкали молнии, потом невесело скривился. – Не простая это буря, – донеслось до капитана, – не простая, клянусь своими ребрами! Теми, что еще уцелели!

– Не простая? Кром, что ты болтаешь!

– Кто-то наслал ее на нас… Или на кого другого, а мы просто попались на пути. Не бывает таких жутких штормов в середине весны! Не бывает! И еще: глянь, как бегут тучи… Словно их гонит кто-то… Бегут, вытягиваются копьем… а мы – на самом острие… мы или кто другой…

«Тигрица» в очередной раз рухнула в пропасть. Весла судорожно забили по воде, помогая судну вскарабкаться на зыбкую сине-зеленую гору, но надвигавшиеся сзади валы догнали корабль, нависли над палубой, прокатились по ней, смывая за борт моряков. Никто из них не успел даже вскрикнуть.

Сколько их осталось? – подумал капитан. У весел – шестьдесят, да еще один, отбивавший в гонг ритм гребли… А наверху – Харат, оседлавший деревянную тигрицу, четверо у передней мачты, двое – у задней… У люка – никого… Значит, считая с рулевыми, уцелело девять человек, а полтора десятка уже покоились в соленой мокрой постели. Если не больше; волны, проломив борта, могли смыть людей и с гребной палубы.

Шуга вдруг встрепенулся, завертел головой, забормотал:

– Прах и пепел! Волны… иначе шумят… слышь, капитан? Иначе, говорю… ревут, не рокочут… словно бьются обо что-то…

– Скалы? Суша?

– Может, и суша… – не выпуская весла, кормчий вытянул шею, пытаясь разглядеть в полумраке берег.

– Хорошо, если суша, – сказал капитан. – Только откуда ей здесь взяться?

– От богов или от демонов… скоро узнаем, от кого… Если там песок, мы спасены, а если скалы, всем конец! Шмякнет нас, одни доски останутся в кровавом дерьме…

Капитан злобно выругался.

– А не мерещится тебе, Шуга? Отбил ребра, а вместе с ними и слух с разуменьем, а?

Но тут с носа, где торчал парусный мастер Харат, долетело:

– …Ооо – ооов! Ооо – ооов! Беее – реее… Беее – реее…

– Чего он орет? – рявкнул капитан. – Берег или берегись? Что у него – соль глотку проела?

Корабль взлетел на огромной волне, и теперь оба цеплявшихся за рулевое весло человека увидели впереди облачную темную массу, над которой плясал гигантский смерч. Он то стремительно вытягивался к небесам, касаясь туч широкой разлапистой воронкой, то оседал вниз, плющился и кружился у самой земли, будто хотел вобрать в себя камни, песок и воду, перетряхнуть эту смесь и выплюнуть ее прямо в сердцевину облаков. Ненасытная пасть его казалась черной, ведущей прямиком в утробу воздушного демона, и на фоне этой черноты белыми клыками торчали у берега утесы. На мгновение смерч представился капитану огромным змеем, чей хвост взбалтывал тучи, изогнувшееся тело касалось земли, а голова с зубастыми челюстями лежала на самом берегу, словно поджидая «Тигрицу» со всем ее экипажем.

Вероятно, и у кормчего мелькнула такая же мысль; освободив левую руку и кривясь от боли в разбитых ребрах, он принялся чертить в воздухе знаки, охраняющие от беды. Губы его посинели.

– Сет! Проклятый Сет, грязная гадюка! Явился за нашими головами!

– Держи руль, Шуга! – прорычал капитан. – И говори, куда править! Ты кормчий, не я!

– Там Сет!

– Мешок дерьма, а не Сет! Протри глаза, смрадный пес! Там вихрь, а у берега – рифы! Куда нам править?

Шуга выплюнул сгусток крови.

– Держи левее… Вроде бы есть проход, только узкий… Если течение пронесет…

– Беее – реее – гиии – сссь! Скааа – лыыы! – долетело с носа, и теперь ни кормчий, ни капитан уже не сомневались в том, что кричит Харат. Передняя часть галеры вдруг задралась кверху, корабль дрогнул от страшного удара, и переломанный форштевень, вместе с носовым украшением и цеплявшейся за него фигурой парусного мастера, взлетел вверх. Затем послышался треск весел, скрежет камней, пронизавших обшивку, вопли гребцов, заглушенные диким воем урагана. Рулевая рукоять метнулась словно шея непокорного жеребца, отшвырнула кормчего вправо – только растопыренные руки и ноги промелькнули над бортом; затем капитан ощутил, что взмывает в воздух, и тут же ледяная вода обожгла кожу.

Но холод вдруг сменился теплом, тишиной и покоем. Не было больше грохота и криков, ветер не бросал в лицо соленую влагу, не терзало дерево растертые в кровь ладони, исчезло видение жуткого смерча, плясавшего на берегу… Он погружался вниз, вниз, вниз, в царство забвения и мрака, в бездну, откуда начиналась тропа на Серые Равнины, обещавшая неспешное последнее странствие и вечный отдых. Сапоги и намокшая куртка тянули на дно, в ушах раздавался слабый звон, рукоять кинжала давила на ребра.

Кинжал! Стигийский клинок, который он собирался всадить в брюхо Нергалу! Ну, если он станет дохлой рыбой, бессильной тенью, изъеденным крабами трупом, темному богу нечего опасаться его ножа…

Тело его само рванулось вверх, преодолевая упругое сопротивление воды. Мимо опускались в глубину трупы гребцов – с разбитыми головами, с переломанными членами, с ошметками плоти, содранной с костей. Он узнавал их: кого – в лицо, кого – по приметному браслету, шраму, поясу или серьге… Людей швырнуло на риф, размолотило о камень; весьма возможно, что и ему предстояло разделить их судьбу.

Вынырнув и очутившись в провале меж огромными волнами, он сделал только один глубокий вздох, бросил только один взгляд на свой корабль и снова погрузился в воду. «Тигрица», с пробитым бортом и начисто снесенным носом, попала в белые зубья прибрежных скал; валы безжалостно трепали ее, довершая разрушение. Живых он не разглядел, ни в воде, ни на судне – но что увидишь за краткий миг? Барахтанцы – пираты, люди моря, крепкие парни; быть может, кто и выплывет… К примеру, Шуга, старый пес…

Шуга пытался править левее, к проходу… к узкому проходу, сквозь который морские воды вливаются в бухту… К проходу меж рифов, до которого не добралась «Тигрица»… Там – течение!

Внезапно он почувствовал его напор и заработал руками и ногами изо всех сил, то поднимаясь к поверхности за глотком воздуха, то вновь ныряя в спасительную тишину глубин. Потом его крутануло в водовороте, ударило о шершавый камень, протащило вперед; под коленями скрипнула галька, ветер ударил в лицо, сырой воздух наполнил легкие, и он понял, что находится на берегу.

Вскочив, он сделал три или четыре шага к темневшим невдалеке утесам, обернулся, оглядел свой погибающий корабль и каменистую прибрежную отмель, потом поднял сжатый кулак и, выкрикивая проклятья, погрозил тучам.

Ни одного человека в воде… ни одного тела на берегу… Все погибли… Все!

ГЛАВА 2
ОСТРОВ И ГРОТ

Пятеро обитали в мире, и сущности их были таковы: Изменчивость, Жажда Могущества, Иллюзия, Отвага и Равнодушие. Воистину не видел свет столь различных созданий!

Игра с тучами, волнами и ветром позабавила Его. Конечно, эти стихии являлись лишь жалким подобием материальных субстанций и трансцендентных сил, присущих Предвечному Миру. Там, в холодной бездне, бушевали приливы и отливы таинственных эманации; там рождались и умирали зоны времени; там потрясали эфир столкновения звезд. Там, одним движением мысли, можно было испепелить или создать огромный каменный шар, окутать его воздухом, водами и облаками, взрастить остроконечные пики горных хребтов, а затем разжечь под ними пламя и выпустить его на свободу – чтобы полюбоваться яростным борением земной тверди и внутреннего огня. Там…

Впрочем, Он пребывал тут, а не там, и Ему приходилось ограничивать свою склонность к преобразованиям и метаморфозам. Будучи Духом Изменчивости, Он не собирался отказываться от своих игр с живыми и неживыми субстанциями – тем более, когда Избранник просил об этом. Он не отказывал ему в помощи, лишь изредка удивляясь, сколь мелочны и ничтожны его просьбы: расправиться с непокорным слугой, превратив мятежника в волка или полярного медведя, засыпать снегами усадьбу какого-нибудь жалкого ванахеймского князька, проявившего непочтительность… Или, как сейчас, погнать на юг тучи и воды, занести ледяной молот над далеким островом, ударить, сокрушить… И все – ради женщины!

Пусть необычной, пусть одаренной крохами божественной мощи – но все-таки женщины!

Надо надеяться, что теперь Избранник получит ее и успокоит тем свою душу. Иначе… Иначе еще две-три такие же демонстрации могущества, и она покорится. Женщины всегда покоряются сильным!

Но порой ничтожность цели раздражала Его. Избранник явно изменял высокому призванию, позволяя женским чарам возобладать над сердцем своим, склоняясь душой к плотским наслаждениям. А ведь этот прах земной был одним из лучших! Одним из самых умных, твердых, холодных и жестоких! Он был магом!

Среди мириадов людей всех минувших поколений Он предпочитал именно таких. Магов не пугали чудеса; чудеса являлись их ремеслом. И внезапно возросшая мощь не вызывала у них удивления: ведь каждый из них жаждал могущества и молил о нем богов или демонов, готовый отдать за него свою бессмертную душу. Что же поражаться, если желанная сила вдруг пробуждалась в них, сокрушала соперников и врагов, покоряла стихии, уничтожала армии и города? Маги были любопытны и изобретательны; их фантазии казались Ему гораздо хитроумней того, что приходило в головы земным властителям, воинам и полководцам.

Но временами Он все же воплощался и в них, превращая вождей варварских племен в великих завоевателей и владык, разбойников с большой дороги – в венценосных королей, творя из безродных наемников повелителей царств и империй. Эта игра тоже развлекала Его

– не меньше, чем иные представления, где актерами служили ветры и воды, тучи и снег, подземный огонь, реки раскаленной лавы и облака пепла. Главное, чтобы Избранник мыслил о величественном и грозном: о кровавой войне, о захвате неведомых земель или о разрушении собственного царства в пламени пожарищ, реве вулканов и грохоте взбунтовавшихся вод.

Тот, кто хотел лишь покоя, сладкой еды, хмельного питья и женских ласк, становился Ему неинтересен.

* * *

Ураган отбушевал.

Буря кончилась неожиданно, как будто враз иссякли силы ветров и туч, морских валов и вьюжной метели. Черный смерч исчез, в воздухе потеплело, облака разошлись, и жаркие солнечные лучи согрели капитана «Тигрицы». Он разделся: стащил сапоги, снял штаны, кожаную куртку и холщовую рубаху, оставшись в одной набедренной повязке. Ремень с кинжалом затянул на поясе – этот стигийский клинок длиной в три ладони был сейчас его единственным оружием. Впрочем, он полагал, что опасаться нечего – вряд ли на острове выжила хоть одна живая душа или крупный зверь. Быть может, спаслись мыши, забившиеся в норки… Да и те, скорее всего, были раздавлены камнями.

Нагой, он побрел вдоль берега, поглядывая на солнце. Глаз Митры бесстрастно сиял в небесах, взирая на хаос и разрушение, царившие вокруг. Миновал полдень, но до вечера было еще далеко; значит, шторм, сгубивший «Тигрицу», бушевал полтора дня – капитану помнилось, что первые порывы ветра налетели позавчера, перед закатом. Полтора дня! Срок между жизнью и смертью… Тогда корабль его был цел, и экипаж – жив; все восемьдесят с лишним молодцов с Барахского архипелага, матросы, гребцы, лучники, мастера абордажа, паруса и секиры… Теперь они лежали на дне, у берегов этого проклятого островка, а остов разбитого судна торчал на белых клыках рифов, напоминая китовый скелет, обглоданный акулами… Похоже, не спасся никто, подумалось капитану. Его барахтанцы были крепкими парнями, но ни один не мог сравняться выносливостью и силой с ним, с вожаком пиратской вольницы. Ни Харат, парусный мастер, ни силач Стимо, который мог в одиночку вытянуть тяжелый якорь со дна морского, ни стрелок Ворон, попадавший в кольцо за пятьдесят шагов… Ни кривоногий шкипер Шуга – тот, с переломанными ребрами, камнем, пошел на дно… Прах и пепел! Отличное судно, отличный экипаж! И – ничего… Только измочаленный остов на белых зубьях скал, торчавших у входа в бухту…

Но он ошибался: у самой кромки прибоя лежало нечто темное, какая-то масса неопределенных очертаний. Подойдя ближе, он увидел расщепленную, битую на камнях деревянную фигуру тигрицы и привязанное к ней тело Харата. Звериная пасть была по-прежнему грозно разинута, но в ней уже не сверкали клыки из зуба акулы, и на месте выточенных из янтаря глаз зияли две темные впадины. На то, что осталось от Харата, парусного мастера, лучше было не смотреть. Кровавое месиво, пожива Нергала…

Вытащив кинжал, он перерезал веревку, поднял труп на руки и вошел в воду – туда, где поглубже. Потом опустил тело на дно и смыл кровь Харата с плеч и груди. Барахтанцы были лихими мореходами, детьми океана, и лучшая могила для любого из них – морские воды. Там, в тишине и покое, и будут они лежать, все восемьдесят с лишним… будут ждать, когда

капитан присоединится к ним на Серых Равнинах… будут глядеть, отпустит ли он обещанный пинок Нергалу…

Угрюмо усмехнувшись недавнему своему бахвальству, он вернулся к наполовину просохшей одежде, связал ее в узел и направился в глубь острова. Тут, на берегу, было нечего делать – разве что отдать последний долг погибшим, перечислив их имена и совершив возлияние крепким барахтанским вином. Но вина под руками не имелось, и он подумал, что товарищи простят его.

Он шел среди обломков разбросанного камня и поваленных древесных стволов, внимательно оглядываясь по сторонам и мурлыча песню – заунывный мотив, который тянули его гребцы, наваливаясь на весла. Голос у него был сильный, и хотя в глотке пересохло, звуки разносились далеко окрест, тревожа мертвую тишину.

Не тугие муссоны
И не буйный пассат —
Позабытые песни
За кормою шумят.
Позабытые песни,
Догоревший костер,
Пепел брошен на ветер,
Брошен в синий простор…

«Прах и пепел, – подумал он, – хоть бы Шуга, старый пес, остался в живых! Было бы с кем перемолвиться словом…»

Но Шуга, скорее всего, уже шагал вниз по узкой тропинке, спускаясь на Серые Равнины и мысленно подсчитывая свои грехи. Он сам сделался прахом и пеплом.

Пепел, пепел, откликнись,
Расскажи, расскажи,
Где дорога обратно,
В океане лежит…

Но пепел молчал. И молчали раздробленные в щебень камни, и мертвые изуродованные деревья, и кусты, выдранные с корнем, и вспаханная, иссеченная земля, где увядшие травы и цветы мешались с кровью и плотью мертвых животных. Судя по изобилию всей этой погибшей растительности, раздавленным плодам и звериным останкам, островок еще недавно цвел пышным садом, какого не было ни у владык Турана, ни у привыкших к утонченной роскоши повелителей Офира, Шема и Аргоса. Видать, Митра благословил эту таинственную землю в океане, одарив ее светом и теплом! Митра благословил, а темные боги позавидовали и наслали небывалый ураган, ибо отродьям тьмы всякая красота – что бельмо в глазу…

Он огляделся. Взгляд его скользил по взметенному серому песку, по рухнувшим пальмам – они напоминали сейчас огромные растрепанные метлы, по темным стволам дубов и буков с переломанными ветвями, по раздавленным в слизь нежным цветам магнолий, до сих пор

испускавшим сладкий и тревожный аромат, по раздробленным камням и валунам, смешавшимся с древесной плотью, по зарослям бамбука, похожим теперь на щетину, плод стараний неумелого брадобрея… И все-таки остров был прекрасен! Пусть он хранил лишь остатки былой прелести, но внимательные взоры находили их тут и там, словно следы былого изящества черт и благородной красоты на лице покойного.

«Кром! – подумал капитан. – Эта несчастная земля достойна погребального гимна!»

Он зашагал дальше, оглашая окрестности новой песней, не то стараясь подбодрить себя, не то желая вселить надежду в истерзанный мир, который видели его глаза.

Рубите мачты, ребята,
И снасти рубите тоже!
Атоллы на горизонте
Сияют коралловой кожей!
Якорь швырните за борт,
И парус порвите в клочья,
Атоллы судьбы нам светят
Тропической темной ночью.
Мы вплавь до них доберемся;
Там ветер и синие волны
Качают прекрасный остров,
Таинственный и покорный…

Тут он смолк, размышляя над тем, что никто не добрался вплавь до этого таинственного берега – только он сам да Харат, прибывший сюда не в лучшем виде.

Проклятье Нергалу! Проклятье смрадным морским демонам! Его команда, его прекрасное судно! Его стремительная «Тигрица», память о смуглокожей Белит!

Он чувствовал себя так, словно Кром вырвал у него печень. Именно печень, а не сердце; киммерийцы, его народ, считали печень средоточием жизненных сил.

Миновав полосу поваленного леса, он очутился на поляне, где был приготовлен и стол, и дом, и ужин, и питье. Среди разворошенной травы струился ручеек с мутной водой; рядом валялся рухнувший сикомор, чьи ветви еще сохранили остатки листвы и могли послужить укрытием; под ним лежал олень. Падающее дерево переломило зверю хребет, и теперь с одной стороны ствола торчали круп и задние ноги, а с другой – вытянутая в предсмертной агонии шея и голова с ветвистыми рогами; раскрытые мертвые глаза взирали на мир с жалобным удивлением.

Печальное зрелище! Сразу три покойника: зверь, дерево да испоганенный ручей! Но капитан «Тигрицы» смотрел на это иными глазами: мясо, укрытие и пресная вода. Заметив это место, он напился, но есть не стал. Хотя сырая оленина не внушала ему отвращения, он мог еще потерпеть. Быть может, удастся найти кремень… или дерево, подожженное молнией… Дохлый олень не денется никуда – никуда, кроме его желудка.

За поляной вновь начинался бурелом, и тут капитан приостановился, впервые отметив нечто странное: среди поваленных деревьев были и тропические породы, какие доводилось ему лицезреть в далеком Пунте, в Зембабве и Стигии, и золотистые сосны, что росли в Киммерии, и угрюмые асгардские ели, и особый вид акации, произраставшей только в

Кхитае. Вспомнив про пальмы, дубы и вывороченный с корнем сикомор, он задумчиво покачал головой. Казалось, чья-то воля собрала на этом островке растения со всех концов земного круга; быть может, то было случайностью, быть может, совсем наоборот. Но ни один человек не мог бы справиться с такой гигантской работой – свезти сюда деревья со всех стран, со всего Туранского материка!

Простой человек не справился бы, – мысленно отметил он, пробираясь через завал, – но кто говорит о простом человеке? В мире немало людей, одаренных таинственными и страшными силами, а кроме них есть еще и демоны, духи, призраки, боги… Быть может, этот остров являлся обителью какого-то божества или мага? Но это казалось странным; ни колдун, ни тем более бог не позволили бы свершиться такому чудовищному опустошению. Тут он припомнил слова покойного Шуги – о том, что буря наслана – и вновь призадумался. Не попала ли несчастная «Тигрица» меж молотом и наковальней, в схватку неких могущественных стихий?

За буреломом нашлось почти нетронутое место: три скалы, прикрывавшие небольшой овальный пруд и клочок зелени на его берегу. Одна скала, торчавшая поодаль, напоминала серую округлую слоновью спину; в ней было пробито отверстие, из которого в пруд низвергалась струйка чистой воды. Две другие, соприкасавшиеся боками, походили на розовые гранитные клыки. Они были вдвое выше, чем утес-слон, с обрывистыми склонами и остроконечными вершинами; у их подножий, в траве, почти не тронутой ураганом, стояла беседка. Шесть невысоких пальм с густыми кронами, служившими крышей, шесть опор, перевитых лианами… Это могло оказаться игрой природы либо творением неведомого и искусного садовника.

Поразмыслив, капитан остановился на последнем варианте: водосток в серой слоноподобной скале имел явно искусственное происхождение. Значит, на острове были люди – и, судя по всему, не простые. Чего же они прячутся, эти чародеи?

Он опустился в густую траву рядом с беседкой, одолеваемый усталостью. Ночь и день, и снова ночь, и целое утро его могучее тело и сильные мышцы противились сну, его руки сжимали рулевое весло, его голос гремел над палубой «Тигрицы», ободряя экипаж, его глаза озирали мрачную громаду туч… Теперь он чувствовал, что силы его на исходе. Вернуться к мертвому оленю и съесть кусок мяса? Или поспать здесь, в беседке у пруда, под защитой розовых скал-клыков?

Он еще решал эту проблему, когда на берегу водоема, в десяти шагах от него, возникла фигура девушки. Вероятно, он задремал на миг, ибо не видел, как и откуда она появилась; быть может, выскользнула из-за груд поваленных деревьев, или обогнула серую скалу, или вынырнула из пруда, волшебным образом не замочив своих легких одеяний. Как бы то ни было, она была здесь, и сон отступил, побежденный любопытством.

Некоторое время они в молчании взирали друг на друга. Девушка была высокой и гибкой, с фигурой Изиды, с формами соблазнительными и, в то же время, девственно-строгими. Лицо ее поражало: огромные нечеловеческие глаза, изумрудные зрачки с вертикальным кошачьим разрезом, пунцовые губы, нежный атлас щек и водопад рыжих кудрей, в беспорядке струившихся по плечам. Плечи же, как и стройные ноги выше колен, были обнажены, да и прочие части тела просматривались вполне ясно: воздушный хитончик не скрывал ничего. Ни маленьких упругих грудей, ни перламутровой раковины живота, ни округлых и в меру полных бедер, ни лона, покрытого золотистыми волосками. Озаренная солнцем, она была прекрасна, как дикая орхидея из заповедных рощ богини любви!

Капитан сглотнул слюну.

– Кром! Или я сплю, или духи острова решили подшутить надо мной… Откуда ты взялась, красотка? Как твое имя?

Пунцовые губы шевельнулись:

– Гость первым называет себя.

Голос ее был тихим и мелодичным, но слова звучали отчетливо, словно удары корабельного гонга. Капитан усмехнулся и протянул руку на восток – туда, где за океанскими волнами лежали просторы Туранского материка.

– Там меня называют Конаном, – произнес он. – Иногда – Конаном-Варваром или Конаном из Киммерии, иногда – Амрой, что значит Лев, иногда другими именами. Я – странник, искатель славы и богатств.

– Здесь ты найдешь и то, и другое, – по-прежнему негромко ответила девушка. Потом, склонив прекрасную шею, добавила: – Я – Дайома. Дайома, которая служит Владычице этого края.

* * *

Конан поскреб небритую щеку.

– Владычица? Выходит, у острова есть хозяйка?

– Да, как у всякой древней земли. А эта земля очень древняя, Конан. Осколок Атлантиды, память о допотопных временах… Но вряд ли ты об этом слышал.

– Слышал. И не только слышал, – на губах киммерийца промелькнула задумчивая усмешка. На мгновение ему показалось, что над ухом вновь раздался клекочущий хриплый голос призрака, Небесной Секиры, творения божественного Кователя из Атлантиды. Потом голос смолк, и взгляд Конана вновь обратился к девушке.

– Говоришь, Владычица? И сколь она сильна?

– У нее хватает силы, чтобы властвовать над всеми этими землями, – Дайома плавно повела рукой, обозначив и недалекое побережье, и пруд между скал, и рухнувший лес, усеянный обломками камня.

– Немногое же осталось от ее земель, – пробормотал киммериец. – Знавал я кутруба по имени Шапшум и всяких других тварей – вроде демона Аль-Киира или Морат-Аминэ… Так вот, все эти ублюдки, собравшись вместе, не смогли бы натворить такого разора, как утренний ураган. Видно, твоя Владычица не очень-то сильна, если допустила такое!

Девушка встряхнула головой и улыбнулась; блеснули жемчужные зубки, рыжие локоны заплясали по плечам.

– Не будем говорить о ней. Здесь только ты и я – чего же больше?

– Это верно, – протянул Конан, внезапно обнаружив, что рыжеволосая красавица приблизилась к нему на три шага. От нее пахнуло ароматом цветущих магнолий – горьковато-сладким, томительным, опьяняющим. – Здесь только я и ты, Конан и Дайома… Ну, и чего же тебе надо?

– Гость, опять же, должен первым высказать свои желания… – Ее улыбка сделалась лукавой. – Ну, и чего же тебе надо?

– Вина и еды. Еще – поспать.

Дайома приблизилась еще на три шага. Теперь киммериец видел, как напряглись ее

соски под полупрозрачной тканью хитона.

– Ты уверен? Может быть, есть что-то другое, чего ты жаждешь больше вина и еды? Не говоря уж о сне?

– Может быть.

Он поднялся, расстегнул пояс с кинжалом и швырнул его в траву. Не отказывайся от того, что дают боги, промелькнула мысль. Сегодня они послали эту девушку, прислужницу местной Владычицы; послали ее прежде пищи и вина. Так тому и быть! Он возьмет этот дар, а потом и все остальное, что ему предложат… Кажется, речь шла о славе и богатстве? Неплохо, совсем неплохо! Слава, богатство, красивые девушки, мясо и вино… Что еще нужно человеку?

Только вино должно быть обязательно барахтанским, подумал он, протягивая руки к улыбавшейся Дайоме.

* * *

Первый голод был утолен, но только первый голод; впереди уже виделась бесконечная череда пиров, роскошных празднеств плоти, расточительных торжеств и любовных экстазов. Ее избранник был могуч и неистощим; трижды он заставил ее стонать от восторга и извиваться в траве, кусая губы. А ведь он устал! Очень устал! Ночь и день, и снова – ночь и день… Двое суток на качающейся палубе корабля, влекомого бурей; ни поспать, ни перекусить… И все же он оказался таким, как она предполагала: могучим и неистощимым.

Владычица подняла руки, и служанки осторожно и нежно извлекли ее из нефритовой ванны, из хлопьев ароматной пены, взметнувшихся над зеленым полупрозрачным камнем грудой невесомых белых облаков. Мягкая льняная ткань коснулась ее кожи; вытирая госпожу, служанки трудились с благоговением, словно имели дело с хрупкой статуэткой кхитайского фарфора. Все они были красивы, хотя и не так, как восставшая из ванны Владычица; одна острым лукавым личиком походила на лису, другая, белокожая и кроткая, на голубку, третья, черноглазая, с яркими губами – на обезьянку, четвертая – на шуструю проворную белочку. Собственно говоря, они и были лисой, голубкой, обезьяной и белкой, превращенными в девушек магическим искусством Владычицы – как и остальные ее слуги и стражи, произошедшие от зверей. И в каждом оставалось нечто характерное, нечто едва заметное, но ощутимое, напоминавшее о прежнем существовании.

Льняная ткань сменилась губкой, пропитанной ароматическим бальзамом; она ласкала кожу, придавая ей блеск и неподражаемый аромат. Владычица, не замечая искусного массажа, думала о своем.

Тысяча путей ведет к сердцу мужчины; какой же избрать? Тот, с кустистыми бровями, надменный властолюбец с севера, был пленен ее телом и колдовской властью; он жаждал овладеть и тем, и другим. Но пришелец из волн морских не походил на стигийского колдуна. Конечно, он наслаждался ее прекрасной плотью, но достаточно ли этого, чтобы его удержать? Возможно, ему захочется разнообразия? Что ж, она могла надеть личину смуглой черноволосой стигийки, шемитки с полными грудями и золотистой кожей, белокурой голубоглазой аквилонки, огненной заморанки, нежной и страстной вендийки… Она, Владычица иллюзий и снов, некогда пленившая самого Ормазда, могла предстать любой из тысяч красивейших женщин мира – неповторимая, соблазнительная, опытная в искусстве

любви. Будет ли он доволен? Прислужница-Лисичка набросила на нее тунику из желтого кхитайского шелка, невесомую, как туман над водой, расшитую золотыми хризантемами – желтое и золотое шло к ее глазам и волосам. Голубка и Белочка уже занимались прической, сооружая из пышных рыжих прядей корону о семи листьях-зубцах, вплетая в волосы изумрудные нити, скалывая их жемчужными заколками и филигранными гребнями из орихалка. Владычица повела взглядом в сторону Обезьянки, застывшей в ожидании приказаний.

– Зеркало!

Зеркало было тотчас поднесено: блистающий серебряный овал в оправе слоновой кости. Полюбовавшись несколько мгновений своим прелестным лицом, Владычица молвила:

– Не это! Подай магическое зеркало, моя милая.

Обезьянка метнулась к туалетным столикам – вычурным, с изящно изогнутыми ножками и расписными фарфоровыми медальонами, подхватила магический кристалл, поднесла госпоже. Чуть скосив глаза, Владычица заглянула в хрустальную глубину и улыбнулась: ее возлюбленный спал. Спал прямо на траве, в пальмовой беседке – там, где она покинула его. Он был совсем нагим, и мощные мышцы бугрились на его плечах и груди, а руки – сильные руки, чьи объятия она успела изведать – были раскинуты в стороны. Одна покоилась на рукояти кинжала, украшенного самоцветами, другая мертвой хваткой сжимала пучок травы. Лицо спящего было мрачным, и Владычица, сосредоточившись на миг, узрела, что видятся ему гибнущий корабль и трупы моряков, идущие ко дну. Почти не приложив усилий, она наслала другие сны: свой облик, свою нежную грудь с алыми ягодами сосков у его рта, свои руки, ласкавшие его крепкую шею. Черты возлюбленного разгладились; теперь на губах его заиграла мечтательная улыбка.

Пусть спит, пусть! Пусть видит сны и мечтает о ней!

Лисичка, склонившись к ее ногам, шнуровала сандалии из золотистой, в цвет тунике, кожи. У них был высокий каблук, что придает женским ногам соблазнительное изящество и стройность, розы из мелких изумрудов, обрамлявшие носки, и длинные шелковые ленты, коими надлежало многократно обвить лодыжку и голень, завязав изящным узлом под коленом. Лисичка была мастерица вывязывать хитрые узелки – вероятно, такое уменье сохранилось у нее с прошлых времен, когда она ловко путала следы в дубовых аквилонских лесах. Но теперь ее задачи были сложнее, намного сложнее!

Потрепав ее по медовым волосам, Владычица снова заглянула в зеркало. Ее киммериец уже пробудился и теперь сидел, протирая кулаками глаза. С каждым движением мускулы, будто гладкие змеи, переползали от плеча к локтю, темные встрепанные волосы свешивались на лоб, четко очерченные губы кривились в зевоте.

«Милый! – подумала она, ощущая вкус его поцелуев. – Милый, ты не должен торопиться. Я еще не готова!»

Но он уже встал и принялся натягивать свою отвратительную одежду – рубаху из парусины, которой можно было бы ободрать полировку с мебели, штаны, вонючую куртку бычьей кожи и сапоги, годившиеся разве что для заточки ножей – столь шероховатыми и грубыми были их голенища. Потом он перетянул талию ремнем и сунул за него кинжал с двумя крупными рубинами на рукояти и россыпью фиолетовых аметистов – единственную вещь, которая не оскорбляла взора Владычицы своим безобразием.

«Еще немного, – промелькнуло у нее в голове, – еще немного, и ты оденешь бархат и шелка, милый! Да, бархат и шелка, и тонкие кружева, и драгоценности, каких не видел ни

один король, ни один принц твоих варварских земель!»

Ее прическа уже была завершена: корону из рыжих локонов венчала маленькая брильянтовая диадема, на чистый высокий лоб спускалась цепочка с лунным камнем, ее символом, знаком ее власти над снами и иллюзиями, подаренным самой Иштар. Невольно она взмолилась к ней, испрашивая покровительства в любви и в то же время размышляя о своем киммерийце. Как все-таки удержать его? Великолепием и красотой? Богатством и негой? Изысканными любовными ласками?

Она предчувствовала, что даже готова применить силу… Не только силу над миром сновидений, дарованную ей богами, но и обыкновенную грубую силу, дремавшую сейчас в самой дальней камере ее огромного дворца. И, будто ощутив это ее намерение, Серый Камень дрогнул на железном постаменте, и в сердцевине его, твердой и крепкой, промелькнула искра. Впрочем, она тут же исчезла, и камень вновь стал камнем – бесформенным, шероховатым и грубым, размером в шесть с половиной локтей и цветом, напоминавшим серое ненастное небо. Безжизненный обломок по-прежнему стыл в своем подземелье, холодный и мертвый, угрюмый, как породившая его скала; лежал и ждал своего часа. И час этот приближался.

Но еще не наступил! Не наступил, ибо Владычица не явилась пока избраннику своему во всем блеске прелести и красоты, во всем могуществе и силе, во всем богатстве и власти. Быть может, он соблазнится чем-нибудь? Не властью, так красотой, не силой, так богатством…

Голубка набросила ей на плечи великолепную мантию, расшитую изображениями лунного серпа, из тонкой ткани дзонна, которую не умели ткать ни в древней Стигии, ни в изысканном Офире, ни в далеком Кхитае. И немудрено – в ткань эту, вместе с нитями паутины, вплетали серебряные лучи луны.

Лисичка и Белочка суетились вокруг Владычицы, надевая на пальцы ее драгоценные перстни, на шею – изумрудное ожерелье, на запястья – браслеты из бледносияющего орихалка. Обезьянка, как было велено, держала зеркало; и там, в прозрачной глубине кристалла, маячила темная мужская фигура, бредущая к побережью. Он шел туда, куда она сказала: к бухте, простиравшейся за белыми клыками рифов, к утесам, что высились справа от воды, и к гроту, зиявшему в скалистой стене. К ее гроту.

В уши Владычицы вдели серьги – изумруды в оправе из брильянтов, две крохотные звездочки, сиявшие зеленым и белым. Теперь она была готова! Распахнулись тяжелые створки дверей ее личного чертога, вспыхнули огни в тысяче светильников, выстроились слуги и стражи, блестя одеждами и доспехами, полилась негромкая мелодия флейт. И под их нежные звуки Владычица направилась к мраморным ступеням, ведущим наверх, к просторному гроту на морском берегу.

* * *

– Рубите мачты, ребята, и снасти рубите тоже! – бурчал Конан, пробираясь по песку, заваленному камнями, увядшими листьями пальм, водорослями и обломками раковин. Он старался не глядеть в ту сторону, где на рифе застыли жалкие останки «Тигрицы»; это зрелище не прибавляло ему хорошего настроения. Солнце шло на закат, и от скал и истерзанной пальмовой рощи уже протянулись длинные тени. Пора было позаботиться и о

ночлеге! А также – о пище и вине.

Как там сказала зеленоглазая девчонка? Встань лицом к воде, и справа будут скалы, а в них – пещера… Да, пещера, где живет Владычица… Видать, дома поприличней у нее нет, коль ютится в дыре под скалами… Или усадьба ее разрушена бурей? Кром, даже крепостные стены и башни не устояли бы в такой ураган! Ладно, прах и пепел с этими стенами и башнями; сохранился бы погреб! В погребах держат припасы: нежную копченую свинину, говяжьи ребра и ляжки, бараньи туши, колбасы и овечий сыр, муку и мед, орехи, сушеные фрукты и вино… Особенно вино, размышлял Конан, надеясь, что у Владычицы острова хватило ума попрятать все съедобное, что нашлось в доме – в погреб или в пещеру, все равно. Он сильно проголодался, ибо любовные утехи всегда разжигают аппетит, но ужинать сырой олениной ему не хотелось. Да и зачем? Ведь рыжая – перед тем, как исчезнуть, – сказала, что Владычица ждет гостя в своем гроте и готовит целый пир. Конан же был не из тех людей, что являются на пиры сытыми.

Однако, шагая вдоль скалистой стены, он размышлял не об одном лишь мясе, хлебе и крепких напитках; его томило любопытство и желание узнать, сколько у местной Владычицы таких пригожих служаночек, как та рыжая.

Побыла она с ним недолго, но вроде бы осталась довольной, а потом исчезла, шепнув насчет грота и намечавшегося торжества. Видать, госпожа ее была женщиной гостеприимной и к странникам относилась с доверием – иначе с чего бы ей посылать красивую служанку в утешение мореходу, выброшенному на остров ветрами и волнами?

Грот Конану удалось найти без труда. Небольшая округлая бухта, при входе в которую потерпела крушение «Тигрица», открывалась на запад, и последние солнечные лучи высветили обширный проем в скальной стене. Теперь он понимал, почему рыжая сказала «грот», а не «пещера». В пещеры ведут узкие ходы, тоннели либо незаметные расселины в горах; в пещерах темно, точно в брюхе Нергала, мрачно, сыро и холодно; в пещерах чувствуешь, как давит сверху громада камня и земли. Иное дело грот, открытый солнцу и ветрам, светлый, с широченным входом, с полом, усыпанным мягким песком. Обнаружив его, Конан сразу же заметил, что внутри, напротив входного проема, что-то мерцает и посверкивает – да так, что больно глазам.

Это оказались врата, огромные врата, отлитые из бронзы и украшенные изображениями луны и звезд. Насчет их материала у киммерийца зародились некие сомнения; он никак не мог решить, бронза то была или нет. Но кто же станет покрывать створки ворот пластинами чистого золота? Это было бы слишком расточительно – или явилось бы свидетельством такого безмерного богатства, какого он и представить не мог.

Замерев посреди грота – обширной ниши в скале, достигавшей пяти человеческих ростов – он с изумлением рассматривал отделанную бледно-желтым металлом арку и чеканные узоры на огромных дверях. Поверхность их словно бы плыла перед глазами: то казалось, что она отливает рыжинкой подобно золоту, то отблескивает красноватым оттенком бронзы, то исчезает вообще, обратившись в грубую первозданную скалу. Такими же зыбкими, текучими, были и магические символы, изображенные на створках: знаки луны вращались медленно, неторопливо, тогда как звезды кружились в стремительном хороводе, иногда собираясь в привычные созвездия, иногда вытягиваясь в большие спирали или вовсе исчезая.

Конан глядел на это чудо, и в практичном его уме начинали возникать новые мысли. Пожалуй, не приходилось тревожиться за погреба и запасы Владычицы: тот, кто сумел

сотворить эти магические двери, мог побеспокоиться о собственной безопасности. А также о безопасности своей челяди, своих слуг и служанок – и рыжих, и черноволосых, и всех прочих, сколько бы их не оказалось за этими врезанными в скалу вратами. Кром! Выходит, зеленоглазая девчонка не врала насчет силы своей госпожи!

Увлеченный этими раздумьями, он даже не дрогнул, когда мерцающие створки с тихим шелестом разъехались в стороны, открыв широкую лестницу белого мрамора, полого уходившую вниз. По лестнице двигалась пышная процессия: девушки в ярких разноцветных одеждах, с диадемами в высоко подобранных волосах; мужчины, облаченные в сиреневые, палевые и лиловые плащи, державшие в руках светильники – не факелы или масляные лампы, а сиявшие ровным светом шары на серебряных стержнях; другие мужчины, в доспехах из панцирей морских черепах, инкрустированных золотом и перламутром, с трезубцами и обнаженными волнистыми клинками, с секирами в форме полумесяца, с боевыми молотами, остроконечными или загнутыми словно клюв коршуна. Некоторые из этих воинов вели тигров, леопардов и черных пантер в шипастых ошейниках – вели не на цепях, а на шелковых лентах или тонких ременных поводках; и это показалось Конану столь удивительным и необычным, что он не сразу заметил ту, что выступала во главе процессии.

Но заметив, уже не мог отвести от нее глаз. Он не мог бы сказать, как и во что она одета: плащ и туника ее, и корона рыжих волос, и сверкающие искорки самоцветов казались неким воздушным золотистым заревом, на фоне которого выступало прекрасное лицо – с кошачьими зелеными зрачками, с алой раной рта, с ровными дугами бровей под высоким чистым лбом. Он сразу узнал ее и все же оставался в сомнении: она ли это или не она? Давешняя рыжеволосая девчонка была беспутной юной богиней, снизошедшей к простому смертному; теперь же богиня встречала его во всем блеске величия и красоты – так, как бессмертные являются великим героям и вождям, желая почтить их и намекнуть, что они равны – или почти равны – друг другу.

От блистающей толпы отделился человек в доспехах, украшенных полумесяцем, с гривой светло-желтых волос; чертами лица он напоминал льва. Низко поклонившись Конану, он произнес:

– Владычица наша приветствует тебя, странник. Ты – желанный гость в царстве ее, и все тут покорно твоим велениям: люди и звери, ветры и облака, деревья и травы. Ты, пришедший из волн морских, из мира тревог и суеты, обретешь здесь покой; ты – властелин наш, первый после Владычицы, и воля твоя – закон.

Первый после Владычицы, отметил Конан; значит, все-таки второй. Вторым он быть не привык, даже в гостях – и, тем более, после женщины. Но встреча, уготовленная ему, выглядела великолепной, и сейчас не стоило считаться местами. А потому, не отрывая глаз от прекрасного лица и стройной фигуры рыжеволосой, он произнес:

– Владычица добра ко мне, и боги вознаградят ее за гостеприимство.

«Еще как добра!» – подумал Конан, жадно уставившись на соблазнительную грудь хозяйки острова; теперь он не сомневался, что перед ним та самая зеленоглазая служаночка, что одарила его своими милостями в пальмовой беседке.

– Войди же во дворец Владычицы и вкуси отдых, – сказал воин-Лев, снова кланяясь и простирая руки в сторону лестницы.

Пестрая толпа придворных расступилась; женщины, мужчины и звери стояли теперь двумя шеренгами у мраморных перил подобно статуям, украшавшим тянувшуюся вниз лестницу. Владычица, должно быть, заметила откровенные взгляды гостя; по губам ее

скользнула лукавая улыбка, голова в брильянтовой диадеме чуть склонилась; истолковав это как приглашение, Конан направился к пологим ступеням.

Они начали спускаться вниз, неторопливо и торжественно. Следуя за хозяйкой подземного дворца и вдыхая исходившие от нее горьковато-сладкие ароматы, киммериец то наблюдал за плавным раскачиванием бедер Владычицы, то с нескрываемым любопытством озирался по сторонам. Лестница уходила вглубь, так далеко, что никакие бури и ураганы, бушевавшие на поверхности, не могли обеспокоить обитателей подземелья; сотни сияющих шаров озаряли ее ярким светом, почти неотличимым от солнечного.

В молчании, сопровождаемые бесконечной процессией воинов и слуг, они миновали спуск и очутились в огромном круглом зале с потолком, напоминавшим шатер: колонны, украшавшие его, продолжались ребристыми выступами вдоль всего свода, соединяясь в центре его, где сверкала большая восьмилучевая изумрудная звезда. Исходивший от нее свет, зеленый и таинственный, смешивался с блеском белых шаров в руках слуг, и потому весь просторный чертог выглядел будто бы погруженным на шесть или восемь локтей в морские глубины, где солнечные лучи, еще сохранив свою силу, пронизывают толщу вод. Словно для того, чтобы подчеркнуть это сходство, стены зала промеж колонн были декорированы причудливыми раковинами и панцирями морских чудищ.

Отсюда они двинулись просторным коридором, который выводил в чертог поистине титанических размеров, тоже круглый, не меньше трехсот шагов в поперечнике. Вокруг стен его ряд за рядом шли балконы и галереи, соединенные изящными лестницами; понизу бежала круговая дорожка, выложенная плитками нефрита, лазурита и яшмы; на равных расстояниях зияли стрельчатые арки, ведущие в анфилады богато убранных покоев; потолок сиял небесной голубизной. Но главным был сад – пышный сад, обрамленный круговой дорожкой из цветного камня. Владычица обошла его почти целиком – быть может для того, чтобы гость мог полюбоваться лимонными и апельсинными деревьями в цвету, вдохнуть аромат пестрых орхидей, услышать тихий шелест серебристых ив, склонившихся над глубокой перламутровой раковиной бассейна, восхититься горкой из янтаря тысячи оттенков, засаженной маками, тюльпанами, лилиями и прочими цветами красных, оранжевых и желтых оттенков. Еще тут были фонтаны, в коих струилось вино (что Конан безошибочно установил по запаху), мраморные и порфировые беседки, прятавшиеся под ветвями развесистых дубов, дорожки, посыпанные цветным песком, изваяния богов и демонов стихий, статуи невиданных животных, клетки с яркими птицами, множество видов кустарника, цветы и маленькие каналы с прозрачной водой, над которыми были переброшены крохотные мостики, непохожие друг на друга, то плоские, то ступенчатые или выгнутые изящными арками.

Из этого чудесного сада они направились в анфиладу особо роскошных покоев, уставленных драгоценной мебелью – столами, инкрустированными редким камнем, креслами и диванами, обшитыми мягкой кожей, бархатом либо шелком, резными ларцами и сундуками, на крышках которых виднелись картины, выложенные цветным жемчугом, шкафами из черного и красного дерева с затейливой резьбой, хрустальными семисвечниками, в коих пылали все те же световые шары, кувшинами и вазами, то огромными, в человеческий рост, то совсем небольшими, величиной в ладонь, зато украшенными росписью в кхитайском стиле. Нашлось тут место и алтарям светлых богов, Митры, Ормазда и Исиды; перед ними курились благовония, сандал и мускус, наполняя воздух приятными запахами.

Впрочем, все эти чудеса вскоре утомили Конана; он жаждал поскорее добраться до пиршественного зала, а потом – до спальни хозяйки. Он не сомневался, что рано или поздно туда попадет. Эта рыжеволосая зеленоглазая красавица – безусловно, колдунья! – уже представила доказательства своего благоволения. И свидание в пальмовой беседке у скал, и пышная встреча на пороге подземного дворца, и обещания сделать его господином над людьми и зверями, ветрами и облаками, деревьями и травами – к чему бы все это? Ответ был только один, и Конан знал его так же четко, как семь молитв в честь Бела – божества, посылающего удачу ворам и авантюристам. Кстати, его изваяний он здесь не обнаружил и решил, что лукавый бог Заморы не удостоен почитания прекрасной хозяйки.

Итак, он следовал за ней, ступая грубыми сапогами по мягким шелковистым коврам и прихотливым мозаикам, принюхиваясь и прислушиваясь, надеясь уловить звон посуды, а также запахи жаркого и свежего хлеба. Но отвели его не за стол и не на ложе, а в чертог с бассейном, полным горячей воды и обнаженных прелестных девушек; они поджидали его с губками в руках, и Конан понял, что у блюда с мясом он окажется не скоро.

Так оно и случилось. Выбравшись из купальни, он попал в лапы брадобрею и массажисту, а когда с этими процедурами было покончено, киммериец обнаружил, что одежда его исчезла. Ему оставили только кинжал, древний стигийский клинок из Файона, чьи ножны, лезвие и рукоять вполне гармонировали с окружавшей роскошью. Вместо рубахи, штанов и просоленной кожаной куртки его облачили в одеяние из ткани, напоминавшей серебристую рыбью чешую или кольчугу: она так же сияла лунным светом, как иранистанский булат, но была шелковистой и почти невесомой. Вместо грубых сапог он получил башмаки из мягкой алой кожи, вместо своего ремня – пояс из перламутровых пластин, оправленных в золото; под конец на шею ему повесили драгоценную цепь, а темные волосы украсили изумрудной короной и жемчужными заколками.

В таком виде он и попал на пиршество, а после него – в опочивальню хозяйки, прекрасной Дайомы, Владычицы миражей и снов. Но все, что свершилось меж ними на убранном шелками ложе, было чистейшей реальностью, ибо в делах любви женщины не признают иллюзий.

ГЛАВА 3
ТОСКА И ПАМЯТЬ

Пятеро обитали в мире, и хотя был тот мир велик, нити их судеб сплетались все крепче, суля одним жизнь, другим – смерть, третьим же разочарование. И было то воистину справедливо, ибо никто не может противиться велениям рока и собственному предназначению!

Его могущество было велико, но власть над живым, особенно над мыслящим и разумным, была ограничена. Веками Он раздумывал над этим, пытаясь вспомнить, всегда ли было так, пытаясь уяснить причину, смысл и цель довлевших над Ним запретов. Вероятно, Он все-таки не являлся всесильным и мог распространить свою безраздельную власть лишь на мертвую субстанцию, тогда как живая требовала каких-то особых талантов, некоего иного дара, которым Он не обладал.

Ему не удавалось сотворить живое – даже самое ничтожное из существ, обладающее самым примитивным чувством. Горы рушились по Его велению, но галька или горсть песка не желали превращаться в пчелу или дождевого червя; он обладал силой, способной поколебать землю, но сотворение улитки оставалось для Него недостижимым. Впрочем, Он мог если не создавать, то преобразовывать живое; пусть та же галька не обращалась пчелой, зато не составляло труда сделать из пчелы улитку или червяка, а более крупную тварь осчастливить человеческим обличьем – или наоборот. Он так же с легкостью путешествовал из тела одного Избранника в плоть другого – тут требовалось лишь учесть, что животные, даже самые большие, для этой цели не подходили: наличие разума и души являлось обязательным условием Его метаморфоз.

Особенно души! Ибо Он мог покинуть плоть человеческую только вместе с душой своего Избранника, отлетавшей в вечный сумрак Серых Равнин. Иных способов не существовало; чтобы уйти, Он должен был убить – вернее, дождаться, когда Избранника убьют. Но такая попытка, предпринятая против Его желания, привела бы к смерти незадачливого убийцы. Пока тело Избранника устраивало Его, тот был неуязвим – почти неуязвим. И почти бессмертен!

А если б некто сумел убить такое почти неуничтожимое существо, то сам сделался бы Его добычей. Превосходной добычей! Ибо сразивший Избранника был бы личностью незаурядной, сулившей Духу Изменчивости желанную новизну; а значит, Он избрал бы его и поселился в нем, без сожалений расставшись с прежним телом. Новое привлекает!

И оно, это новое, привлекало Древнего Духа все больше и больше, все сильней и сильней. Не в первый раз подобные чувства охватывали Его, становясь предвестниками грядущих перемен; временами Он ощущал томление и скуку, а это значило, что пора искать очередного Избранника.

* * *

Конан, стоя по пояс в воде, приподнял сосуд, и багряная струя хлынула в морские волны.

– Тебе, Шуга, старый пес! – провозгласил он. – Глотни винца и не тоскуй на Серых Равнинах о прошлом!

Вино было настоящим барахтанским – таким, каким и положено свершать тризну над дорогими покойными, не вернувшимися из океанских просторов. Во всяком случае, оно пахло, как барахтанское, и отличалось тем же терпким горьковатым вкусом и нужным цветом, напоминавшим бычью кровь. Быть может, думал Конан, Дайома, Владычица иллюзий и снов, отвела ему глаза, подсунув вместо барахтанского сладкое аргосское или кислое стигийское, но вряд ли. За месяц, проведенный на Острове Снов, он убедился, что рыжеволосая колдунья способна сотворить фазана из пестрой гальки и сверкающую мантию из лунных лучей – к чему бы ей обманывать с вином? Нет, барахтанский напиток не был иллюзией – в чем он убедился, в очередной раз отхлебнув из кувшина.

– Тебе, Одноухий, свиная задница! – Вино щедрой струей хлынуло в воду. Одноухий занимал на «Тигрице» важный пост десятника стрелков и его полагалось почтить сразу после Шуги, кормчего. – Тебе, Харат, ослиный кал! Тебе, Брода, мошенник! Тебе, Кривой Козел!

В кувшине булькнуло. Он опрокинул остатки вина себе в глотку, добрел до берега, где выстроились в ряд десяток амфор, прихватил крайнюю и снова вошел в воду. Чего-чего, а вина у него теперь хватало! Да и всего остального, что только душа пожелает… Всего, кроме свободы.

Он отпробовал из нового кувшина, желая убедиться, что в нем барахтанское. Барахтанское и было: красное, терпкое, крепкое. Как раз такое, каким упивались парни с его «Тигрицы» во всех прибрежных кабаках.

– Тебе, Патат, безногая ящерица! Тебе, Стимо, бычий загривок! Тебе, Ворон, проклятый мазила! Тебе, вонючка Рум!

Да, хороший пир он задаст своему экипажу! Вина вдосталь, хоть купайся в нем! А ведь известно, что покойникам много не надо – пару глотков или там по полкружки на брата, и они уже хороши. Значит, остальное он может выпить сам…

Что Конан и сделал, а потом принес новый кувшин.

– Касс, разбойная рожа, тебе! И тебе, Рикоза, недоумок! Прах и пепел! Пейте, головорезы, пейте! Капитан помнит о вас!

Он выкрикивал новые имена, прозвища гребцов, стрелков, рулевых – всех, кто покоился на морском дне, чью плоть сожрали рыбы, объели крабы, чьи души томились сейчас на Серых Равнинах. Он старался не глядеть на проклятый оскал рифов, на гигантские акульи зубы, в которых догнивал остов «Тигрицы»; зрелище это будило в нем яростный гнев. Кому-то он должен предъявить счет, кто-то обязан ответить!

Дайома? Возможно, и Дайома! В этом он еще не разобрался, но разберется! Обязательно разберется! Вот только покончит с этими кувшинами…

– Тебе, Дарват, склизкая гадюка! Тебе, Гирдрам, протухшая падаль! Тебе, Коха, моча черного верблюда! Тебе, Рваная Ноздря, волосатый винный бурдюк!

Запас вина и ругательств кончился. Побросав в море пустые кувшины, Конан, пошатываясь, отошел к скалам, облегчиться; он прикончил три или четыре амфоры, но до сего момента не мог нарушить торжественность обряда. Закончив и застегнув пояс, киммериец побрел в глубь острова.

Тут все уже цвело и плодоносило. За лентой золотистого песка высились пальмы; теплый бриз полоскал зеленые веера листьев, меж ними свисали вытянутые гроздья фиников

или огромные орехи, полные сладкого сока. За пальмовой рощей и травянистым лугом начинался лес, ухоженный и тенистый, ничем уже не напоминавший прежний бурелом из вывороченных стволов и переломанных ветвей. В лесу ветвилась паутина дорожек, и гулять по ним можно было с рассвета до заката, забредая все в новые и новые места; хоть с моря или с любой возвышенности остров выглядел небольшим, но временами Конану казалось, что он не уступает размерами Боссонским Топям, протянувшимся от границ Зингары до самых киммерийских гор.

Возможно, это было иллюзией, вызванной колдовским искусством зеленоглазой Дайомы? Возможно… Точного ответа он не знал; его возлюбленная не любила расспросов насчет своих чародейных дел. Однако она не возражала, когда он захотел посмотреть, как будет приводиться в порядок остров – наверное, хотела убедить его в своей силе и власти над этим клочком земли, заброшенном в Западный океан.

У нее был какой-то магический амулет, опалесцирующий серебристый камень, который она носила на лбу, на золотой цепочке, прятавшейся в рыжих волосах. Велением ее камень начинал светиться, и призрачное марево окутывало скалы, камни, песок, деревья и мертвые тела животных. То, что свершалось потом, напоминало сон: заглаживались шрамы и трещины на израненных смерчем утесах; сваленные беспорядочными грудами валуны вновь занимали отведенные им места, живописно подчеркивая то берег маленького пруда, то куст сирени, то зеленый бархат лужайки; грубые серые пески превращались в золотую мягкую пыль, ласкавшую босые ступни; деревья, поваленные, изломанные и расколотые, опять обретали цельность, покрывались листьями и плодами, возносили кроны свои к синим небесам. И животные! Они оживали, поднимались на ноги, отряхивались; в их глазах не было и следа пережитых страданий, словно мучительная гибель под градом камней и древесными стволами мнилась им сном, прошедшим и навсегда забытым.

Некоторых, истерзанных до неузнаваемости, Дайома не пожелала возвратить к жизни. Зачем? На берегу было сколь угодно камней: из небольших серых галек получались кролики, шустрые белки и обезьянки; из розовых гранитных глыб – львы и тигры; из пестрых валунов – олени, косули и антилопы; из черного обсидиана – черные пантеры. Наблюдая за этим творением живого из неживого, потрясенный Конан не раз задавался вопросом, сколь велика власть рыжеволосой колдуньи над людьми. Быть может, она могла, разгневавшись, обратить его в жуткое чудище? В звероподобную тварь, в вампира-вервольфа, в ядовитого змея или что-нибудь похуже?

Он спросил об этом, но Дайома только рассмеялась. Но как-то потом сказала, что с людьми дела обстоят не столь просто. У человека, даже у самого злобного из стигийских магов, даже у жестокого поклонника Нергала, есть душа – в том и состоит отличие его от зверя. Светлые боги даровали людям не только разум, но и чувство прекрасного, отвагу, умение любить и ненавидеть, гордость, любопытство, самоотверженность, тягу к непознаваемому, юмор, наконец; и все это должным образом упорядочено в человеке и приведено в равновесие с великим искусством. Все это, и многое другое, плохое и хорошее, и составляет душу человеческую – вечную ауру мыслей и чувств, расстающуюся с бренным телом в момент смерти и отлетающую на Серые Равнины, чтобы ожидать там срока Последнего Суда. И столь сложна и непостижима субстанция души, что немногие из мудрых магов или могущественных демонов рискуют прикоснуться к ней, извлечь из тела человеческого и переселить в иную тварь. Ну, а уж создание новой души подвластно только светлым богам!

Слушая рассуждения своей подруги, Конан прикрывал лицо ладонью и ухмылялся. Сам он, безусловно, богом и чародеем не был, но извлек немало душ из бренной плоти своим мечом и топором, и наплодил, быть может, не меньше – если считать, что те красотки, что делили с ним ложе от Аргоса до Уттары, не были все поголовно бесплодными. Есть, выходит, вещи, в которых люди равны богам!

Он начал расспрашивать Дайому о ее слугах, о прелестных служанках, о воинах в доспехах из черепашьих панцирей, о поварах и садовниках, цирюльниках и массажистах, музыкантах и танцовщицах. Выяснилось, что все они произошли от животных и птиц, а следовательно, и душ никаких не имеют – так, одна видимость, фантом человека, но не человек. Дайома утверждала, что, с помощью светлого Ормазда и луноликой Иштар, она могла бы сотворить души, но только немного, три, четыре или пять, ибо ее чародейная сила тоже имеет свой предел. Душа, говорила она, материя тонкая, связанная неощутимыми эманациями с Предвечным Миром и всей огромной Вселенной; а потому легче уничтожить горный хребет или осушить море, чем создать одну душу – столь же полноценную, как та, что появляется на свет с первым младенческим криком.

Конан успокоился, решив, что превращение в медведя, кабана или волка ему не угрожает. Десять дней он пил и ел, делил с Дайомой ложе и не думал ни о чем ином. Другие десять дней он прогуливался по возрожденному острову, не приближаясь к бухте, где торчали на рифах останки его «Тигрицы». Еще он ел и пил, почти с тем же аппетитом, что и раньше, а также не пренебрегал опочивальней своей рыжеволосой возлюбленной. Но потом его потянуло к морскому берегу, к обломкам корабля, к рифам, у подножий которых упокоился его экипаж, восемьдесят с лишним молодцов с Барахского архипелага. Конечно, были они ублюдками и насильниками, проливавшими кровь людскую как воду, но все-таки и у них имелись души… И, вспоминая об этом, Конан делался хмур и мрачен. Десять следующих дней он больше пил, чем ел, и наконец собрался справить тризну по погибшим товарищам.

А справив ее, пошел на неверных ногах к середине острова, забрался на высокую скалу и долго, с тоской, глядел в море – сам не зная, чего ищет. Жизнь на Острове Снов была такой спокойной, такой тихой, такой изысканной – и такими сладкими были объятия Дайомы, такими медовыми ее поцелуи… Он чувствовал, что сам превращается в медовую ковригу – из тех, коими торговали вразнос на базарах Кордавы и Мессантии по паре за медный грош.

И это ему не нравилось. По правде говоря, он предпочел бы стать медведем, кабаном или волком-оборотнем.

* * *

Дайома, Владычица Острова Снов, всхлипнула и вытерла свои прекрасные глаза. Но предательская влага набежала вновь; на длинных ресницах повисли слезинки, сверкающие крохотными бриллиантами.

В чем она виновата? Что сделала не так?

Она была щедрой; она подарила ему покой, негу и любовь – такую любовь, какой не удостаивала никогда ни смертного, ни бога… даже самого Ормазда, снизошедшего к ней через тысячу или полторы лет после Великой Катастрофы… Да, сам Ормазд, светлый и всемогущий, не пробудил в ее сердце подобной страсти! А ведь он не просто бог! Бог богов, почти равный Митре, Хранителю Мира!

И все-таки этот дикарь-киммериец был ей дороже. Дайома следила за ним давно, всякий раз, когда он оказывался в досягаемости ее волшебного зеркала; она томилась и мечтала о нем – так же, как стигийский колдун мечтал о ней в своем мрачном северном замке. Но тут была и разница, очень существенная разница: стигиец жаждал поработить ее, взять в плен, держать, как редкостную птицу в клетке, тогда как она не могла и помыслить о том, чтобы пленить своего киммерийца магическими силами. Видит Иштар, она даже не пыталась вызвать ветер, который пригнал бы его корабль к Острову Снов!

Если бы не буря, поднятая стигийцем и проклятым демоном, вселившимся в него, Конан и сейчас плавал бы где-нибудь у берегов Аргоса или Шема…

И разве виновна она, что экипаж «Тигрицы» пошел на дно – весь экипаж, кроме самого сильного, самого отважного? Ее героя, ее возлюбленного! Он, лишь он один смог выплыть из кипящих бурунов, из яростных волн, доказав, что достоин ее ложа!

А если бы она тоже вызвала бурю, направила к северу ураган, чтоб отразить натиск стигийца, разве это спасло бы его судно и его людей? Скорее всего, они, попав меж молотом и наковальней, потонули бы в океане, во многих тысячах локтей от ее острова… и корабль, и команда, и сам Конан… Одна мысль об этом была невыносима!

Но она его спасла! Спасла, пожертвовав своей цветущей землей, виноградниками и фруктовыми рощами, и пальмами, и золотым песком! Он видел, сколько пришлось трудиться, чтобы привести все в порядок! Неужели он не ценит ее жертвы? Или даже не догадывается о ней?

Сквозь слезы Дайома заглянула в зеркало, и картина, отразившаяся в магическом кристалле, расстроила ее вконец. Конан, пошатываясь, стоял на вершине скалы, грозил небу кулаками и изрыгал проклятия. Темные волосы его растрепались, жемчужные заколки выпали, драгоценная серебристая туника из ткани дзонна была измятой и мокрой; в глазах же возлюбленного, синих, как небо на закате, стыла тоска.

Тоска!

Чего же ему надо?

Он говорил, что является искателем славы и богатств, и он не лукавил: то, что она видела в своем магическом кристалле, подтверждало его слова. Он и в самом деле ходил по свету, искал богатство и честь, бился за них на море и на суше, в Гиперборее и Туране, в Офире и Стигии, в Асгарде и Заморе, в Боссонских топях, в дебрях Конаджохары и Черных Королевствах… И она, при первой их встрече, обещала ему то, чего он жаждал – богатство и славу.

И не обманула!

Правда, лишь богатство было реальным; богатство и роскошь ее подземного дворца, золото и драгоценности, чудеса ее садов, ее вышколенные слуги, что могли угадать даже невысказанные желания. Богатство, нега, покой… Что еще нужно мужчине, такому мужчине? Слава? Что ж, она выполнила свое обещание и насчет славы… Она посылала ему сны; сны, в которых он был великим воином и полководцем, покорителем стран и городов; сны, в которых он вел огромные армии через горы и пустыни, на штурм вражеских цитаделей; сны, в которых он сражал великанов и демонов; сны, в которых он, восседая на престоле, правил и вершил суд. Разве этого мало?

Иллюзия, конечно; зато, обладая всем этим – пусть во сне, а не наяву – он не подвергал риску свою жизнь… Или он хочет именно риска? Жаждет опасностей и странствий? Больше, чем ее любви?

Если б она могла отправить его в последний поход… в самый последний, после которого он принадлежал бы ей, только ей, безраздельно… Если б он в последний раз испил чашу риска и возвратился, оценив то, что она готова ему предложить… Если б он дал слово, что останется с ней навсегда… Если б он…

Внезапно глаза Владычицы сверкнули, слезы высохли; она поднялась, отложив зеркало в сторону, потом решительно протянула над ним ладонь, стиснула пальцы в кулак и выпрямила их, шепча заклинания. В прозрачной глубине возникли каменные башни под серым хмурым небом, белые снега, что громоздились у стен отлогими холмами, скованное льдами море… Мгновение она всматривалась в ненавистный замок, в угрюмый пейзаж, потом стерла картину одним повелительным жестом тонкой руки.

Если б он уничтожил стигийца! Уничтожил, остался жив и возвратился к ней! Навсегда!

Эти желания – избавиться от стигийца и сохранить возлюбленного – были столь сильны, что порожденный ими магический импульс достиг Камня; Серого Камня, застывшего на своем железном ложе в глубочайшем из подвалов ее дворца. Камень все так же казался холодным и мертвым, но то была лишь иллюзия, одна из многих иллюзий, что так охотно подчинялись Владычице Острова Снов, прекрасной Дайоме. На самом деле искорка жизни зажглась, вспыхнула и начала разгораться в твердой и жесткой глыбе гранита… Или то был базальт?.. Такой же твердый, жесткий и неподатливый?

Но Камень не был уже ни базальтом, ни гранитом, ни мертвым обломком скалы. Он будто бы плавился изнутри; вспыхнувший в нем огонь шел все дальше и дальше, пока не прикоснулся к поверхности – и она тоже начала плавиться и течь, вспучиваясь в одних местах и опадая в других, где-то вытягиваясь и где-то сокращаясь, расширяясь и суживаясь, подрагивая и трепеща. Так длилось долго, очень долго, пока глыба базальта – или гранита? – не приняла новую форму, напоминавшую высеченное из камня человеческое тело. Оно было серым и холодным, но уже не мертвым, как породивший его обломок скалы.

И Владычица Дайома, почувствовав вспыхнувшую в камне жизнь, довольно кивнула головой и села в кресло – поразмыслить о стигийце, о Древнем Духе, который покровительствовал ему, о своем возлюбленном и о существе, пробудившемся от сна в самой нижней камере ее дворца.

* * *

– Мой корабль был сделан из хорошего дерева, – сказал Конан. – Обшивка пробита, киль треснул, весла переломаны, но осталось много крепких досок. Клянусь Кромом, был бы у меня топор…

Он замолчал, мрачно уставившись на клетку с крохотными птичками в многоцветном оперении, чьи мелодичные трели соперничали со звоном фонтанных струй. Фонтан бил вином; судя по запаху, это было аргосское.

– И что бы ты сделал, будь у тебя топор? – спросила Дайома. Владычица Острова Снов сидела в невысоком креслице из слоновой кости. Поза ее была небрежной и соблазнительно-ленивой, но прищуренные глаза с тревогой следили за киммерийцем. Он расположился в траве у ее ног, задумчиво уставившись в большую серебряную чашу.

– Я сделал бы плот, если б нашлись веревки, – сказал Конан. – Сделал бы плот и уплыл на восток или на запад… или на север, или на юг… к большой земле или в пасть Нергалу,

все равно.

Прекрасные глаза Дайомы наполнились слезами.

– Тебе плохо со мной… – прошептала она. – Плохо, я знаю… Но почему? Разве ты не искал богатства и славы? И разве ты не обрел их? Тут, у меня?

– Богатство – пожалуй… Но слава, что приходит во сне, и кончается вместе с ним, мне не нужна. Утром я уже не помню, с кем сражался и кого покорил. Но Кром видит, не это самое главное…

– А что же?

– Что? – Конан медленно перевернул чашу, убедился, что она пуста, и вновь наполнил ее из фонтана. – Знаешь, я странствовал по свету и думал, что завоюю власть, славу и богатство и буду счастлив. Но здесь, у тебя, я понял, что все не так. Не так! Поиск сокровищ дороже самих сокровищ, битва за власть дороже самой власти, путь к славе дороже самой славы… Понимаешь?

Дайома понимала, но, как всякая женщина, спросила совсем о другом.

– А я? Разве я не дороже власти, славы и богатства? Конан отпил из чаши, потом небрежно погладил округлое колено своей возлюбленной.

– Ты очень красива, рыжая… Ты красива, и ты – великая чародейка, мастерица на всякие хитрые штуки… и цена твоя много выше славы, власти и богатства… Но путь к ним стоит еще дороже. Дороже всех женщин в мире! Клянусь бородой Крома, это так! – Он допил вино и добавил: – К тому же, я хочу отомстить.

– Кому? – Прикрыв лицо ладонями, Дайома попыталась незаметно стереть слезы.

– Тому, кто погубил мой корабль. Тому, кто отправил на дно моих парней! Все они были проклятыми головорезами, и жизни их, пожалуй, не стоят медной стигийской монеты… Но не для меня! Не для меня! – Он яростно стиснул кулак. – И я хочу отомстить!

– Волнам и ветру? – спросила Дайома, лаская его темные волосы. – Ты безрассуден, милый!

– При чем здесь волны и ветер? Мой кормчий сказал, что буря наслана… А Шуга, барахтанский пес, понимал толк в таких делах! Прах и пепел! Наслана, понимаешь! Кем? Вот это я хотел бы знать! Кем и почему!

Несколько мгновений хозяйка Острова Снов пребывала в задумчивости, размышляя, что сказать и как сказать; она почти уже решила, что план ее насчет стигийца нужно исполнить и извлечь из него максимальную выгоду. Взгляд Дайомы скользнул по пышной растительности домашнего сада, по высокому потолку, прекрасной иллюзии безоблачных небес, по могучей фигуре Конана и его кинжалу в блистающих самоцветами ножнах. В конце концов, подумала она, не так уж хитро изловить одной сетью двух птиц; главное – расставить силки в нужном месте и в нужное время. И позаботиться о приманке!

– Скажи, – ее пальцы утонули в гриве Конана, – если б ты отомстил, твое сердце успокоилось бы? Ты вернулся бы ко мне и принял все, чем я готова тебя одарить? Покой, негу, любовь…

Конан, подняв голову, подозрительно уставился на нее. Кажется, начинались женские игры: домыслы и предположения, намеки и хитрости. Что ж, посмотрим, кто кого переиграет!

– Отомстил – кому? Волнам и ветру? – поинтересовался он с усмешкой.

– Нет, пославшему их. Видишь ли, твой кормчий был прав…

Вскочив, киммериец словно стальными клещами стиснул запястья Дайомы; в глазах его

замерцал опасный огонь.

– Ты знаешь его имя? Кто он? Клянусь, Кром получит его печень!

– Предположим, знаю. И предположим, ты сумеешь отомстить. Что дальше? Ты возвратишься ко мне?

Он яростно мотнул головой.

– Нет! Мир велик, и я не видел сотой его части. А здесь… здесь, у тебя, я словно в темнице с золотыми стенами… Нет, рыжая, к чему врать – я не вернусь!

– А если месть окажется тебе не по силам? Если ты столкнешься с могущественным существом, с тварью, которую нельзя убить?

– До сих пор ни одна тварь не уходила от моего меча, – произнес Конан и встряхнул женщину. – Так ты скажешь мне его имя?

– Я подумаю.

– Имя!

– Ладно, – сквозь прищуренные веки она следила за его лицом. Поистине, он был прекрасен в ярости! И куда желанней Ормазда, не говоря уж о стигийце… – Ладно, – повторила Дайома, – я скажу и даже помогу тебе, но не сейчас.

– Имя!

– Будь же благоразумен… ты все равно не справишься без моей помощи. Если ты выстроишь плот, то куда поплывешь на нем? До Западного и Восточного материков добраться нелегко, а на юге и севере простирается лишь бесконечный океан. Твой плот развалится через десять дней, или ты погибнешь от голода и жажды… Я не желаю тебе такой смерти, милый!

– Тогда сотвори мне корабль! Большую галеру, с двумя мачтами и острым носом, с веслами и парусами!

– Зачем тебе корабль без команды?

– Дай мне команду! У тебя много слуг! Дайома покачала головой.

– Моя власть велика, но только вблизи острова, где мои иллюзии могут стать чем-то осязаемым и прочным. Вдали же, на землях, что лежат вкруг океана, они обращаются в сны… всего лишь в сны, милый, ибо я – не всесильная владычица Иштар, и боги положили предел моей власти. Так что корабль, который ты просишь, станет сухой ветвью в ста тысячах локтей от берега, а команда, слуги мои, превратятся в груду пестрого камня. И ты пойдешь на дно вместе с ними.

– Какую же помощь ты можешь обещать мне?

– Ну-у… Я попыталась бы пригнать сюда настоящее судно… Из Аргоса, Зингары или Шема… Если ты не будешь столь нетерпелив и согласишься на мои условия… – Дайома лукаво улыбнулась.

Брови Конана сошлись грозовой тучей, однако он выпустил ее запястья из железной хватки.

– Кром! Похоже, ты торгуешься со мной о выкупе! Словно взяла меня в плен!

– О, нет, милый, нет! Я только хочу, чтобы ты вернулся ко мне! Чтобы ты был со мной долго-долго, много дольше, чем отпущено тебе судьбой… жил на моем прекрасном острове в холе и неге, не старел и любил меня… Это ведь так немного, правда?

– Немного, – согласился Конан. – Всего лишь моя шкура, мои потроха и моя душа. Ну, и на каких условиях ты желаешь заполучить все это?

– Ты выполнишь одну мою просьбу… насчет той стигийской твари, что погубила твой

корабль… Поверь, и я хотела бы уничтожить этого монстра, но слишком уж он далек, слишком искусен в колдовстве!

– Чего он хочет от тебя?

– Хочет заполучить меня на свое ложе. Хочет не только тело мое, но всю силу… всю магическую силу, которой меня наделили светлые боги… Хоть и сам стигиец силен, очень силен! Но если ты справишься с ним и привезешь мне доказательства победы, я тебя отпущу. Отпущу, даже если сердце мое разорвется от тоски!

– А если не справлюсь? – спросил Конан, пропустив замечание насчет сердца мимо ушей.

– Тогда останешься здесь навсегда. – Лукаво улыбнувшись, Дайома добавила: – Должен ведь кто-то защищать меня от домогательств мерзкого стигийца!

Наполнив чашу и медленно прихлебывая вино, Конан размышлял над сделанным предложением. Пока он не мог разглядеть подвохов, хоть смутно опасался всяких женских хитростей и коварства. К тому же стоило учесть, что рыжая была не обычной женщиной, а ведьмой и чародейкой, влюбленной в него словно кошка. Сам он, после первых бурных ночей, испытывал лишь томление и скуку, и это его не удивляло. Красота не главное в женщине; важнее самоотверженность. Белит могла бы умереть за него, но эта Дайома… Вряд ли, вряд ли…

Подумав о смерти, он сказал:

– Ты говорила о том, что произойдет, если я одолею стигийца или не справлюсь с ним, но останусь в живых. Может быть так или иначе, а может случиться, что я умру. И что тогда?

Дайома ласково растрепала его темную гриву.

– Но ведь твой меч непобедим! Не правда ли?

– И все же?

Лицо ее сделалось печальным, в прекрасных глазах блеснули слезы.

– Значит, так судили боги, милый… Им видней! Конан согласно кивнул и потянулся к фонтану, за новой порцией аргосского, но нежная ручка Дайомы остановила его.

– Ты слишком много пьешь, мой киммериец. Вино крадет силу…

Он стряхнул ее пальцы.

– Ничего! Аргосское лишь горячит кровь. И ночью ты в этом убедишься.

* * *

Поздно ночью, когда ее киммериец, опьяненный вином и ласками, уснул, Дайома прошла в святилище, где, между статуями Митры, Ормазда и Иштар, стояли два больших сундука. Один из них сиял цветом лунного серебра, другой был черен, как ночь или как душа предателя.

Помолившись у каждого из трех изваяний, Дайома воскурила фимиам и приблизилась к первому из сундуков. Ее рука легла на серебряную крышку, откинула ее, и облако радужных сияющих снов вырвалось наружу. То были счастливые и спокойные сновидения: веселой стайкой они пронеслись по залам подземного дворца, пестрым туманом затопили мраморную лестницу, миновали распахнутые врата, заполнили грот и вырвались на простор океанов и земель. Эти сны несли добрым людям слова и облик покинувших их родичей, ласковый шум прибоя, аромат цветущих садов; иным же, особо избранным, посылалось

благословение Митры, пробуждающее в душе тягу к непознанному и странному.

Проводив первых своих гонцов, Дайома подняла крышку черного сундука и быстро отступила в сторону. Бурая мгла затопила святилище, потянулась к дверям, пролетела подземным чертогом и, поднявшись ввысь, затопила мир. Страшные сны заставляли стонать разбойников и убийц, жутким кошмаром вторгались в сознание каждого стяжателя и вора, каждого жестокого правителя, мучали тиранов и самовлюбленных гордецов, терзали жадных и злых. К сожалению, этих мерзавцев было куда больше, чем праведников – и, к сожалению, жуткие миражи не слишком их устрашали. К тому же по ночам большая часть людей такого сорта предавалась пьянству и разврату, не замечая стараний Владычицы Острова Снов.

С печальным вздохом Дайома захлопнула сундуки, потом покинула святилище и спустилась в самую глубокую из подземных камер дворца. Тут было холодно, и она зябко куталась в мантию из меха гиперборейских соболей, черно-седых, отливавших серебром в тусклом сиянии светового шара, горевшего в руке Владычицы.

Железный постамент и вытянутый Серый Камень на нем казались пятном тьмы, застывшим посередине подвала. Она приблизилась, приподняла шар левой рукой, положив правую на гладкую ледяную поверхность.

Под пальцами ее было плечо – массивное, грубо очерченное и холодное, но она улавливала и едва заметные токи тепла, поднимавшиеся из глубины, постепенно разогревавшие каменную твердь. Их следовало усилить и расщепить, направив к жизненным точкам: к печени и сердцу, к желудку и глазам, к голове, вместилищу разума. Это ее создание не являлось иллюзорным, как прочие слуги подземного дворца; оно не могло рассыпаться песком или вновь обратиться в гранит, оказавшись за границами ее магической силы. А потому над ним полагалось трудиться долго и тщательно.

Сняв цепочку с лунным камнем, она приложила волшебный кристалл к груди неподвижного существа и сосредоточилась. Токи тепла уверенно прокладывали дорогу сквозь неподатливую плоть и, покорные ее воле, превращались в сосуды с кровью. Не такой горячей, как у людей, но достаточно теплой, чтобы согреть и оживить ее голема. Вот множество струек пересеклось в его каменной груди, под самым магическим кристаллом, и там стукнуло сердце… Стукнуло раз, другой, и медленно забилось, разгоняя тягучую вязкую кровь, отогревая холодные члены.

Довольно кивнув, Дайома приложила свой талисман ко лбу голема, потом к его животу и паху, ощущая первые признаки жизни. Сотворенное ею существо слабо вздохнуло, и затхлый воздух подземной камеры впервые наполнил его грудь. Постепенно кожа голема теряла оттенок и фактуру камня, становясь похожей на человеческую – не смуглой или розовой, но все же такой, какая присуща иным людям, долго не видевшим солнца. Черты его казались вырубленными зубилом каменотеса, и Дайома знала, что пройдет еще немало дней, пока он сможет раскрыть глаза, разомкнуть уста, выслушать ее повеления и произнести первые слова – слова покорности.

Впрочем, у нее еще имелось время. Стигиец выжидал; видно, пытался догадаться, какое впечатление произвела его атака на остров. Быть может, он вынашивал новые планы или советовался с древней тварью, поработившей его разум; Дайома не могла узнать об этом, ибо расстояние до Ванахейма было далеко.

Но киммериец его преодолеет! В этом человеке таился неисчерпаемый запас жизненных сил; они били ключом, бурлили потоком, заставляли трепетать от наслаждения в его сильных руках. Он был одинаково хорош и на поле битвы, и на ложе любви; и там, и тут он вел себя

как воин, как завоеватель, покоряющий вражескую твердыню.

Нет, о нем не стоило беспокоиться! Он доберется до стигийца, убьет его и останется жив. И возвратится к ней!

Особенно, если дать ему в спутники надежного и верного слугу…

Стиснув в кулачке лунный талисман, Дайома долго всматривалась в черты голема, застывшие в каменной неподвижности. Потом она вздохнула и направилась к двери.

ГЛАВА 4
ЗАМОК И ОСТРОВ

Пятеро обитали в мире, и каждому было назначено в нем свое место для жизни: кому людские тела, кому равнины севера, кому остров меж океанских волн, кому твердая каменная плоть, а кому и весь свет, все его леса и поля, моря и горы. Так повелел Митра, а Воля его воистину нерушима – и для людей, и для демонов, сколь бы не мнили они себя всемогущими.

Избранник был обеспокоен, и это мешало Ему. Особенно сейчас, когда Он занимался таким важным вопросом: решал, в чье тело вселиться при очередном воплощении.

Это было серьезной проблемой, так как подходящих представителей рода людского имелось не столь уж много; к тому же, метаморфоза свершалась лишь при условии, что новый Избранник находится неподалеку, желательно совсем рядом. Временами такое ограничение раздражало Его, временами радовало, становясь частью игры, которую Он вел в этом мире. Пожалуй, если бы он мог все – абсолютно все! – развлечение было бы не столь увлекательным… К счастью, Он неоспоримо властвовал лишь над мертвой субстанцией; живая не покорялась Ему с тем же инертным безразличием.

Итак, кого избрать? Он уже решил, что проведет одно или два столетия в теле земного владыки, полководца и завоевателя, но имя кандидата оставалось пока неясным. Безусловно, не властитель какого-нибудь из Черных Королевств и не князь из Камбуи или Уттары: первые слишком дики, вторые – малы ростом и слабы плотью. Возможно, Избранником мог бы стать владыка Кхитая или некий хайборийский король… Но одни из них были старцами, другие – глупцами и развратниками, третьи – и вовсе кретинами, с немощным телом и жалкими мозгами. Ему же требовалась молодая плоть, способная выдержать пару веков, и восприимчивый разум. Впрочем, к разуму Он не предъявлял очень уж больших претензий; новому Избраннику полагалось скорее иметь некую цель, которая придает вкус жизни. Какова эта цель, Он не мог выяснить, не овладев очередным телом, но смутно ощущал ее присутствие – так же, как человек видит огни в тумане с расстояния тысячи локтей.

У Его нынешнего Избранника тоже была цель: рыжеволосая женщина с зелеными глазами. И жалкое это стремление заслонило прочие цели, более величественные и привлекательные, с чем Он никак не мог смириться. Теперь Избранник стал для Него совсем неинтересной игрушкой, пустым сосудом или обратившимся в уксус вином. К чему колебать горы или слать губительные ураганы? Чтобы женщина, ужаснувшись, покорилась? Ничтожная задача!

Еще недавно Он был готов помочь Избраннику, пустив в ход все свое могущество, но сейчас не желал и думать об этом. Такая метаморфоза была вполне в Его природе – ведь Он являлся Духом Изменчивости и, решившись переменить тело, переменил и отношение к стигийцу, чья плоть служила Ему пристанищем на протяжении почти двух веков. Все, чего Он жаждал теперь от Избранника – последней игры, последней и заключительной сцены, в которой тот падет мертвым, исторгнув душу свою, а вместе с ней – и Его, невидимого всадника, оседлавшего разум стигийца.

Но прежде Ему хотелось очутиться рядом с новым Избранным, дабы избежать

многочисленных промежуточных пересадок.

Так чьей же плотью Он овладеет? Если величайшие властелины земного мира недостойны вместить Его, можно обратиться к варварам, к тем, кто молод, крепок телом, искусен в битвах и достаточно смел. Скажем, какой-нибудь предводитель северных дружин, ванир, асир или гипербореец… Иранистанцы и туранцы тоже неплохи – прекрасные воины, горячие нравом и честолюбивые… Если выбрать такого, то долго ли внушить ему мысли о почестях и воинской славе? О господстве над всеми странами, о безраздельной власти, о покорении народов и земель? Это было бы забавно… Жить и странствовать под личиной великого завоевателя – после всех этих лет, проведенных на севере, в мрачном замке…

Эта идея все больше занимала Его и, стараясь не обращать внимания на призывы стигийца, молившего о помощи, Он погрузился в раздумья.

* * *

Откинув голову, полузакрыв глаза, простирая руки к темному беззвездному небу, маг вызывал ветер. Губы его шевелились – то медленно, то в стремительном лихорадочном темпе, торопя и подгоняя слова, что складывались в невнятный речитатив. Иногда он чертил пальцем тайные знаки, спирали и цепочки символов, горевшие в морозном воздухе миг-другой и распадавшиеся с сухим треском. Слова собирали тучи, подгоняли ветры; жестами и телодвижениями он указывал дорогу, по которой полагалось направиться его облачным войскам. Все заклинания, отточенные долгой практикой, он помнил наизусть и произносил без запинки, как всегда уверенно и твердо. Он делал все, как обычно…

Но ветры и тучи не повиновались ему.

Впрочем, ветер он в конце концов сотворил: легкое дуновение, пролетевшее над стенами замка и смахнувшее с них снег. Затем белая снежная пыль унеслась в ночную тьму, но было ясно, что эта жалкая поземка не доберется даже до киммерийских гор, а увянет где-то по дороге, напутав разве что мышь или сирюнча, грызуна с полярных равнин.

Нет, он добивался совсем не этого! Ему нужна была буря – такая же, как месяц назад; сокрушительный шторм, который он мог бы обрушить на Остров Снов! И обрушивать снова и снова, пока зеленоглазая ведьма не поймет бесплодности сопротивления…

Но ветры и тучи не слышали его.

Не слышали и вчера, и позавчера, не желали подчиняться его заклинаниям, проверенным за долгие годы, оставались глухи к словам, и к жестам, и к чарам. Впрочем, стигиец был слишком опытен, чтобы полагаться на все эти внешние, поверхностные атрибуты своего магического ремесла; он знал, что главное – это Сила. Да, Сила, глубинная мощь, скрытая внутри его естества, Сила, которой покорялись воды и ветры, огонь и камень, звери и люди. Неужели она покинула его?

Маг гневно потряс кулаками, отступившись от распахнутого окна. Кубический черный алтарь, его око, бдящее над миром, был по-прежнему послушен, как и другие волшебные талисманы; его знания, его мастерство оставались при нем, и он мог еще сотворить многое. Ушла лишь часть Силы – та, что позволяла повелевать стихиями.

Надолго ли? На месяцы, на годы? Или навсегда?

Раздраженно скривив губы, стигиец повернулся к каменному столу и вновь начал шептать заклинания. Вскоре черную поверхность затянуло туманной дымкой, постепенно

редевшей, словно маг спускался к земле, пронизывая слои туч; под ними засинело море, а в нем возник остров – прекрасная цветная переливчатая жемчужина, нежившаяся на сапфировом покрывале океана. Несколько мгновений стигиец мрачно разглядывал ее, потом сделал повелительный жест, и остров исчез, сменившись вначале обширным гротом, освещенным сиянием луны, а затем – полутемной опочивальней.

Теперь перед ним был красиво убранный чертог, освещенный неяркими огнями, весь в лиловых и голубых коврах, с просторным ложем посередине. На ложе что-то двигалось в слитном и нерушимом ритме; струились пряди рыжих и черных волос, розовый мрамор рук скользил по могучим гранитным мышцам, губы тянулись к губам, щека прижималась к щеке. Иногда стигиец мог разглядеть дразнящую округлость колена, грудь с напряженным соском или сильную широкую ладонь, спускавшуюся по чарующему изгибу женской спины; временами он различал отблески света на влажной, покрытой испариной коже, сверкание глаз, мерцающий пламень драгоценных камней на серебряном изголовье.

Стиснув кулаки, маг всматривался в сумрак покоя, возникшего в черном алтаре. Он глядел долго, и дыхание его все убыстрялось и убыстрялось, пока не стало таким глубоким, будто он, он сам, простирался сейчас на ложе любви в той комнате, трепетал от страсти, лаская женщину, вдыхал аромат ее кожи, гладил шелковистые рыжие локоны, засматривался в изумрудные глаза. Закусив тонкие губы, он смотрел и смотрел, пока на висках не начали набухать жилки; тогда стигиец пробормотал проклятье, взмахнул рукой над столом, и картина исчезла.

Несколько мгновений он стоял, ощущая свое унижение и позор. Она издевалась над ним! Дразнила его! Не потрудилась даже сотворить заклятья, оберегающие от чужого взгляда… Хотела, чтоб он все видел! Рыжая потаскуха, змея, развратная гиена! Предпочла ему – ему! – безродного бродягу, головореза, провонявшего потом и мочой! Разбойника-киммерийца, тупоголового смрадного недоумка! Северную крысу, чей век недолог, а мозги находятся в брюхе!

Потаскуха! Дочь осла и свиньи! Зеленоглазая ведьма!

И все-таки он чувствовал, что жаждет обладать ею. Жаждет как никогда! Еще сильней, чем прежде!

Маг снова простер руки над алтарем. Теперь в его блестящей поверхности отразились морские льды, высокий скалистый берег, заметенный снегом, подтаявшие сугробы у бревенчатых стен, грубые строения в периметре высокого частокола, дым, валивший из труб, три большие ладьи с драконьими носами, заботливо упрятанные под навес, ворота, у которых несла охрану кучка рыжих воинов в мехах и бронзовых шлемах. Городище Эйрима, вождя западных ванов… Если не всех, кто обитает на западе, так по крайней мере половины… Ваниры, племя драчливое и злое, не любили подчиняться, и потому народ их не признавал единой власти, но делился на множество разбойных дружин, промышлявших на юге и востоке. Те, кто обитали у моря, ходили за добычей на кораблях, и Эйрим был одним из самых храбрых и удачливых вождей.

Стигиец оглядел его корабли, воинов с большими секирами и покрытое льдом море, недовольно нахмурил кустистые брови и взмахом руки стер видение. Затем он принялся кружить по огромному мрачному залу, о чем-то сосредоточенно размышляя; он то шагал от стола к распахнутому окну, то беспокойно метался вдоль холодных стен, иногда касаясь рукой осклизлого, покрытого инеем камня. Наконец он решительно направился к дверям, открыл их и громким голосом велел явиться старшинам своей стражи. Их было трое, и

каждый начальствовал над полусотней воинов.

Старшины не задержались; чувствовали, что господин гневен, и не хотели раздражать его еще более. Все трое были ванирами-изгоями – как и прочие охранники, наказанные своими кланами за преступления и особую жестокость. Торкол, самый молодой, с длинными висячими усами, убил отца и двух старших братьев, желая овладеть наследством – дряхлым кораблем и усадьбой с не менее дряхлыми строениями. Фингаст и Сигворд были постарше: первый из них резал и жег соседей, пока те кучей не навалились на него, заставив убраться из восточных лесов Ванахейма на побережье; второй взбунтовался в походе против военного вождя, но проиграл схватку и был вынужден служить стигийскому чародею – никто из северных князей не дал бы ему теперь места у очага, не доверил бы корабль с воинами. Впрочем, стигийца эти люди вполне устраивали; каждый являлся опытным бойцом и каждый трепетал перед хозяином. В его руках они были подобны трем матерым волкам, предводителям серой безжалостной стаи убийц.

Взгляд мага скользнул по их лицам: Торкол мял в широкой ладони усы, Фингаст и Сигворд, заросшие до самых глаз рыжими бородами, выглядели бесстрастными – только рваный шрам на щеке Фингаста медленно багровел, наливаясь кровью. Боятся, подумал стигиец; знают, что мановением руки он может превратить их в грязных кабанов с обломанными клыками. Либо в медведей, полярных или бурых, на выбор. Сознание своей власти несколько улучшило его настроение. Он повернулся к распахнутому окну и промолвил:

– Кончается весна… Скоро воитель Эйрим Высокий Шлем выведет в море свои корабли…

– Еще не скоро, господин, – почтительно возразил Сигворд. – Волею Имира морские льды в наших краях вскроются только через тридцать или сорок дней. И снег у стен Кро Ганбора едва начал таять.

– Эйрим удачливый и храбрый воин, – продолжал маг, будто бы не слыша слов Сигворда и упоминания об Имире, Ледяном Великане, властвовавшим над Ванахеймом. – У Эйрима три хороших крепких корабля и двести бойцов, свирепых, как оголодавшие волки. Эйрим грабил пиктов, барахтанцев, Аквилонию, Зингару и Аргос… он даже добирался до Шема.

– Богатая усадьба, корабли и люди остались ему от отца, – Торкол завистливо ухмыльнулся. – А когда за тобой идет две сотни клинков, легко сделаться удачливым и храбрым.

Стигиец пристально уставился на Торкола. Рослый ванир, облаченный в медвежий плащ поверх медной кольчуги, не мог выдержать взгляд колдуна; спустя мгновение он опустил глаза и прошептал:

– Впрочем, господин, если ты считаешь, что Эйрим удачлив и храбр, значит, так оно и есть.

– Конечно, отцеубийца! И если я скажу, что у Эйрима две головы, и на каждой – длинные уши, как у сирюнча, это тоже будет верно!

Ван покорно склонил голову в рогатом шлеме, буркнув:

– Господин мудр…

– И грозен, – добавил Фингаст, поглаживая шрам. – Он карает всякого, кто противится его воле. Он…

Стигиец махнул рукой, заставив Фингаста умолкнуть.

– Так вот, об удачливом Эйриме… об Эйриме Высоком Шлеме… Его ладьи могут взять

три или четыре сотни бойцов. И на этих кораблях можно не только плавать вдоль побережья и грабить зингарских да аргосских купцов – они годятся также для далекого морского похода, ибо крепки, надежны и быстроходны. И я хочу, чтобы Эйрим отправился в океан. На запад от Барахских островов, к закату солнца. Есть там один клочок земли…

Сигворд, самый рассудительный, с сомнением покачал головой.

– Вряд ли он согласится, господин. Во-первых, что он промыслит в океане, на том клочке земли? Купцы, известное дело, плавают вдоль берега… А во-вторых, ни один вождь прибрежных ванов не идет в набег со всеми своими ладьями. Один корабль оставляют в усадьбе, чтобы охотиться на китов и моржей, иначе в зимнее время все помрут с голоду. В южных странах можно взять золото и серебро, но если не будет мяса и жира, как скоротать зиму? И еще пиво… ячменное пиво, мой господин! Его выменивают в Восточном Ванахейме на мясо кита. Не будет мяса, не будет и пива! – Сигворд снова покачал головой и добавил: – Нет, Эйрим не согласится, клянусь ледяной бородой Имира!

– Не поминай своего ничтожного божка! – Глаза мага мрачно сверкнули. – Что же до Эйрима, то никто не спрашивает его согласия, червь! Я желаю, чтобы он плыл со своими людьми куда велено! А наградой будет хорошая добыча – такая, что корабли его осядут на три локтя! Будут дорогие камни, будет золото и серебро, будет и пиво, тупая башка!

– Если он доберется до этого золота и серебра. С океаном, господин, не шутят…

– Не шутят со мной! А волны и ветры не станут Эйриму помехой, ибо я поплыву с ним. И вы тоже… двое из вас…

Головы воинов склонились.

– Как повелит господин…

Стигиец кивнул. Разумеется, как повелит господин! И Эйрим, чья усадьба расположена всего в двух днях пути к югу, тоже знает, что спорить с владыкой Кро Ганбора небезопасно. Вряд ли он сделает это; скорее, поинтересуется насчет добычи и ее дележа. А дележ прост: ванирам – золото, серебро и камни, ему – женщину!

Маг отвернулся к окну, прикидывая, хватит ли у него силы справиться с бурей, которую может наслать эта рыжая ведьма, Владычица Острова Снов. Но то были бесплодные размышления: либо прежняя мощь вернется к нему, либо он будет рассчитывать лишь на свой опыт и искусство. В любом случае он доберется до этой женщины!

Взгляд его вновь обратился к трем воинам.

– Ты, Торкол, поедешь к Эйриму. Скажи, что я посылаю его на остров в Западном океане, лежащий к закату солнца от Барахов. Скажи, что там много золота – так много, что, возвратившись, он сможет скупить весь Ванахейм и Асгард в придачу. Скажи, что он может не бояться бурь и штормов, ибо я поеду с ним… – После недолгого размышления стигиец добавил: – Еще скажи, что если он не выполнит мою волю, то не доживет до зимы. И никто не доживет в его жалком крысятнике! Я пошлю ураган, который сметет в море и дома его, и корабли, и запасы пива, и людей – всех до единого!

– Да, господин. Я все передам, как ты велел, – Торкол снял шлем и отер вспотевший лоб.

Маг уставился холодным взглядом на Фингаста и Сигворда.

– Ты, Фингаст, соберешь пятьдесят воинов из самых лучших. Пусть готовят секиры и мечи, вино и копченую вепрятину, сушат хлеб и острят стрелы. Запастись всем на две луны. И скажи им про золото, что ждет каждого на том острове… а еще скажи, что все достанется им, а не людям Эйрима. Но лишнего пусть не болтают! Ты понял меня, Фингаст? – Дождавшись, когда воин со шрамом кивнул, стигиец резко повернулся к третьему из

предводителей своей дружины: – Ты останешься в Кро Ганборе, Сигворд. В мои покои не заходить и не лакать вино днем и ночью, ясно? Если стражи заскучают, отпусти их поразмяться в ближних усадьбах – но так, чтобы в замке оставалось не меньше тридцати бойцов! Сам же никуда не уходи.

Сигворд кивнул. Он редко покидал крепость, опасаясь мести прежнего своего хозяина, Рейрима; тот был злопамятен, силен и имел много сторонников в Срединном Ванахейме. Любой из побратимов и приятелей Рейрима с радостью преподнес бы ему голову бунтовщика.

– Идите! – Стигиец повел глазами в сторону двери.

Три воина вышли из зала, лишь Фингаст задержался на пороге, спросив, к какому сроку готовить людей. Через луну, сказал маг, когда вскроется море, раз нельзя выступить раньше.

Раньше… Раньше он сумел бы поднять такой ветер, что льды бы лопнули как панцирь краба под боевым молотом! И сам Имир, Ледяной Великан, забился бы в щель вместе со всем своим гнусным потомством, сыновьями и дочерьми, полагающими себя владыками вьюг и снегов… Ну, поглядим, подождем… быть может, Сила еще вернется. А не вернется, так он сам нагрянет на остров зеленоглазой ведьмы! Нагрянет с дружиной ваниров, из коих каждый равен пяти бойцам теплых земель! Недаром же ванирские легенды утверждают, что произошли эти дикие и кровожадные люди от таких же диких и кровожадных обезьян, выживших в ледяной тундре. Дикари! И поклоняются они дикарю – дикому великану Имиру, заросшему волосами от макушки до пят…

Усмехнувшись, стигиец представил, как его воины и бойцы Эйрима вспарывают животы слугам рыжей. Если удастся добраться до острова, с охранниками ведьмы проблем не возникнет… Разве то люди? Так, иллюзия, сотворенная из песка и камней… Другое дело, киммериец, забравшийся к ней на ложе. Ну, его можно отдать Эйриму: ваны и киммерийцы недолюбливают друг друга, и этот безродный бродяга примет нелегкую смерть.

А после него упокоится и Эйрим, подумал маг, неторопливо возвращаясь к черному алтарю. В окрестностях Кро Ганбора не должно быть слишком удачливых и слишком храбрых воинов.

* * *

Прищурившись, Владычица Острова Снов глядела на лицо спящего Конана. Оно не отличалось красотой и правильностью черт, но было в нем нечто, пленяющее женское сердце… Очертания подбородка и скул говорили о нраве упрямом и твердом, крутой лоб в завитках темных волос свидетельствовал об уме, плотно сомкнутые губы – о немногословии и решительности; в изломе же густых бровей читалось нечто грозное, напряженное, будто тетива лука, с которой в любой момент готова прянуть стрела. Нет, он не отличался красотой – он был прекрасен! Так прекрасен, как только может быть прекрасен мужчина в глазах влюбленной женщины.

* * *

Сегодня она нарочно ослабила защиту, чтобы стигиец подсмотрел все – все то, в чем

было отказано ему. Все, чего он никогда не получит! Ни ласки ее рук, ни сладости губ, ни аромата волос, ни последнего наслаждения, самого сокровенного и пьянящего! Всего, что подарено ею этому дикарю, могучему варвару с севера…

А стигиец пусть смотрит, пусть бесится! Великий маг, великий Гор-Небсехт! Пусть смотрит!

То была ее маленькая месть за разрушенный остров, самая утонченная пытка, которой женщина может подвергнуть возжелавшего ее мужчину – показать, как она отдается другому. Унизить и растоптать стигийца, жаждавшего ее любви!

Разумеется, моральные муки были только иллюзией мести, ибо не могли истребить ненавистного стигийца полностью и до конца. Она давно расправилась бы и с его телесной оболочкой, если б не обитавший в теле колдуна древний демон, Аррак, Дух Изменчивости, Великий Ускользающий… Аррак хранил Гор-Небсехта и защищал от ее чар. Аррак одаривал его силой, повелевающей стихиями. Аррак хранил его от ночных кошмаров, верных слуг Владычицы Снов. Аррак помогал ему видеть половину мира, и в этой половине, к несчастью, находился и остров Дайомы – в ином случае стигиец никогда не узрел бы ее, не заметил, не возжелал… А, не заметивши, не стал бы и домогаться.

Уже несколько дней мысли Дайомы вращались вокруг плана, медленно зревшего в ее уме, обретавшего необходимую завершенность и отточенность. Словить одной сетью двух птиц! То был замысел, достойный ее хитрости, ее магического искусства, ее женского коварства. Удержать Конана и разделаться со стигийцем, пройти по лезвию между правдой и ложью, отсечь ненужное, сохранить дорогое… Вновь и вновь она обдумывала цепь грядущих событий, рассматривала ее, проверяла на прочность каждое звено – ибо, не обладая даром предвидения, могла полагаться лишь на трезвый расчет.

Несомненно, Гор-Небсехт был смертен. Если пронзить его сердце клинком – не простым, но зачарованным и подготовленным к сему деянию – стигиец умрет, как любой человек, чья плоть бессильна против острой стали. Дайома могла наложить чары на губительное оружие; ей были известны все нужные заклятья, и меч, кинжал или топор, заколдованные ею, рассекли бы не только тело стигийского мага, но даже неподатливый камень. Итак, в этой части плана трудностей не предвиделось.

Смертоносный клинок, разумеется, убил бы только Гор-Небсехта, но не демона, обитавшего в нем. Аррак уйдет, неуловимый, как душа, исторгнутая из тела колдуна; покинет мертвую плоть стигийца и тут же подыщет себе новое пристанище. Какое? Не исключено, что обителью Аррака станет тот, кто уничтожил Гор-Небсехта.

Почему бы и нет? Дух Изменчивости по природе своей любил перемены. После двух сотен лет, проведенных в теле стигийского мага, он вполне мог польститься на крепкую могучую плоть киммерийского воина. Не простого воина, воителя из воителей! Героя, каких не видел хайборийский мир! Ее возлюбленного!

Такой поворот событий не устраивал Дайому, и долгие ночи, выпустив на свободу сновидения из серебряного и черного сундуков, она посвятила размышлениям о том, как защитить своего киммерийца. Тут требовалось нечто особенное; тут не подходили ни заклятья невидимости, ни обычные защитные чары, коими можно было бы оберечь Конана от человека либо зверя. Аррак провидел глубоко и обладал Силой – слишком могучей силой, чтобы тягаться с ним в открытую. Однако Владычица Острова Снов была не только чародейкой, но и женщиной. И, будучи женщиной, она знала: там, где бессильно магическое искусство, можно использовать коварство и хитрость.

Например, создать разум – ничтожный и жалкий разум, каким побрезговал бы распоследний нищий, пьянчужка из аргосских кабаков или развратная зингарская шлюха. Сотворить такое псевдосущество, вселить в некий предмет и прикрыть им, словно невидимым щитом, истинную сущность Конана. Вряд ли тогда он вызовет интерес у разборчивого Аррака… С подобным амулетом, свидетельством ничтожности, ее киммериец не сделается добычей демона…

Так думала Владычица Дайома, уже прикидывая, какой разум она сотворит, призвав на помощь великую Иштар и светлого Ормазда, и куда его вселит – то ли в зачарованный перстень, то ли в ожерелье, то ли в боевой браслет с длинными шипами, то ли в рыцарский пояс из стальных пластин. В конце концов, наголовный обруч показался ей самым подходящим предметом, ибо был ближе всего к тому месту, которое надлежало защитить – к голове. Находясь там, размышляла Дайома, ее амулет создаст отличную иллюзию; распознать ее под силу разве что всеведающему Митре или мудрому Ормазду, но никак не опальному демону, сосланному в мир земной за неведомые грехи. Хоть Аррак и сохранил часть прежней своей силы, однако не ему тягаться с великими богами!

Значит, покинув тело Гор-Небсехта, он изберет не Конана, но кого-то другого… К примеру, воина из замковой стражи или слугу, а потом отправится в его теле на поиски более подходящей добычи. Но в кого бы он ни вселился, этот новый избранник не будет знать о Дайоме и Острове Снов, и не нарушит ее покоя. Самому же Арраку женщины безразличны; любимые игрушки демона – стихии, ветры, подземный огонь, великие державы и империи. Судьбы отдельных людей, если только речь не идет об его избранниках, Аррака не интересуют.

Прекрасный план, решила Дайома. Она зачарует кинжал своего возлюбленного, а в наголовный обруч вселит разум шелудивого шакала, наемного убийцы, коим побрезговал бы даже Нергал. И добавит кое-что еще! Скажем, все нужные заклятья, чтобы проклятый маг не превратил ее киммерийца в шерстистого медведя или злобного кабана… Обруч же лучше сделать простым и незаметным – из темного железа, без всяких украшений и тайных надписей, дабы никто не польстился на него и не украл во время странствий ее посланца. Люди так жадны!

И весьма опасны, подумала она. Киммерийцу предстоит долгий путь, и Может случиться всякое – сражение, погоня или плен, рана или увечье. Ее возлюбленный так безрассуден, так отчаянно смел! А потому надо дать ему спутника и стража, могучего и неуязвимого, как гранитная скала, и такого же верного и надежного. Он защитит возлюбленного от всякой беды… Да, защитит, охранит, а заодно и присмотрит, чтобы возлюбленный возвратился на Остров Снов…

Не то чтобы она ему не доверяла, но в важных делах лучше полагаться не на данную клятву, а на принуждение, не на слова, а на силу. Что, если Конан, убив стигийца, не захочет сдержать обещание и вернуться к ней? Тогда страж ему напомнит…

Итак, зачарованный кинжал, обруч и надежный спутник – вот три детали ее плана, очень существенные, но не самые важные. Самым важным являлось создание иллюзии – такой иллюзии, чтобы Конан, выполнив уговор, не догадался об этом и счел, что его постигла неудача. Этот ловкий трюк Дайома обдумывала тщательнейшим образом и наконец решила, что главную роль в нем будет играть кинжал. Стигийский нож, на который она наложит чары!

Таким клинком можно поразить и обычного человека, и мага, и могущественного духа…

Точнее говоря, множество людей или одного из древних демонов – ибо в тот миг, когда демон умрет, оружие рассыпется ржавым прахом. Конечно, если в формуле заклятья будет предусмотрено подобное условие…

Почему бы его не предусмотреть? – с улыбкой подумала Дайома. Она сделает это и скажет возлюбленному, что кинжал должен сломаться после гибели колдуна… а коли клинок не сломается, значит, погиб не колдун… Но сколько бы ее киммериец не рыскал по замку покойного Гор-Небсехта, другого чародея ему не найти. Маг будет мертв, а нож – цел! И Конан вернется к ней, выполняя условия сделки! А не захочет, так верный страж заставит его!

Она не беспокоилась о том, что приневоливает киммерийца остаться с ней, навязывает и свое богатство, и свое тело, и свою любовь. Люди меняются; и особенно легко они привыкают к благополучию и покою, к безопасности и тишине. А мир иллюзий, который сна могла создать, удовлетворил бы тягу к приключениям и жажду славы… Да, любой человек почувствовал бы себя счастливым – было бы только время, чтобы привыкнуть к существованию без риска, тревог и забот, оценить томную негу Острова Снов и любовь его Владычицы. Любой человек принял бы эти блага – и Конан, как полагала Дайома, тоже не отвернется от них. Не отвернется, если пробудет с ней не месяц, а год, или два, или три…

Снова улыбнувшись, она дважды коснулась лунным камнем висков возлюбленного, посылая ему сновидения, полные славных побед и великих деяний.

* * *

Конан спал и видел сны.

Яркие многоцветные видения плыли под сомкнутыми веками, мерцали, переливались, сменяли друг друга, неслись нескончаемой чередой, пестрой и яркой, как лента семи цветов радуги. Эти фантомы и миражи почти не отличались от реальности, обладали запахом и вкусом, ибо Конан был близок к источнику, порождавшему их – к лунному камню Владычицы Снов. Он глядел, слушал и обонял – и, пока не наступало утро, не мог вырваться из сладкого плена иллюзий.

Видел он залитые кровью стены Венариума, озаренные огнем каменные башни, лица аквилонских солдат под низко приспущенными забралами и темную яростную толпу киммерийцев, штурмующих цитадель. Он тоже был среди них, но ощущал себя не простым воином, не юношей, идущим в свой первый бой, а полководцем. Великим вождем, который вел своих сородичей к воротам аквилонской крепости.

Видел он бесчисленные стычки, то с асами, то с гиперборейцами, то с ванирами, туранцами или стигийцами. В снах его мелкие схватки перерастали в кровопролитные сражения, в битвы, где дрались мириады бойцов, где конные пытались растоптать пеших, а пешие оборонялись от всадников, перегородив поле стеной окованных бронзой щитов. Грохоча, летели в бой колесницы, тучи стрел затмевали солнце, сверкали клинки и острия пик, но он оставался невредим; он направлял вперед легионы, армии повиновались его воле, рушились городские стены, разбитые таранами, орды завоевателей врывались на тесные улицы, крушили дворцы и храмы. Он вел их к победе, неуязвимый и сильный, как бог; временами в руках его блистала Небесная Секира, временами – иное магическое оружие, достойное великого воителя.

Видел он себя мчащимся на быстром скакуне по какой-то дороге – не то в Офире, не то в Немедии. За спиной его грохотали копыта и взвивалась пыль, реяли знамена, горели на солнце шлемы и наконечники копий, звонко заливались кавалерийские рожки. Он вел в сражение свой Вольный Отряд, конных стрелков, набранных им в Бельверусе, только было их не три или четыре десятка, а многие сотни, возможно – тысячи. Он собирался обрушить конное войско на какого-то врага, на некоего противника, неведомого ему, но сильного и упорного; схватка обещала быть жаркой и сулила славу. Кто же противостоял ему? Могучая армия Илдиза Туранского, в которой он был наемником семь ли, девять лет назад? Орды смуглых черноволосых пиктов, полуобнаженных, в повязках из львиных шкур, с коими он дрался в дебрях Конаджохары, в Боссонских топях под Тасцеланом? Дружина закованных в медь ванов, рыжеволосые бойцы в рогатых шлемах? Королевская гвардия Зингары, каменные исполины короля древнего Калениуса? Воители Офира или кхитайцы, вооруженные трезубцами и шипастыми шарами на длинных цепях? Чернокожие воины из жарких земель, из Куша, Кешана или Пунта, из стран, раскинувшихся за южной границей Стигии? Или стигийские солдаты, панцирная пехота в глухих шлемах, с длинными пиками в смуглых руках?

Впрочем, не имело значения, где и с кем он вступал в бой, ибо победа всегда оставалась за ним. За ним лежало поле, усеянное телами врагов, или развалины крепости, а он скакал дальше, овеянный славой, в поисках новых противников, новых битв, новых побед. Он пережил все схватки, в которых ему некогда довелось участвовать, вспомнил все – или почти все. Скажем, сны о Заморе, где он обучался воровскому искусству, Конана не посещали. Действительно, что может быть великого в воровстве и пьянках в кабаках Шадизара и Аренджуна?

Апофеозом же его видений была власть над сокрушительными молниями Митры, которой он жаждал с давних пор. Во снах он наконец-то обладал ею! Он простирал руки, и огненные копья слетали с пальцев, поражая самых страшных врагов, чудовищ, демонов и чародеев, превращаемых пламенными стрелами в прах, в пепел, в дым, в черные уголья. Наконец-то он мог уничтожить эту нечисть – всех до последнего, всех ублюдков Сета, отродий Нергала!

Но наступало утро и, пробудившись, Конан не помнил, с кем сражался и кого победил.

* * *

В холодной камере, в самом глубоком из подземелий дворца Владычицы, на железном ложе стыл камень. Уже не бесформенная глыба, скорее – статуя великана из серого гранита или базальта. Плечи изваяния были широки, на руках, груди, спине и бедрах вздувались могучие мышцы, черты лица казались грубыми, словно выбитыми резцом неумелого скульптора. Узкий лоб, короткий прямой нос, тонкие губы, крепкие челюсти, глубоко запавшие глазные впадины… Веки исполина были плотно сомкнуты, но грудь едва заметно колыхалась, и слева, под ребрами, в неспешном ритме стучало сердце.

Голем, каменный слуга Владычицы, постепенно оживал. Он многому был обучен изначально; он мог рубить мечом и топором, метать копья и стрелы, грести, не зная устали, скакать на коне, таиться в засаде, следить, догонять нападать… Ему не требовался стальной доспех, и плоть его, сохранившая твердость камня, не нуждалась в пище и питье; он был

неутомим, исполнителен и предан, хотя и обладал определенной свободой воли и мог выбирать – в тех границах, что были ему дозволены.

Однако, не нуждаясь в еде, он не ведал томления голода и сладости насыщения; не различая добро и зло, он не знал ни сострадания, ни дружбы, ни любви; умея говорить, не мог смеяться; чувствуя порывы ветра и солнечное тепло, не получал удовольствия от этих ощущений. Словом, он был лишен всех радостей жизни и даже не мог наслаждаться сознанием выполненного долга. Он был человеком по виду, но не по существу, ибо не обладал душой; фактически он являлся каменным символом равнодушия, неподкупным и безразличным стражем, идеальным убийцей, шпионом и тюремщиком.

Но он обладал упорством в достижении цели, хитростью и быстрым умом, так что никто не отличил бы его от человека – разве лишь всевидящие боги. А еще он был очень силен и практически неуязвим – во всяком случае, для оружия, которым пользовались смертные.

ГЛАВА 5
ОСТРОВ И ГОЛЕМ

Пятеро обитали в мире, и каждому был отпущен свой срок: одному – вечность, другой – тысячелетия, третьему – века, четвертому – обычная человеческая жизнь, а пятому – лишь жалкое подобие ее. И было то воистину мудро, ибо никому не дается больше, чем он способен взять.

Ну, что ж, – размышлял Аррак, Дух Изменчивости, – подсказка была воспринята Избранником правильно. Разумеется, если стихии перестали повиноваться Гор-Небсехту, то завершить дело с той женщиной можно лишь одним способом – явившись на ее остров. Причем – во всеоружии! На боевых кораблях, с сотнями воинов и с их удачливым вождем, опытным и храбрым…

Этот Эйрим заинтересовал Аррака; вождь западных ванов и в самом деле был опытен, удачлив и храбр, а значит, мог рассматриваться в качестве очередного Избранника. Все определится, когда стигиец придет со своими людьми в бревенчатую крепость Эйрима. Только тогда, думал Аррак, находясь рядом с вождем ваниров, Он почувствует, есть ли у этого человека цель; и если есть, Он вселится в него, дождавшись смерти стигийца. Вероятно, потеряв силу, маг кончит жизнь под топорами воинов Эйрима… Быстрый и милосердный конец! А чтоб он стал еще быстрее, надо помрачить разум Гор-Небсехта, чтобы тот, явившись на подворье Эйрима, затеял ссору с хозяином.

А потом… Потом Он, Великий Ускользающий, сделает Эйрима властелином над всем Ванахеймом, над всеми его непокорными кланами и буйными рыжебородыми воинами в рогатых шлемах. На это потребуется пять или десять лет, совсем немного, и за это время удастся славно поразвлечься! Став королем, Эйрим соберет войска и вторгнется в Асгард, потом – в Гиперборею… дойдет до Халоги, гиперборейской столицы, и превратит ее в свою ставку. Объединив три северные хайборийские державы, он вырежет беспокойных киммерийцев или заставит их сражаться на своей стороне – если жизнь им дороже вечного сна в курганах Крома. Потом настанет черед Бритунии, Гандерланда и прочих земель, граничащих с самыми сильными королевствами, с Аквилонией и Немедией, вечными соперницами. Ну, Эйрим будет справедлив и одинаково умоет их кровью! А после этого сбросит пиктов в Западный океан, раздавит Зингару, Аргос, Офир, Коринфию, Шем и Стигию, и пойдет на восток, на Замору, Хауран, Туран, к берегам моря Вилайет…

Аррак, Дух Изменчивости, задумался, пытаясь подсчитать, сколько для этого потребуется времени. Эти люди, прах земной, так медлительны… и живут столь недолго…

Ничего! Эйрим проживет не меньше стигийца, нынешнего Избранника! И ему хватит времени, чтобы, захватив Туран, преодолеть бескрайние гирканские степи и добраться до Вендии, Меру, Кхитая, Уттары и Камбуи. Он покорит весь мир! А затем… Затем Он, Аррак, придумает себе новое развлечение.

В конце концов, в Его распоряжении целая вечность, и надо скоротать ее, не умерев от скуки.

* * *

Дайома и Конан прогуливались под сенью плакучих ив, на берегу пруда, обрамленного тремя утесами – плоским и серым, как слоновья туша, и двумя высокими, остроконечными, похожими на клыки чудовищного дракона. Под одним из них была беседка – та самая, где они впервые предавались любви. Вероятно, это место навевало Владычице приятные воспоминания, но Конан с равнодушием глядел и на хрустальные воды озерца, и на величественные скалы, и на беседку, и на пышный лес, раскинувшийся поодаль. Его больше интересовали Речи Дайомы.

– Гор-Небсехт, так его зовут, – сказала она, поигрывая своим лунным камнем; против обыкновения, магический самоцвет не украшал ее чистый высокий лоб, а висел на цепочке, обвивающей запястье. – Гор-Небсехт, стигиец, – повторила она, – тот самый, что разорил мои земли и сгубил твой корабль и людей. У него замок в Ванахейме, на берегу моря. Крепкий замок и полторы сотни воинов, разбойников-ваниров.

– Похоже, у тебя с ним давние счеты, – заметил Конан.

– Да. Я же говорила, что он… он домогается моей благосклонности. И та буря была послана, чтобы меня устрашить.

– Кром! Грязный ублюдок! Я вырежу его печень, клянусь!

Дайома выглядела польщенной.

– Ты сделаешь это ради меня, милый?

– Нет! Ради Шуги и Харата, и всех остальных, кто погиб по его вине. Но и ради тебя тоже, – великодушно сказал киммериец, заметив тень, набежавшую на лицо своей подруги.

– Но учти, стигиец хитер, – промолвила она, – к нему непросто подобраться и его не прикончишь обычным оружием. Ни топором, ни мечом, ни стрелой. Ты должен заколоть его кинжалом – своим клинком, на который я наложила чары.

Конан вытащил нож и задумчиво уставился на него. Сталь лезвия отливала необычным золотистым блеском, которого еще вчера он не замечал. Видно, рыжая как следует потрудилась ночью, мелькнуло у него в голове; клинок выглядел словно вспышка молнии.

– Опробуй его, – Дайома кивнула на бугристую поверхность скалы, что высилась за беседкой. – Опробуй и убедись, что это – могучее оружие.

Сделав пару шагов, Конан с силой всадил клинок в камень. Нож погрузился до самой рукояти и вышел легко, словно из желтого мягкого сыра или хлебного каравая, оставив в камне узкую щель. На лезвии же кинжала не было ни зазубрины, ни царапины.

Дайома бросила на киммерийца торжествующий взгляд, рассчитывая насладиться его изумлением, но Конан был спокоен. Года два или три назад он совершил далекое странствие к восточным пределам земного круга – вместе с Рана Риордой, Небесной Секирой, колдовским творением древних атлантов. Тот топор тоже резал камень как масло и был гораздо больше кинжала. Вдобавок, с духом этого волшебного оружия можно было потолковать и послушать поучительные истории… но лишь тогда, когда он напивался крови. В иное же время Рана Риорда хрипел, клекотал и требовал, чтобы Конан поскорей принимался выпускать кишки врагам. Это надоедало.

Так что в молчаливой покорности клинка, зачарованного Дайомой, были свои преимущества, и Конан, кивнув головой, сунул его в ножны. Убравшись с острова рыжей ведьмы, он найдет с кем поговорить; найдет и спутников, и женщин – пусть не таких

красивых, как эта Дайома. Зато они не станут требовать вечной любви.

– Этим кинжалом, – произнесла Владычица, скосив зеленые глаза на конанов клинок, – ты можешь резать сталь и камень, можешь убить тысячу воинов, закованных в доспехи, и он останется по-прежнему острым, и твердым, и крепким, как алмаз. Но если твой нож поразит существо, одаренное магической силой, чары разрушатся и лезвие покроет ржавчина. Тогда ты с легкостью сумеешь его сломать.

– И это докажет, что я убил Гор-Небсехта? – Конан усмехнулся.

– Да. Заколи стигийца, вернись на мой остров со своим кинжалом и сломай его перед моими глазами. Вот условие, которое ты должен исполнить!

– Тогда ты меня отпустишь?

– Отпущу… Клянусь в том милостями Митры, Ормазда и Иштар!

– Хорошо. И я обещаю, что буду жить с тобой до седых волос, если не прирежу колдуна.

– Клянешься? – Дайома бросила на киммерийца испытующий взгляд.

– Клянусь! Клянусь Могильными Курганами Крома! И пусть их земля меня не примет, если я нарушу клятву!

– Я тебе верю, – привстав на цыпочки, Владычица сладко поцеловала его в губы. – Но знай, что стигиец очень коварен… он может принять сто обличий, и ты будешь гоняться за ним по всему Кро Ганбору…

– Кро Ганбору?

– Да, так называется его замок в Ванахейме. Ты можешь убить смуглого темноволосого человека, похожего на стигийца, но то будет не маг, а оборотень или слуга, заколдованные им. Истинный же чародей скроется в подвалах Кро Ганбора, затеряется в толпе своих воинов и рабов…

– Не беспокойся, – сказал Конан, – с этим я справлюсь.

– Но как, милый?

– Прикончу всех в этом Кро Ганборе, от воинов до последнего ублюдка, что чистит нужники… Только и всего! Стигиец от меня не уйдет! – Свирепо оскалившись, Конан стиснул рукоять кинжала.

– О! – казалось, Дайома поражена таким простым решением. – Но тебе совсем не надо убивать всех, милый. Как только кинжал покроется ржавчиной, ты можешь остановиться.

Киммериец презрительно отмахнулся.

– Женщина! Ты думаешь, я буду сражаться ножом с толпой бойцов в кольчугах и шлемах? С этими рыжими ванирами, что разрубают одним ударом крепкий аквилонский доспех? Ха! Я не успею добраться до колдуна, как эти отродья Нергала спустят с меня шкуру! Тоже выдумала – с кинжалом против топоров! Все будет не так, моя красавица. Кинжал нужен только для проверки, а в драке понадобятся меч и секира, и еще пару сотен бойцов, которых я найду в Киммерии, Асгарде или в том же Ванахейме. Дай мне золота, и я найму хоть целое войско! И тогда – прах и пепел! – из этого Кро Ганбора не выскользнет даже крыса!

– Тебе не понадобятся ни асы, ни киммерийские воины, милый, – сказала Дайома, одарив возлюбленного нежной улыбкой. – Я дам тебе нечто лучшее, чем золото; я пошлю с тобой слугу и помощника, который перебьет хоть тысячу ванов. Тебе нужно лишь добраться до колдуна, Идрайн же справится с его дружиной. Конан с подозрением уставился на нее.

– Зачем мне этот Идрайн, если я могу найти людей в Киммерии? Они с радостью согласятся пощипать замок колдуна, и негоже лишать их работы и куска хлеба. А этот твой парень… Если он так могуч, почему бы ему не заняться и Гор-Небсехтом?

– Потому что отомстить должен ты, а не он, – терпеливо объяснила Дайома. – Ведь Гор-Небсехт погубил твой корабль и твоих людей! Что до моего слуги, то он не человек… не совсем человек, – быстро поправилась она. – И хоть обычные люди против Идрайна бессильны, но маг может усыпить каменным сном его одним движением пальца.

– А меня?

– Тебя – нет! Ты – человек, ты обладаешь душой, и я могу защитить тебя от злых чар. Я дам тебе железный обруч; носи его не снимая, и колдовство Гор-Небсехта тебе не повредит.

Бери, что дают, угрюмо подумал Конан; все годится, лишь бы вырваться отсюда в большой мир. Но, говоря по правде, он предпочел бы нелюди Идрайну мешок с золотом для киммерийских бойцов, а кинжалу – заговоренный меч или секиру вроде Рана Риорды. Что касается обещанного обруча, то сей предмет показался ему полезным без всяких оговорок, ибо засыпать каменным сном он не хотел.

– Ладно, – буркнул Конан, пожав плечами, – я возьму с собой твоего Идрайна, если он так хорош, как ты сказала. Пусть рубит ванов! Но лучше бы ты научила меня метать молнии. Знаешь, есть люди, владеющие этим мастерством… Они бродят по свету и выжигают всякое зло, пуская огонь из рук – яркое синее пламя, которым можно подпалить задницу самому Нергалу. Я встречал одного из таких молодцов… давным-давно, в юности, на берегу Вилайета…

– Молнии, о которых ты говоришь, принадлежат светлому Митре, и он наделяет частицей своей Силы лишь тех, к кому особо благосклонен, – строго сказала Дайома. – Я же могу дать тебе кинжал, обруч, верного спутника и корабль. О большем не проси, милый.

– Корабль? – Конан ухватился за это слово. – Это хорошо! Что за корабль?

– Из Аргоса или Зингары, – Дайома небрежно повела плечами. – Прикажу ветрам, и они пригонят подходящее судно.

– Когда?

– Завтра, возлюбленный мой, завтра. У нас еще целый день впереди и целая ночь… – Голос зеленоглазой Владычицы Острова Снов дрогнул. – Последняя ночь перед разлукой…

– Тогда не будем терять время, – сказал Конан и, подхватив ее на руки, понес в беседку.

* * *

Спустя некоторое время Конан лежал на спине под кровлей из пальмовых листьев и раздумывал над словами Владычицы, вкусившей толику любви в его объятиях и удалившейся затем по своим делам. Очевидно, ему предстояло путешествие в северные края, и он заранее прикидывал подходящий маршрут. Нужно пробираться по суше, лениво размышлял киммериец; полярное море еще сковано льдами, и корабль в Ванахейм не дойдет. Значит, ему предстоит странствие в лесах пиктов… Эта мысль не слишком вдохновляла Конана, ибо пиктов он не любил. Однако другой путь вел через Боссонские топи либо через Тауран и горные хребты Гандерланда и Киммерии и являлся не менее опасным и более долгим. Придется идти пиктскими лесами, решил он.

Пустоши Пиктов тянулись широкой полосой на западе материка, от границ Зингары до самого Ванахейма, между берегом океана и Черной рекой. Огромная страна, тысячи тысяч локтей с юга на север! Проникнуть в нее можно было двумя способами: либо высадиться с корабля прямо на пиктское побережье, либо добраться до Зингары, а затем пересечь границу

и углубиться в джунгли, покрывавшие южную часть страны пиктов. Такой путь казался более естественным – учитывая, что Дайома обещала пригнать к острову зингарское или аргосское судно. Но Конану не хотелось появляться в этих приморских странах, где его могли опознать как морского разбойника и грабителя; особенное же отвращение ему внушала Зингара.

Лет восемь или девять назад он служил наемником в Кордаве, зингарской столице. Хороший город, отличные кабаки, полно шлюх… Да и платили с изрядной щедростью! Но завершилась та служба печально.

В один из неудачных дней Конан ввязался в схватку с неким капитаном гвардии, лучшим фехтовальщиком Кордавы, и выпустил ему кишки. Разумеется, храбрейший Корст, зингарский военачальник, пожелал выпустить кишки из дерзкого наемника-киммерийца. Пришлось бежать, пришлось скрываться в огромном подземелье под Кордавой, где обитали местные грабители и разбойники – а также вступившие с ними в сговор мятежные нобили из союза «Белой Розы», мечтавшие снять голову Его Зингарскому Величеству королю Риманендо. В конце концов, голову Риманендо потерял – вместе с короной, и не без помощи Конана. Но главными в той истории являлись не король, а Мордерми, предводитель кордавских бандитов, и Сантидио, вождь «Белой Розы». А еще один колдун-недоучка, некромант и злодей, вызвавший чарами из вод морских древних воинов владыки Калениуса, спавших вместе со своим повелителем многие тысячи лет.

При мысли об этих каменных истуканах, неуязвимых для любого оружия, Конана пробрала дрожь. Но вспоминалось ему и кое-что похуже – к примеру, тот же Мордерми, смрадный пес, хитрый потомок шакала и гиены! Они подружились, но кордавский разбойник, волею рока воссев на королевский трон Зингары, обманул дружбу. Конан помогал ему, сражался за него, спас, когда раненый Мордерми едва не истек кровью… А награда? В награду его чуть не прикончили! Те самые каменные истуканы, которых вызвал некромант, союзник нового зингарского короля!

К счастью, с этим делом удалось разобраться, хоть и не без помощи колдовства. Как только каменное воинство Калениуса рассыпалось прахом, Конан укоротил и колдуна-некроманта, и Мордерми, отрыжку Нергала – укоротил ровно на одну голову. Народ и опальные зингарские дворяне были просто счастливы и даже предложили Конану корону, но потом одумались. Все-таки он являлся варваром-киммерийцем, чужаком без рода-племени, без капли благородной крови, а в Зингаре весьма щепетильно относились к таким вещам. Вот Сантидио – другое дело! Хоть он был молод и неопытен, зато происходил из древней фамилии Эсанти, не то баронов, не то графов, не то герцогов, и вполне мог претендовать на опустевший престол. Конан не сомневался, что нобили «Белой Розы» сделали Сантидио королем – но удалось ли ему усидеть на троне? Сантидио был не только юн и неопытен, но еще и добр, честен и справедлив; совсем неподходящие качества для зингарского гадючника.

Мрачно усмехнувшись, Конан поднялся и вышел из беседки. Солнце, светлый глаз Митры, шло на закат, и несколько мгновений, пробираясь к гроту Владычицы через прекрасный лес, полный душистых ароматов, он пристально глядел на ало-золотой диск светила. Потом упрямо стиснул челюсти.

Нет, в Зингару его не тянуло, определенно не тянуло! Лучше уж сразу отправиться к диким пиктам… да и дорога ляжет короче… А с пиктами он разберется! Ведь Дайома обещала ему могущественные амулеты, колдовское оружие и защитный обруч, а также верного слугу и помощника!

Тут Конан поморщился. Он не имел ничего против кинжала и обруча, но вот слуга,

навязанный Владычицей, смущал. Кром, на кой ему сдался этот Идрайн? Он привык сам подбирать спутников для всевозможных опасных авантюр и жаловал доверием немногих. А этот Идрайн даже не был человеком! Кому же приятно странствовать в компании нелюди?

* * *

Ночь – вернее, предутренний час, когда над морем царит сумрак и звезды начинают гаснуть в бледнеющем небе – выдалась у Дайомы беспокойной. Выпустив на свободу сны и покинув святилище, она вновь спустилась в холодную и мрачную камеру. Она стояла там, сжимая свой магический талисман; лунный камень светился и сиял, бросая неяркие отблески на железное ложе и тело голема – уже вполне сформировавшееся, неотличимое от человеческого.

Владычица Острова Снов протянула руку, и световой лучик пробежал по векам застывшего на ложе существа, коснулся его губ и замер на груди – слева, где медленно стучало сердце.

– Восстань, – прошептала женщина, и ее изумрудные глаза повелительно сверкнули, – восстань и произнеси слова покорности. Восстань и выслушай мои повеления!

Исполин шевельнулся. Его массивное огромное тело сгибалось еще с трудом, руки дрожали, челюсть отвисла, придав лицу странное выражение: казалось, он изумленно уставился куда-то вдаль, хотя перед ним была лишь глухая и темная стена камеры. Постепенно, с трудом, ему удалось сесть, спустить ноги на пол, выпрямиться, придерживаясь ладонями о край ложа. Челюсти его сошлись с глухим лязгом, и лик выглядел теперь не удивленным, а сосредоточенно-мрачным. Сделав последнее усилие, голем встал, вытянулся во весь рост, покачиваясь и возвышаясь над своей госпожой на добрых две головы. Он был громаден – великан с бледно-серой кожей и выпуклыми рельефными мышцами.

Веки его разошлись, уста разомкнулись.

– Я-а… – произнес голем. – Я-ааа…

– Ты – мой раб, – сказала Дайома. – Я – твоя госпожа.

– Ты – моя госпожа, – покорно повторил исполин. – Я – твой раб.

– Мой раб, нареченный Идрайном… Запомни, это твое имя.

– Идрайн, госпожа. Я запомнил. Мое имя.

– Оно тебе нравится?

– Я не знаю. Я создан, чтобы выполнять приказы. Ты приказываешь, чтобы нравилось?

– Нет. Только людям может нравиться или не нравиться нечто; ты же – не человек. Пока не человек.

Голем молчал.

– Хочешь узнать, почему ты не человек?

– Ты приказываешь, чтобы я хотел?

– Да.

– Почему я не человек, госпожа моя?

– Потому что ты не имеешь души. Хочешь обрести ее и стать человеком?

– Ты приказываешь?

– Да.

– Я хочу обрести душу и стать человеком, – прошептали серые губы.

– Хорошо! Пусть это будет твоей целью, главной целью: обрести душу и сделаться человеком. Я, твоя госпожа, обещаю: ты станешь человеком, если послужишь мне верно и преданно. Служить мне – твоя вторая цель, и, служа, ты будешь помнить о награде, которая тебя ожидает, и жаждать ее. Ты понял? Говори!

Голем уже не раскачивался на дрожащих ногах, а стоял вполне уверенно; лицо его приняло осмысленное выражение, темные глаза тускло мерцали в отблесках светового шара.

– Я понял, госпожа, – произнес он, – я понял. Я – без души, но я – разумный. Я существую. У меня есть цель…

– Говори! – поторопила его Дайома. – Тебе надо говорить больше! Возможен разум без души, но нет души без разума. Если ты хочешь получить душу, твой разум должен сделаться гибким в достижении цели. Говори!

– О чем, госпожа?

– О чем угодно! Что ты чувствуешь, что ты умеешь, что ты помнишь… Говори!

Он заговорил. Вначале слова тянулись медленно, как караван изнывающих от жажды верблюдов; потом они побежали, словно породистые туранские аргамаки, понеслись вскачь, хлынули потоком, обрушились водопадом. Владычица Острова Снов слушала и довольно кивала; вместе с речью просыпался разум ее создания, открывались еще пустые кладовые памяти, взрастали побеги хитрости. Без этого он бы не понял ее повелений.

Наконец Дайома протянула руку, и голем смолк.

– Больше ты не будешь говорить так много, – сказала она. – Ты, Идрайн, будешь молчальником. Ты будешь убеждать силой, а не словом. Для того ты и создан.

– Силой, а не словом, – повторил серый исполин, согнув в локте могучую руку. – Это я понимаю, госпожа. Силой, а не словом! Это хорошо!

– Теперь ты будешь слушать и запоминать… – Дайома спрятала свой лунный талисман в кулачке, ибо в нем уже не было необходимости. – Слушай и запоминай! – повторила она, глядя в мерцающие зрачки голема.

– Слушаю и запоминаю, моя госпожа.

– Сейчас ты отправишься в арсенал, выберешь себе оружие и одежду. Потом…

Она говорила долго. Голем покорно кивал, и с каждым разом шея его гнулась все легче и легче, а застывшая на лице гримаса тупой покорности постепенно исчезала. Он становился совсем неотличимым от человека.

* * *

Конан стоял на берегу бухты, всматриваясь в далекий горизонт. Где-то там, на грани небес и вод, маячили паруса большого двухмачтового судна, гонимого ветром к Острову Снов. Оно приближалось быстро, но киммериец еще не мог разглядеть деталей оснастки и определить, была ли та посудина купеческим барком, боевой галерой или стремительным пиратским кораблем.

На Конане были надеты рваные штаны и потертая бархатная куртка; на ногах красовались сапоги с продранными голенищами. Он долго трудился над своим нынешним убранством, превращая новую одежду в сущую рвань, ибо собирался сыграть роль морехода, потерпевшего кораблекрушение. Было бы странно, если б он предстал перед будущими своими спасителями этаким щеголем, в серебристом хитоне, с драгоценностями в волосах! А

потому темная грива его была растрепана, а изумрудная корона, жемчужные заколки, дорогие браслеты и драгоценный пояс оставлены в покоях Дайомы, с которой он распрощался сегодняшним утром.

Но тяжелую золотую цепь, подарок своей возлюбленной, он сохранил. В конце концов, если уж ему удалось достичь берега в страшный шторм, то цепь, висевшая на шее, не могла служить тому помехой. Это богатое украшение доказывало, что его владелец – человек, непростой хозяин потерпевшего крушение судна, чьи обломки торчали на прибрежных рифах; кроме того, цепь предназначалась для расчета с приближавшимися к острову корабельщиками. Конан не слишком надеялся на их милосердие и полагал, что ему придется оплатить проезд.

Кроме драной одежды и золотой цепи у него был стигийский кинжал в дорогих ножнах, засунутый в сапог, и тонкий железный обруч, почти незаметный в густых растрепанных волосах. Он и в самом деле казался человеком, потерпевшим кораблекрушение, если не считать довольно упитанного вида – но это обстоятельство могло быть объяснено щедростью необитаемого островка, на котором в изобилии произрастали всевозможные плоды.

Корабль приблизился, и теперь Конан мог разглядеть его поподробнее. Судно с двумя мачтами и веслами, довольно большое, но не военная галера и не купеческая лоханка. Скорее всего, пираты, что вполне устраивало киммерийца. Ему не хотелось иметь дело ни с капитаном боевого судна из Зингары или Аргоса, ни с каким-нибудь торговцем, ибо он сам, как и его «Тигрица», удостоились громкой известности на Западном Побережье. Вероятно, описание его облика было разослано по всем прибрежным городам, от южных рубежей Пустоши Пиктов до Стигии и Куша, и повсюду за голову его была назначена награда. И даже если она не превосходила стоимости золотой цепи, висевшей у Конана на шее, любой из капитанов ею бы не побрезговал. Разумеется, в том случае, если б ему довелось пленить грозного киммерийца.

Конан разглядывал корабль, прикидывая количество весел на борт и численность команды, когда за спиной его послышались тяжелые шаги. Он обернулся, инстинктивно потянувшись к ножу, и застыл в изумлении: такого исполина, как стоявший за его спиной воин, не часто встретишь. Разумеется, видел он созданий и повыше, и посильней, но то были кутрубы либо джинны, демоны и прочая нечисть, а этот парень выглядел настоящим человеком. Почти человеком, ибо кожа его казалась слишком бледной, с сероватым оттенком, волосы имели странный пепельный цвет, а лицо напоминало об усилиях не слишком опытного каменотеса, слегка поработавшего над гранитной глыбой. Был он на голову выше Конана и на две ладони шире в плечах, в драной одежде, но с превосходной секирой, торчавшей за поясом. Всякий, взглянув на этого парня, догадался бы, что шутки с ним плохи.

Он походил на каменных солдат древнего зингарского владыки Калениуса, и, вспомнив об этих демонических исчадиях, Конан испытал острый приступ неприязни. Ему не нравились существа, перед коими была бессильна острая сталь, у которых он не мог вырезать сердце и печень. Да и была ли печень у этого серого чучела?

– Ты кто? – мрачно спросил Конан, уже предугадывая ответ.

– Идрайн, твой спутник, – неожиданно тихим голосом прошелестел серокожий гигант. – Меня прислала госпожа.

Киммериец хмыкнул. Велика же сила Дайомы, если она смогла сотворить подобное чудище! Он тут же напомнил себе, что и сила эта имеет предел: Идрайн все же не являлся человеком. Нелюдь, произведенная из праха, оживший камень, и только! В точности, как

гнусные твари Калениуса, вызванные к жизни зингарским некромантом!

Насупившись, он произнес:

– Ты мне не спутник, Идрайн, а слуга. И забудь о госпоже, нечисть! Отныне я – твой господин, а коль это тебя не устраивает, можешь гнить тут хоть сто лет! Клянусь челюстью Крома, спутников себе я найду получше.

Великан ничего не ответил, лишь склонил голову, что было воспринято Конаном как знак согласия. Некоторое время он рассматривал Идрайна, отмечая опытным глазом ту особую звериную повадку, что присуща безжалостным и умелым воинам, потом сказал:

– Скоро сюда подойдет корабль. Запомни: я – капитан потерпевшего крушение судна и зовут меня Кинтара, купец из Мессантии. Ты – мой телохранитель. Насчет всего остального помалкивай. Говорить буду я, а ты держи пасть на замке.

Идрайн снова поклонился.

– Обычно я молчалив, господин. Таким меня создали.

– Это большое достоинство, – согласился Конан и перевел взор на приближавшееся судно.

Странный корабль, решил он. По виду – боевой, явно зингарской постройки, но не столь велик, как галеры королевского флота. И судно все же не пиратское, хоть в экипаже человек сто, и все бойцы отменно вооружены – во всяком случае, собравшиеся на палубе. Они не толпились кучей, а выстроились вдоль бортов: арбалетчики – на носу и корме, люди с копьями и длинными прямыми зингарскими мечами – посередине судна. В них ощущалась выучка профессиональных солдат, боевого отряда, совсем не напоминавшего пиратскую вольницу. И в то же время они не походили на королевских гвардейцев или на стражников, охранявших торговую лоханку; для стражи их было чересчур много, и капитан их, в блестящей броне и шлеме с перьями, вовсе не производил впечатления мирного купца. Конан с удивлением заметил, что позади этого бравого воина стоит женщина – вернее, молодая девушка с копной светлых волос, в яркой лазоревой тунике.

Паруса на судне были уже убраны. В полусотне локтей от рифа, на котором нашел конец злополучный корабль Конана, галера с отменным искусством развернулась и, с поднятыми веслами, скользнула в узкую щель между торчавших из воды скал – в точности туда, куда хотел направить «Тигрицу» покойный Шуга. Разумеется, в бурю такой маневр был почти безнадежен, но даже сейчас, в относительно спокойных водах, он требовал немалого мастерства. Конан его оценил, решив, что зингарский кормчий хорош и ничем не уступает барахтанцу Шуге.

Весла вспенили воду, галера достигла середины бухты, за борт полетели якоря, и корабль замер, натянув якорные цепи. Затем спустили лодку, в которой расположился десяток воинов в кирасах; одни – с арбалетами, другие – с копьями и мечами. Последним слез капитан, высокий горбоносый мужчина лет сорока, с высокомерным замкнутым лицом. У него была небольшая бородка и тщательно подбритые усики – по моде зингарского дворянства, хорошо знакомой Конану. Богатый костюм, меч с серебряной рукоятью и властная манера держаться свидетельствовали, что человек это не простой.

Нос шлюпки ткнулся в песок в десяти шагах от киммерийца, капитан шагнул через борт; волны лизали его высокие сапоги из превосходной кордавской кожи. Зингарец был довольно высок, тощ, голенаст и видом своим – особенно яркими перьями, развевавшимися над шлемом – напоминал драчливого петуха. Восемь воинов следовали за ним, двое остались у лодки, настороженно оглядывая берег и держа арбалеты наизготовку. Остальные тоже

нервничали и озирались по сторонам – все, кроме капитана; тот был невозмутим или умело скрывал свою тревогу.

– Твои люди могут не беспокоиться, – произнес Конан на зингарском, делая шаг навстречу. – Остров пуст, как мошна моряка, пропившего последние медяки. Скалы, деревья, фрукты, птицы и пара кроликов – все, что тут есть.

Капитан зингарского судна остановился и смерил киммерийца подозрительным взглядом.

– Пара кроликов, хмм… Ни ты, ни твой приятель с топором на кроликов не похожи.

– Не похожи, верно, – согласился Конан. – Мы не кролики, а морские крабы вон с той лоханки, что устроилась на постой среди прибрежных рифов. Прах и пепел! Корабль наш разбит штормом, а мы сидим на этом проклятом островке уже целую луну!

Зингарец, склонив голову к плечу – точь-в-точь как петух! – недоверчиво оглядел останки «Тигрицы» и вновь повернулся к Конану. Голос его был отрывистым и властным.

– И много ли тут крабов с твоего корабля? Может, целая сотня? Не таятся ли они в кустах с луками наготове?

– Не таятся. Все перед тобой: сам я, купец Кинтара из Мессантии, да мой слуга Идрайн.

– А где остальные?

– В утробе Нергала, – коротко уточнил Конан.

Наступило молчание. Капитан и его люди все так же озирали безлюдный берег и море, песок и прибрежные утесы, рифы в бурунчиках пены и торчавший на них остов «Тигрицы». Ничего не происходило; шумели волны, ветер тонко посвистывал в кронах пальм, щебетали птицы. Наконец зингарец сказал:

– Не очень-то ты напоминаешь купца, Кинтара из Мессантии. И на аргосца ты не похож. Клянусь светлым оком Митры, – тут он поднял руку к солнцу, – выглядишь ты сущим разбойником.

– А все потому, что платье мое истрепалось, порвались сапоги, а богатство, что было на корабле, поглотили волны. Но цепь свою я сохранил и готов подарить тебе, если ты согласишься отвезти нас в Кордаву, Мессантию или любой порт по твоему выбору. Что же до облика моего, то я и впрямь не похож на аргосца, ибо родился в Гандерланде, на севере Аквилонии, а в Аргос привели меня торговые дела.

Конан снял с шеи толстую цепь. Ее вид, блеск и солидный вес вроде бы произвели на зингарца впечатление. Глаза его жадно сверкнули; поколебавшись, он протянул руку, и киммериец вложил в нее золото, решив, что сделка заключена. Однако зингарский капитан не спешил заканчивать допрос. Его длинные пальцы с холеными ногтями обхватили цепь, голова качнулась в сторону Идрайна.

– А этот откуда? Твой слуга не похож на аргосца или аквилонца, да и на человека тоже. Он что, явился прямиком с Серых Равнин?

– Кости Нергала! Ты почти угадал, капитан! Ты, я вижу, человек проницательный… Идрайн, эта серокожая крыса, родился в Лифлоне, где солнце светит раз в году, и то по большим праздникам.

– Никогда не слышал о такой стране!

– И не услышишь. Лежит Лифлон в тундре, к северу от гирканских степей, и не страна это вовсе, а жалкая дыра, где, клянусь милостью Митры, обитают одни дикари. Идрайн как раз из них. Зато он послушен и очень силен.

– Это я вижу, – сказал зингарец. – И потому будет лучше, если он отдаст секиру моим

людям.

Конан повелительно кивнул голему.

– Отдай им топор, серая шкура.

Не говоря ни слова, Идрайн протянул секиру ближайшему из зингарских воинов – неторопливо протянул, без угрозы, рукоятью вперед. Видать, это понравилось капитану; он усмехнулся, потеребил щеголеватую остроконечную бородку и сказал:

– Зови меня дом Гирдеро, купец. Судно мое именуется «Морским Громом», и клянусь клыками Нергала, свет не видел более быстрого корабля. Сам же я – зингарский дворянин из Кордавы, а потому ты, человек простого звания, должен обращаться ко мне с почтением и трепетом. Запомни это!

– Запомню, – сказал Конан, прикидывая, через сколько дней можно будет перерезать горло этому петуху в блестящей кирасе и ярких перьях. Он не собирался плыть с ним ни в Кордаву, ни в Мессантию, ни в шемитский Асгалун, ни в иной порт, где его могли бы опознать и сунуть в темницу; он хотел либо тайком расстаться с «Морским Громом» где-нибудь у побережья, украв лодку, либо захватить судно. Последнее, впрочем, зависело от Идрайна, ибо Конан понимал, что перебить сотню опытных воинов ему не под силу. Вот если бы с ним была Небесная Секира, вечно жаждущая крови Рана Риорда! Но чудодейственное оружие осталось на алтаре, воздвигнутом в туманах материка Му, и Конан не ведал, что с ним сталось.

Вернувшись к реальности, он взглянул на шлюпку, потом на дома Гирдеро, зингарского дворянина из Кордавы, и спросил:

– Мы можем садиться, почтенный дом? Цепь и секира у тебя, а больше у нас нет ничего, кроме драной одежды и собственных шкур.

Вздернув голову, зингарский петух в последний раз осмотрел обоих островитян, словно желая убедиться, на что годны их шкуры, потом кивнул в сторону лодки.

– Садитесь, оборванцы. Не знаю только, когда мы отчалим: ветер, пригнавший нас к острову, все еще силен.

– Клянусь Кромом, – буркнул Конан, шагнув к лодке, – что ветер скоро переменится.

– Кромом? – Гирдеро с удивлением уставился на киммерийца. – Кто такой этот Кром? Никогда не слышал, чтобы аргосские купцы, даже уроженцы Гандерланда, поминали такого бога!

Конан проклял свою неосторожность. Этому Гирдеро палец в рот не клади: хитер, подозрителен и неглуп! Видно он знал прибрежные западные воды как свои пять пальцев – а также и тех, кто плавал у берегов Зингары, Аргоса и Шема.

Но надо было выходить из положения, и киммериец, мрачно ухмыльнувшись, пояснил:

– Кром – демон убогих лифлонцев, мой господин. Я подцепил эту божбу от Идрайна. – Он устроился в лодке, потом, протянув руку к «Морскому Грому», сказал: – Отличный у тебя корабль, благородный дом! Но не заметно, чтоб он возил кордавские кожи шемитам, а обратно возвращался груженый тканями и пивом!

– Мой корабль возит солдат! – отрезал Гирдеро. – Моих собственных воинов, но они ничем не хуже королевских гвардейцев. Что и подтверждает грамота, подписанная рукой Его Светлейшего Величества, милостью Митры владыки Зингары.

Любопытно, подумал Конан, кто же сейчас занимает зингарский престол. Вряд ли друг-приятель Сантидио, главарь «Белой Розы»… Слишком он был добр, слишком честен и мягок! Вид же Гирдеро и его слова доказывали, что нынче в Зингаре твердая власть. Видно,

междоусобицы там кончились, раз король стал отправлять в море боевые корабли! Вот только с какой целью?

– Скажи, благородный дом, а в грамоте, что ты упомянул, есть что-то еще, кроме хвалы твоим людям? – поинтересовался Конан, наблюдая за зингарскими моряками, ловко разбиравшими весла.

– Разумеется, – Гирдеро уселся на корме и кивнул гребцам. – Разумеется, Кинтара из Мессантии! Его Величество король Зингары снарядил это судно и отдал мне, повелев преследовать и ловить морских разбойников во всех западных морях, от Барахского архипелага до устья Стикса. Корабль – королевский, люди – мои, а добычу, отнятую у пиратов, мы делим пополам. Добыча же немалая, а будет еще больше, если я поймаю главаря из главарей, самого мерзкого злодея, когда-либо бороздившего наши воды.

– Это кто ж таков? – спросил Конан, прищурившись.

– Ты не знаешь, купец? – Гирдеро был искренне изумлен. – Конан по прозвищу Амра, северный дикарь и грязный ублюдок! Клянусь кишками Нергала, я поймаю мерзавца и повешу на рее своего корабля!

Да, решил Конан, не вышел друг Сантидио в короли! Сантидио был человеком поистине благородным; не стал бы он рассылать галеры с вооруженными людьми, чтобы добраться до шеи своего старого приятеля.

Вслух же он сказал:

– Да сопутствует тебе удача, благородный дом!

А сказав, почтительно поклонился и подумал про себя, что Дайома не слишком удачно выбрала ему судно. Но высокий борт «Морского Грома» неотвратимо надвигался, и деваться Конану было некуда.

* * *

Уплыл!

Глотая слезы, Дайома следила за квадратными парусами, удалявшимися на восток, к берегам огромного материка. Попутный ветер, посланный ею, свистел в вышине, играл облаками, гнал корабль в океанский простор и вместе с ним уносил ее возлюбленного. Надолго ли? Она полагала, что на полторы или две луны; за это время, по ее расчетам, Конан должен был обернуться. Небольшой срок, но разлука все равно казалась горькой.

Правда, ее утешало то, что удастся избавиться от стигийца. Сквозь туман слез, застилавших прекрасные глаза, виделась Дайоме громада темного замка среди полярных снегов и могучая фигура Идрайна с секирой в руках. Сильными ударами голем врубался в ворота, опрокидывал их, сек стражу, разделывался с рыжими ванами, словно со стаей волков, убивал, убивал, убивал… И двигался к центральной башне Кро Ганбора, к обледенелой лестнице, что вела в сумрачный покой с кубическим черным алтарем…

А за ним шел ее возлюбленный с кинжалом наготове! Вот он поднимается по ступеням, перешагивая через трупы, вот входит в зал – с блестящим смертоносным клинком, с защитным обручем в темных волосах… Дайома могла предугадать, что случится затем в чертогах колдуна. Этот Гор-Небсехт не отступит, не станет прятаться – слишком он самолюбив, слишком горд, слишком уверен в своих силах. Конечно, он пустит в ход свою магию – и, быть может, остановит Идрайна. Но не ее киммерийца! А пока он будет шептать

свои заклинания, Конан окажется рядом. И не промахнется!

Она видела, как сверкающее лезвие входит в грудь колдуна, как гримаса недоумения искажает его высокомерное лицо, как он падает на пол, к ногам ее возлюбленного… Представляла, как древний демон покидает мертвое тело, взмывает ввысь вместе с мерзкой душой стигийца, сбрасывает ее словно грязную и ветхую одежду, ищет себе новое пристанище… Ну, кого бы не выбрал Аррак, то будет не Конан! Пусть демон вселяется в какого-нибудь рыжебородого ванира, а душа проклятого чародея летит тем временем на Серые Равнины!

Видела Дайома и другую картину, повергавшую ее в смущение. Видела она возлюбленного, глядевшего на свой нерушимый клинок, покрытый не ржавчиной, а кровью Гор-Небсехта; видела, как мечется он среди трупов, колет и режет их, пробует сломать сталь лезвия, но тщетно… Видела, как рычит он и гневно бьет себя в грудь, как подходит к нему Идрайн и говорит те слова, что вложены были ею в память голема прошлой ночью… Слова, напоминающие о договоре, об условиях сделки; слова, что должны вернуть Конана на ее остров, в ее объятья…

А не помогут слова, Идрайн должен сделать так…

Она помотала головой, отгоняя неприятное видение, и, заметив, что корабль скрылся с глаз, покинула грот и направилась в свои покои, чтобы проследить путь судна по своему магическому зеркалу.

Воистину, опытный ловец может накрыть одной сетью двух птиц, но будет ли спокойна потом его совесть?

ГЛАВА 6
КОРАБЛЬ И ЗАМОК

Пятеро обитали в мире, и каждому из них мир земной представлялся по-иному: одному – местом для игр, другой – садом любви, третьему – поприщем власти и осуществленных желаний, четвертому – полем битвы и дорогой странствий, а пятому – серой метелью, схоронившей краски жизни. И все они были правы, ибо воистину мир и то, и другое, и третье, и четвертое, и пятое.

Аррак вспоминал свои былые воплощения.

Как уже говорилось, чаще всего Он выбирал магов и редко ошибался: маги, ощутив в себе небывалую силу, свершали многое. Иногда они становились великими правителями, иногда стояли за спиной владык и диктовали им свою волю; иногда удалялись от мира, лишь время от времени пугая жалких людишек, прах земной, то разрушительным наводнением, то извержением вулкана, то небывалыми ураганами и штормами. Случалось и так, что они сохраняли верность своему божеству, считая, что в них вселился Ариман, Мардук, Асура либо иное верховное существо – из числа тех, кому поклонялись в этом жалком крохотном мирке. Аррак не возражал и не пытался переубедить своих Избранников; Его забавляла перспектива сыграть роли всех земных богов.

Бесспорно, лучшим из магов был Ксальтотун, верховный жрец Сета в ахеронском городе Пифоне. Жестокий, властный, надменный… Сколько лет миновало с тех пор? Сколько раз этот ничтожный шарик обернулся вокруг другого, побольше, жаркого и светящегося, который люди называли Оком Митры?

Три тысячи, прикинул Аррак. Не слишком много времени, но и не слишком мало: три тысячелетия даже для Него были изрядным отрезком вечности.

Этот ахеронец Ксальтотун давно истлел в могиле… или не истлел? Помнится, в ту давнюю эпоху на берегах Стикса были отличные бальзамировщики… И, быть может, мумия жреца до сих пор упрятана в какой-нибудь пирамиде или тайном святилище, заброшенном и неведомом миру живых… Аррак мог бы узнать это, но труп Ксальтотуна его не интересовал; Он хранил память о прежнем своем Избраннике, и этого было вполне достаточно.

Когда-нибудь, через десять или двадцать тысяч лет, Он позабудет об этом Ксальтотуне, доставившем некогда столько развлечений… И самое главное из них – под конец!

Дух Изменчивости ощутил чувство, сходное с весельем. Этот ахеронский чародей владел камнем, магическим огненным рубином, и почитал сей талисман источником силы – грозной Силы, способной покорить не только людей, но и сами пространство и время. Быть может, так оно и было; во всяком случае, та игрушка предназначалась не для слабых человеческих рук и не для жалкого смертного ума, хотя бы и принадлежавшего величайшему магу на свете. Стараниями Аррака камень исчез, растворился, канул в ночь и вечность – разумеется, тогда, когда Он наконец решил избавиться от Ксальтотуна и больше не оказывал Избраннику помощи. Жрец Сета не пережил утраты; его держава, древний Ахерон, пал, а сам Ксальтотун бежал в Стигию, и там душа его рассталась с телом, освободив Аррака.

Это было забавное приключение! Такое же, как замышлялось теперь с Гор-Небсехтом, стигийским магом, которого Дух Изменчивости собирался обменять на вана Эйрима,

будущего властелина мира.

* * *

– Не нравится мне этот Гирдеро, – сказал Идрайн. – Не нравится, господин!

Он умел говорить совсем тихо, так, что лишь Конан слышал его, и эта негромкая речь, почти шепот, не вязалась с обликом голема, с его чудовищными мышцами, могучими плечами и гигантским ростом. Казалось, грудь и горло этого серокожего исполина должны производить совсем иные звуки, громкие и трубные, похожие на грохот горного обвала или грозный рык бури; однако он предпочитал не колебать воздух ревом и рычаньем.

Конан выслушал его и кивнул.

– Мне Гирдеро тоже не нравится, клянусь бородой Крома. Ну так что? Спрыгнем за борт, чтоб убраться поскорей с его лоханки?

– Я видел, где хранят оружие, господин, – молвил голем. – В чулане, в конце гребной палубы, под замком.

– И я видел. Что дальше?

– Этот замок я могу сбить одним ударом.

– А потом? Идрайн сосредоточенно нахмурился.

– Потом? Потом я возьму секиру, а ты – меч, мой господин.

– Кишки Нергала! Уж не собираешься ли ты разделаться с командой?

– Конечно, господин. Я должен заботиться о твоей безопасности. А безопасней всего захватить корабль, не дожидаясь предательского удара.

Конан покачал головой. Зингарцы, экипаж «Морского Грома», гляделись хорошими бойцами и было их много – не сотня, как он полагал сперва, а целых две. Сотня сидела на веслах, и еще сто составляли абордажную команду – стрелки, копейщики и меченосцы. Кое-кто из этой братии был из отставных королевских гвардейцев, ветеранов лет под сорок, остальных же Гирдеро набрал в своих поместьях, выкупив людей от службы в армии. Эти парни прошли неплохое обучение и были преданы своему господину, словно верные псы. Служба на капере нелегка, но в регулярном войске им пришлось бы еще тяжелее, и потому никто не рвался натянуть доспех с королевским гербом.

– Мне – секиру, тебе – меч, – бубнил Идрайн. – Я буду бить, ты – добивать…

– Что-то ты сегодня разговорился, – оборвал его Конан. – И речи твои мне не нравятся. Одной секирой и одним клинком не положишь две сотни воинов, парень.

– Я положу.

– Может, и так. Но у тебя-то шкура каменная, а мне достанется не один удар. Соображаешь, нелюдь? – Он постучал кулаком по массивному загривку Идрайна. – Прикончат меня, и что ты скажешь госпоже?

– Я сумею защитить, – буркнул гигант. – Госпожа останется довольна. Госпожа меня вознаградит.

– Вознаградит? – Это было для Конана новостью. – Чем вознаградит?

– Даст душу. Сделает человеком.

– А зачем? – Киммериец в удивлении уставился на бледно-серое лицо Идрайна. – Пусть Кром нарежет ремней из моей спины! Не понимаю, зачем тебе становиться человеком?

– Так велела госпожа. Велела, чтобы я этого хотел. И я хочу, – тихо прошелестел голем.

– Ублюдок Нергала! Вот почему ты следишь за мной, словно портовая шлюха за толстым кошельком! Оберегаешь, чтобы заполучить награду? Свою вонючую душонку?

Идрайн ничего не ответил, равнодушно разглядывая то море, то небо, то трепетавшие над головой паруса. Они сидели на палубе рядом с лодкой, которых на «Морском Громе» имелось две: побольше, на четыре пары гребцов, и поменьше, на два весла. Обе эти лодки были надежно укреплены в пространстве между мачтами; каждая, как успел проверить Конан, могла идти под парусом, и в каждой хранился небольшой запас продовольствия и пресной воды. Насчет этих суденышек у киммерийца были свои планы.

Серокожий исполин сменил позу, опершись спиной о борт лодки. Два десятка полуголых горбоносых зингарцев, работавших с парусами, старались не смотреть в его сторону – слуга аргосского купца Кинтары внушал им необоримое отвращение и ужас. Охотней всего эти смуглые молодцы проткнули бы серокожего стрелами да скинули за борт; но капитан, дом Гирдеро, не велел пока что трогать эту тварь из гирканской тундры, и моряки подчинились. Для своего экипажа Гирдеро был богом и королем – и на борту «Морского Грома», и на твердой земле.

Но у Идрайна было совсем иное мнение о капитане.

– Не нравится мне этот Гирдеро, – опять пробубнил он, навалившись спиной на лодку. Суденышко дрогнуло под его напором и закачалось.

Конану Гирдеро тоже не нравился. Этот зингарский петух был заносчив, высокомерен, хитер и скуп; за пять дней плавания он ни разу не пригласил купца из Мессантии к своему столу, не оказал почтения, не угостил добрым вином, не удостоил беседой. Не дал даже пары штанов и рубахи, хоть запасов на «Морском Громе» было с лихвой! Правда, двум потерпевшим кораблекрушение мореходам выделили каюту, крохотную вонючую каморку в задней части трюма, но Конан считал, что его золотая цепь стоит большего. Пусть не беседы с гордецом капитаном, но приличной одежды, пищи и вина – безусловно! А его поили жидкой кислятиной, словно последнего из гребцов! И каморка, куда сунули их с Идрайном, слишком походила на тюремную камеру.

Нет, Гирдеро ему определенно не нравился. Не только из-за своей жадности и неких непонятных планов, которые капитан строил насчет спасенных, но и потому, что заносчивый зингарец властвовал над телом Зийны. Эту светловолосую стройную девушку Конан заметил еще с берега, а поднявшись на борт, с искусно разыгранным удивлением поинтересовался, кто же она.

– Моя рабыня, – коротко ответил Гирдеро. – Подстилка!

Но киммериец полагал, что Зийна достойна большего. Она была красива, и красоту ее не портили даже синяки на руках, плечах и шее – следы ночных ласк Гирдеро; она казалась неглупой и, видимо, получила неплохое воспитание; наконец, она не имела никакого отношения к колдовству! Последнее в глазах Конана являлось едва ли не самым важным обстоятельством, ибо на Острове Снов, вкушая блаженство в объятьях рыжей ведьмы, он никогда не забывал, с кем имеет дело. А потому подумывал и о других женщинах, пусть не столь прекрасных и могущественных, зато не способных обратить его в кабана или отправить на край света, в Ванахейм, в замок стигийского чародея. Впрочем, памятуя о гибели своей «Тигрицы» и неотомщенном экипаже, он не возражал против Ванахейма, но вот перспектива сделаться кабаном или медведем его никак не устраивала. С присущей варварам инстинктивной мудростью Конан чувствовал, что сегодня он мил зеленоглазой Дайоме, а завтра – не мил; что же случится послезавтра?

Словом, если б он мог выбирать между Дайомой и Зийной, между женщиной-колдуньей и женщиной-рабыней, то колебался бы недолго. К тому же у Зийны были такие прекрасные волосы, светлые и пушистые, такие голубые глаза, такие полные груди! Конечно, Белит, его возлюбленная, погибшая в Черных Землях, была еще краше, еще желанней, но у Зийны имелось важное преимущество и перед ней: Зийна была жива. И близка – только руку протяни!

В первый же день, сбросив куртку и пояс в своей каморке, Конан выбрался наверх и пару раз улыбнулся девушке. На большее он не рискнул, ибо за ним мог следить не только Гирдеро, но и рыжая колдунья, владевшая магическим зеркалом. А потому следовало проявлять осторожность; и Конан, улыбнувшись Зийне в третий раз, занялся кислым вином и морскими сухарями. Он съел и выпил все, что дали им с Идрайном на двоих, ибо голем, к счастью, не нуждался в пище.

На второй день Зийна улыбнулась ему в ответ и с нескрываемым интересом начала разглядывать мощные плечи и мускулистый обнаженный торс Конана, посматривая и в синие его глаза. Было раннее утро; гребцы и воины спали на нижней палубе, парусная команда висела на реях, Гирдеро еще не выходил из своей каюты. Момент показался Конану вполне подходящим, чтобы выразить расположение прелестной девушке. Ущипнув ее за тугое бедро, он спросил:

– Похоже, ты из Немедии, детка?

Немедия, особенно Бельверус, ее столица, славилась статными светловолосыми девушками, но тут Конан ошибся: Зийна покачала головкой, шепнув:

– Нет, господин, из Пуантена.

Что ж, и в Пуантене встречаются белокурые красотки с голубыми очами, хоть там это редкость! Конан уже собирался продолжить разговор, но тут заметил, что голубые очи Зийны словно бы подернулись пеленой, а по щекам ее катятся слезинки. Вероятно, память о родине расстроила наложницу Гирдеро; Пуантен и в самом деле был прекраснейшей из аквилонских провинций, невосполнимой утратой, достойной того, чтобы ее оплакать.

Протянув руку, киммериец вытер слезы девушки и ласково погладил ее по волосам. Теперь он сожалел, что коснулся ее бедра фривольным и грубоватым жестом: Зийна явно не относилась к числу продажных шлюх и не заслуживала подобного обращения. В этой девчонке чувствовалась порода! И в манере держаться, и в негромком чистом голосе, и в горделиво-покорном и печальном выражении лица. Негоже этой белой курочке оставаться подстилкой под зингарским петухом, решил Конан, и вдруг сообразил, что она целует его руку.

– Ты добр ко мне, господин…

Он снова погладил ее по волосам и раскрыл было рот, чтобы молвить пару сочувственных слов, но внезапно ему показалось, что кто-то стоит за спиной. Конан наклонился, шепнул: «Иди, малышка. Завтра, здесь, на рассвете…» и подтолкнул Зийну к двери капитанской каюты. Дождавшись, когда она исчезнет, киммериец медленно обернулся – перед ним маячила каменная физиономия Идрайна.

– Прах и пепел! Что тебе надо, проклятая нечисть? – прошипел Конан. – Следишь за мной, серозадый?

Исполин покачал головой.

– Не слежу, господин. Охраняю.

– От кого? От этой малышки?

Идрайн, по своему обыкновению, молчал, и раздраженный Конан велел ему спуститься в каморку и не высовывать носа весь день.

– Но я должен быть рядом с тобой, – возразил голем. – Во-первых, я должен заботиться о твоей безопасности. А во-вторых, что я буду делать один в каюте?

– Думай о будущей своей награде или спи, – приказал Конан, пропуская мимо ушей первое и отвечая на второе. – Спи, нелюдь! Клянусь Кромом, зингарцы уже косятся на тебя. И немудрено: ты ведь не ешь, не спишь и не молишься Митре!

– Пища мне не нужна, – подтвердил исполин. – А сон… Я даже не знаю, что это такое, господин.

Конан смягчился. Этот Идрайн, по сути дела, был несчастным созданием, таким же несчастным, как светловолосая Зийна: девушку лишили свободы, а серокожий никогда ее не знал. И не чувствовал прелестей жизни – даже таких, что доступны любому рабу: вкуса сухой корки, солнечного тепла или дуновения свежего ветра на лице, благодетельного беспамятства сна… Сон! Подумать только, он не имел понятия о сне!

Киммериец попытался растолковать это.

– Когда человек устает… – начал он.

– Я не устаю, господин, – прервал его голем. – И я пока что не человек.

Конан зашел с другого конца.

– Ты видел, как ночью я лежу в каюте – молчаливо, неподвижно и с закрытыми глазами?

– Да, господин. Неподвижно и с закрытыми глазами. Но ты не молчишь. Ты делаешь так: хрр… хрр…

– Во имя когтей Нергала! Хрр делать не обязательно! Просто растянись на спине, закрой глаза и ни о чем не думай… или думай о приятном.

Он надеялся, что мысли о приятном заменят Идрайну сновидения. Странно, что Дайома, владычица сонного царства, лишила свого слугу способности видеть сны. Быть может, она считала, что, пребывая в состоянии камня, серокожий выспался на всю жизнь? Или сны, по ее мнению, помешали бы ему действовать быстро и эффективно?

– Отправляйся вниз, – повторил Конан, – и делай что велено. Чтоб я не видел твоей серой рожи до завтрашнего утра!

Глядя в спину удалявшегося голема, он подумал, что Зийна была бы куда лучшим и более приятным спутником в странствиях, чем Идрайн. Если бы он мог выменять ее у Гирдеро на этого каменного олуха! Или украсть… с ее согласия, разумеется.

Согласие он получил на следующее утро, потолковав с девушкой в предрассветный час. Она то и дело пугливо посматривала на дверь капитанской каюты – видно, боялась, что Гирдеро проснется и обнаружит ее отсутствие; но страх не мешал ей подставлять Конану губы, теплые, мягкие и покорные, совсем не похожие на огненные алчущие уста Дайомы. Пользуясь сумраком, Конан устроил девушку у себя на коленях, приподнял ей тунику и уже начал ласкать упругие бедра и трепещущую грудь, как над горизонтом показался краешек солнца. А вместе с ним пришел Идрайн.

Конан, увлеченный своим делом, не заметил его, но вдруг девушка тихо взвизгнула, вырвалась из его объятий и, оправляя одежду, исчезла в каюте Гирдеро. Киммериец, разъяренный, вскочил на ноги.

– Ты… ты… Шакалья моча, пес, отродье пса!

– Солнце всходит, господин, – невозмутимо заявил голем. – Ты велел не показываться на глаза до утра, но утро уже наступило.

Споры были бесполезны; этот каменный истукан понимал приказы буквально. Временами Конану казалось, что они с Идрайном знакомы не пару дней, а целую вечность – и целую вечность этот болван преследует его, появляясь в самый неподходящий момент. От серокожего надо было избавиться! Хотя бы потому, что киммерийцу голем мнился недреманным оком Дайомы, постоянно нацеленным ему в затылок. Владычица Острова Снов будто бы следила за своим возлюбленным в два глаза: через магическое зеркало и с помощью бдительного Идрайна. Конану это не нравилось. Совсем не нравилось!

– Женщина Гирдеро была с тобой, – равнодушно отметил голем.

– Была, – рыкнул Конан. – Ну и что?

– Если кто-нибудь из зингарцев заметит и донесет Гирдеро…

– Вот тогда и возьмемся за топоры, серое чучело! Мысль насчет топоров запала, видно, в голову Идрайна, и в ближайшие дни он все чаще приставал с этой идеей к своему господину. Вот и сегодня:

– Отчего ты не хочешь порубить команду, господин? Самое время… Перебьем всех, а первым – этого Гирдеро… Не нравится мне он. Что-то замышляет…

Замышляет, точно, – подумал Конан. Он не раз уже ловил косые взгляды зингарца, а вчерашней ночью Зийна поведала ему, что Гирдеро притащил из корабельной кладовки и спрятал в своем сундуке две пары кандалов с цепями толщиной в три пальца. Вероятно, затем, чтоб были под рукой, когда понадобятся… Не прав ли Идрайн, предлагая перерезать экипаж «Морского Грома»? – мелькнуло у киммерийца в голове. Он мысленно взвесил оба плана: принять открытый бой или тайно покинуть корабль на одной из лодок, прихватив с собой Зийну, а взамен оставив Гирдеро серокожего голема. Первое представлялось ему более достойным и славным, второе – более разумным.

Будучи человеком быстрых решений, иногда действующим под влиянием импульса, Конан избрал второй вариант. Не потому, что его беспокоила схватка с многочисленной и хорошо вооруженной командой «Морского Грома», но скорей из-за Идрайна. С этим настырным спутником Конану хотелось расстаться, и побыстрее! Что же касается схваток и драк, то он подозревал, что на пути к Кро Ганбору, в пиктских чащобах и ванахеймской тундре, их будет предостаточно. Стоит ли сожалеть о том, что ему не удастся свернуть шею Гирдеро, этому зингарскому петуху? В конце концов, у него были иные задачи: добраться до замка Гор-Небсехта и отомстить за свою «Тигрицу» – а заодно и избавиться от Дайомы.

Сунув руку в сапог, Конан погладил рукоятку своего стигийского кинжала и ухмыльнулся, представив, как лезвие пронзает грудь колдуна и обращается в прах. Ядовитая кровь Нергала! Он швырнет обломки к ногам рыжей ведьмы и распрощается с ней навсегда! Ему не нужны ни ее богатства, ни она сама, ни видения славы и власти, что убаюкивали его по ночам! Ее остров – та же тюрьма, позолоченная клетка для павлина! А он не павлин, он – ястреб… Внезапно Конан понял, что Идрайн снова толкует о своем – как бы перебить команду и завладеть судном. «Перебьешь, серая шкура, – подумал киммериец, – перебьешь, когда меня не будет на борту». Он поднялся, в раздражении пнул ногой лодку и властным жестом прервал Идрайна.

– Устал я от тебя, нечисть. Иди-ка вниз и спи. Или думай о том, что станешь делать, превратившись в человека.

Скрипнула дверь капитанской каюты, и на палубе появился Гирдеро – как всегда, в блестящем полированном панцире, в шлеме с пестрыми перьями, высоких сапогах кордавской кожи и роскошных бархатных штанах с разрезами по бокам. Любовь к пышному

убранству – к сияющей стали, начищенной бронзе, плюмажам, бархату и шелкам – была национальной чертой зингарцев, отчасти компенсировавшей их мрачность и серьезность, так несвойственную прочим жителям юга. Зингарцы, особенно люди благородной крови, совсем не походили на веселых аргосцев с их трескучей быстрой речью, и на говорливых шемитов, удачливых купцов и искусных ремесленников. Отличались они и от обитателей Стигии, чья обычная угрюмость объяснялась темным и ужасным культом Сета, Змея Вечной Ночи, довлевшим над берегами Стикса, и отягощенностью тайными колдовскими знаниями. Что касается зингарцев, то они были людьми горделивыми, часто – высокомерными, коварными и себе на уме. Многие из них, однако, отличались искренним гостеприимством, благородством и святой верностью данному слову – тот же Сантидио, например. Но Гирдеро к числу этих многих не относился. Глядя на его голенастую фигуру и холодное мрачное лицо, Конан уже почти не испытывал сомнений, что капитан «Морского Грома» хочет накинуть ему на шею железную цепь – вместо той золотой, что получена им в оплату проезда на Острове Снов. Лишь одно оставалось неясным: то ли зингарец просто желает продать купца Кинтару вместе с его серокожим слугой на рабском рынке Кордавы, то ли опознал в оном купце знаменитого разбойника, за голову которого назначена награда.

Гирдеро важно поднялся на кормовую надстройку, оглядел горизонт, перебросился парой фраз со своим кормчим; потом глаза его отыскали Конана, все еще торчавшего у лодки. Едва заметно кивнув головой, Гирдеро подозвал киммерийца к себе – впервые за пять дней.

– Солнце взойдет дважды, и мы увидим землю, берег нечестивых пиктов, – сказал капитан. – От него повернем на юг, к Барахам и устью Черной реки. Тебе случалось бывать на Барахских островах, купец?

– Случалось, почтенный дом, – молвил Конан, отметив, что зингарец прямо-таки прожигает его подозрительным взглядом.

– И что ты делал в сем пиратском гнезде? Киммериец пожал плечами.

– Торговал. Разве ты не знаешь, благородный дом, что многие купцы из Зингары, Аргоса и Шема торгуют с Барахами? Клянусь светлым оком Митры, – он протянул руку к солнцу, – не все островитяне пираты и разбойники. Там много рыбаков, есть козопасы, гончары и корабельные мастера. Они солят рыбу и мясо, льют свечи, обжигают большие горшки для вина и воды, делают бочки… и они отличные мореходы и гребцы. На моем погибшем судне были матросы-барахтанцы.

– Все они, особенно моряки – бандиты и злодеи, – угрюмо насупившись, заявил Гирдеро и смолк. Если у зингарца и были какие подозрения о связях купца Кинтары с пиратами, пока он предпочитал оставить их при себе.

После долгого молчания капитан покосился на Конана и сказал:

– Замечаю я, носишь ты наголовный обруч из простого железа. К чему бы? Он похож на рабский ошейник.

– Ошейник и есть, – ухмыльнулся Конан. – Был я в стигийском плену и продали меня в рабство в Луксур. Там хозяин, один из местных жрецов, надел на меня цепь и железный ошейник… Ну, а когда пришло время бежать, я прихватил то железо с собой, добрался в Мессантию, и там мне отковали на память этот обруч. С тех пор и ношу.

Он почти ничем не рисковал, рассказывая эту историю, ибо на Западном побережье никто не жаловал стигийцев – ни гордые жители Зингары, ни веселые аргосцы, ни предприимчивые шемиты. Все они поклонялись Митре или, на худой конец, Мардуку, и хоть торговали со Стигией, всегда помнили, какой бог – точнее, демон – владычествует на берегах

Стикса. Вот и сейчас, при упоминании стигийского рабства Гирдеро кивнул – не то чтобы сочувственно, но вполне по-человечески, – и поинтересовался:

– А что ты сделал со своим хозяином, с тем жрецом из Луксура, наложившим на тебя цепи?

Хмыкнув, Конан бросил на зингарца многозначительный взгляд.

– Расшиб ему башку, почтенный дом, только и всего. Той самой цепью, на которую он меня посадил.

* * *

Расшиб башку! Ха!

Неужели эта крыса, злодей из злодеев, и в самом деле полагает, что его можно принять за купца из Мессантии? Не видел что ли он, дом Гирдеро, мессантийских купцов! Солидные люди, с лицами, украшенными пусть не благородством, но хитростью – однако не с такой разбойной рожей! Всякие были среди них, тучные и худые, высокие и низкие, но опять же этаких мускулистых молодцов с шеей, как у быка, не попадалось. А руки? Руки? По ним сразу видно, что привыкли они не монеты считать, а срывать чужие кошели и держаться за рукоятку топора, а не за стилос, коим записывают на пергаменте перечень товаров. Да будь этот тип хоть трижды гандерландцем, как он утверждает, дома Гирдеро ему не провести!

Капитан «Морского Грома» искоса взглянул на своего пассажира, опять спустившегося на палубу, к лодкам, и быстро отвел глаза. Нельзя, чтоб разбойник почуял, будто его в чем-то подозревают… нельзя… время еще не пришло… А придет оно дня через четыре, когда минует корабль устье Черной реки, и над холмистым берегов встанут гордые башни Кордавы, королевского города, столицы славной Зингары. Вот тут-то и придет пора хватать разбойника и ковать в железо! А пока пусть пребывает в спокойствии… все же проезд до Кордавы он оплатил… щедро оплатил…

Гирдеро с первого взгляда понял, кто ему попался. Еще там, на острове! Можно натянуть любые лохмотья и трижды назваться потерпевшим кораблекрушение купцом, но куда спрячешь темные лохмы, и горящие синие глаза, и огромный рост, и плечи шириной с гребную скамью? И эту манеру говорить, совсем неприличную для купца, зато вполне подходящую душегубу и злодею? И эту привычку шарить рукой у пояса, будто там торчит рукоять меча?

Ха! Нет уж, Гирдеро не проведешь! Не на того напал, проклятый головорез!

Собственно, почему проклятый? Дом Гирдеро подумал, что ему-то не за что проклинать злодея. Он получил великолепную цепь, а еще получит королевскую награду и славу поимщика самого грозного пирата на всем Западном побережье. Потом продаст слугу разбойника, эту здоровенную серокожую тварь… за него тоже можно выручить неплохие деньги…

При этой мысли глаза Гирдеро жадно блеснули. Он был высокомерен и храбр, как всякий зингарский дворянин, но, не в пример прочим членам своего сословия, деньги считать умел. А потому и прельстился каперским промыслом, испросив королевскую грамоту и корабль у повелителя Зингары. Занятие это являлось благородным, вполне подходящим для родовитого человека, и отнюдь не безвыгодным.

А теперь, после поимки знаменитого пирата, перед Гирдеро открывались самые

блестящие перспективы. Он мог отдать злодея в руки палачей Его Величества в обмен на королевскую долю в «Морском Громе»; мог просить командования над целой флотилией каперов; мог добиться военной экспедиции на разбойные Барахские острова, торчавшие у берегов Зингары словно бельмо на глазу. Мало ли чего мог благородный воин и капитан, изловивший в океанских водах такую акулу, как этот Амра, Конан из Киммерии, волк и сын волка!

Пусть он жрет, пьет и спит, думал Гирдеро, пока через четыре дня не проглотит в вине снотворное зелье. Пусть наслаждается безопасностью, пусть тешится тем, что обманул зингарского дворянина, пусть тайком щупает Зийну, эту пуантенскую шлюху, пусть заигрывает с ней! От нее не убудет!

Тут мысли Гирдеро переключились на Зийну. Неласковая девка, размышлял он, хмурая, хоть и красивая… Надо будет продать ее вместе с Идрайном из Лифлона, с этой серокожей тварью, купив взамен красотку из Шема или Турана, где женщины приучены тешить мужчин и принимают хозяйские ласки, не каменея от ненависти и страха. Впрочем, заигрывания пирата ей вроде бы приятны… Ну, пусть, пусть!

Бросив еще один взгляд на свою добычу, беспечно загоравшую у мачты, Гирдеро решил, что надо прибавить людей в ночной вахте. И наказать, чтоб получше следили за обоими разбойниками! Амра, видно, могучий воин, а уж слуга у него – сам Нергал во плоти! Ну и чудища обретаются в этом Лифлоне, на краю мира…

* * *

Тем временем мнимый лифлонец сидел, скорчившись, в маленькой каморке под гребной палубой, и спал, как было велено. Искусство сна он освоил еще не совсем и потому находился скорее в состоянии чуткой полудремы, различая скрип весел в уключинах, перебранку гребцов, плеск воды за бортом и звон оружия стражи. Еще он думал о господине, о госпоже и обещанной ею награде.

Приказы господина полагалось исполнять – но лишь в том случае, если они не противоречили распоряжениям госпожи. А их было всего три: не удаляться от господина, защищать его и вернуть назад, на остров, где осталась госпожа. С каждым днем Идрайн все лучше понимал смысл каждого из этих трех поручений. Ему уже было ясно, что их буквальное исполнение не приведет ни к чему хорошему: скажем, если следить за господином днем и ночью, то это лишь вызовет его гнев. То же самое и с защитой; в определенных случаях – как с той светловолосой девушкой – господин вполне мог сам постоять за себя. Отсюда следовал неоспоримый вывод: ему полагалось находиться вблизи господина, но не на его глазах. Так близко, чтобы он мог в любой момент прийти на помощь.

Разумеется, самым лучшим решением было бы овладеть кораблем. Идрайн знал, что сумеет перебить всех на борту; жалкое оружие зингарцев в том не помеха, как и их многочисленность. Да и не надо убивать всех – достаточно прикончить этого Гирдеро, его помощников и еще десятка три или четыре, пока остальные не поймут, что их усилия бесполезны. В любом случае какая-то часть экипажа должна остаться, чтобы вести судно и прислуживать господину, ибо вдвоем не управишься с парусами и рулевым веслом.

О всех этих вещах, как и о награде, обещанной ему, Идрайн думал с полным равнодушием существа, лишенного души. Да, у него была цель – вернее, несколько целей:

главная – заслужить награду, и дополнительные – исполнить все распоряжения госпожи. Но он не стремился к ним с той страстью, упрямством и неистовством, что свойственны человеку; ему приказали желать – и он желал. Чувства его были лишь иллюзией человеческих чувств, но иллюзией превосходной, способной обмануть любого, кто не был посвящен в тайну его происхождения.

Кем же он был? Не бог, не человек, не демон, не дух и не душа, заблудшая с Серых Равнин, и даже не зомби, не мертвец, оживленный магической силой какого-нибудь колдуна… Пожалуй, он являлся неживой субстанцией, в которую живое существо – в данном случае, Владычица Острова Снов – вложило определенные умения, знания, цели и приказы, сформировавшие подобие разума. И поскольку целей было немного, Идрайн, каменный голем, умел добиваться их с дьявольской настойчивостью.

* * *

Прошло еще два дня, и прямо по курсу «Морского Грома» поднялись из морской синевы холмы страны пиктов, заросшие сосновыми лесами. Пиктское побережье начиналось в паре дней пути от устья Черной, за которой стояла Кордава, и тянулось далеко на север, до Киммерии и самого Ванахейма. Конан знал, что ближе к полярным краям сосновые боры и дубовые рощи сменяются осинниками, березой и почти непроходимыми зарослями елей Были там и болота с ржавой водой и корявыми деревьями, и вересковые поляны, и травянистые сырые луга; на юге же властвовали джунгли, населенные всякими хищными тварями – львами и черными пантерами, леопардами, огромными змеями, чудовищными бесхвостыми обезьянами и тиграми с клыками длиной в ладонь. Все это обширное прибрежное пространство, омываемое Западным океаном, называлось Пустошью Пиктов. Но Пустошь вовсе не была пустой и получила свое имя лишь потому, что в пиктских землях не имелось ни городов, ни крепостей, а лишь лесные селения, и соединяли их не дороги и торговые тракты, а тайные тропы. Пиктам хватало и этого; они не сеяли и не жали, а жили охотой и грабительскими набегами на соседей.

Солнце начало садиться, и корабль повернул к югу. Зингарцы, покончив с вечерней трапезой, спускались вниз, на гребную палубу и в трюм, укладывались на скамьях, залезали в подвесные койки. Гирдеро тоже исчез за дверью своей каюты в кормовой пристройке, отдав последние распоряжения помощнику, сухопарому зингарцу, которому выпало нести ночную вахту. Конан, однако, заметил, что караулы усилены: кроме рулевых и десятка моряков, следивших за парусами, на палубе остались пять человек в полном вооружении, с копьями и мечами. «Опасается, петушок, – мелькнуло в голове у киммерийца. – Опасается!» Вот только кого? Пиктов, нередко выходивших в море на больших челнах, или своих пассажиров?

Он спустился в крохотную каюту, где, привалившись спиной к переборке, дремал Идрайн. Корабль постепенно затихал; гребцы устроились на своих скамьях, воины в гамаках. Вскоре гул голосов и вялая перебранка сменились дружным храпом, и лишь где-то вверху поскрипывали под напором ветра мачты да хлопали паруса. Ночь, к счастью, выдалась безлунная, вполне подходящая для задуманного Конаном дела. Больше тянуть он не мог, ибо на следующее утро «Морской Гром» оказался бы уже вблизи зингарских берегов.

Тем не менее, он ждал; ждал в полном мраке, так как в каморке его не было ни оконца, ни светильника. Но отсутствие света не являлось помехой; инстинктивное чувство времени

никогда не покидало киммерийца, и он неплохо видел в темноте. Задуманное им надлежало выполнить перед самым солнечным восходом, когда небо еще усеяно звездами, сон особенно крепок, а глаза вахтенных и стражей начинают слипаться от усталости.

Тянулось время; Конан ждал. Иногда он беззвучно шевелился, чтобы не затекли мышцы; рука его скользила то к защитному обручу на голове, то к рукояти запрятанного в голенище кинжала, проверяя, на месте ли его нехитрое снаряжение. Из угла, где скорчился голем, не доносилось ни звука; казалось, там нет вообще никого, лишь одна тьма, пустота и холод.

Наконец Конан решил, что время пришло. Неслышно подвинувшись к Идрайну, он потряс гиганта за плечо и тихо, одними губами, шепнул:

– Вставай, серокожая нечисть. Пора выбираться с этой лоханки.

Голем встрепенулся.

– Будем резать зингарцев, господин?

– Не всех, только палубную команду. Потом спустим лодку, и к берегу! С рассветом окажемся на твердой земле.

– Что я должен делать?

– Придушить охрану. Но тихо, во имя Крома! Справишься?

– Справлюсь.

– Тогда поднимаемся на палубу. Там разойдемся: я – на нос, ты – на корму… Да, еще одно: малышка Зийна Удерет вместе с нами.

– Зачем, мой господин?

– Много вопросов задаешь, ублюдок Нергала, – буркнул Конан. – Я сказал; так тому и быть.

Он дернул Идрайна за руку, в который раз удивившись, насколько холодна и тверда плоть голема. Казалось, шкуру его и мощные мышцы не пробьют ни копья, ни стрелы, ни бронза, ни острая сталь; он был неуязвимей аквилонского рыцаря, закованного в доспехи от ступней до головы. На миг киммерийца кольнуло сожаление; такой боец был бы не лишним на долгом пути к замку Кро Ганбор… Упрямо мотнув головой, он подавил это чувство: что решено, то решено.

Тихо ступая, они выбрались на палубу. Конан двигался бесшумно, как лесной хищник, со стороны же Идрайна вообще не доносилось ни звука. Он был огромным, массивным и тяжелым, но перемещался с ловкостью черной пантеры вендийских джунглей; доски не скрипели под его ногами, не шуршала одежда, не было слышно и дыхания. Одним словом, нелюдь, – подумал Конан.

Он вытянул руку в сторону стражей, расположившихся у двери капитанской каюты. Над ними горел факел, и все пятеро, как и рассчитывал киммериец, дремали; кто привалившись спиной или плечом к переборке, кто опершись на копье. Перья на бронзовых шлемах подрагивали в такт покачиванию корабля.

Идрайн, кивнув, скользнул в темноту; Конан двинулся на нос судна, придерживаясь за лодочный борт. Три матроса ночной вахты спали под лодкой, и он, вытащив кинжал, быстро прикончил их. Заколдованный клинок резал человеческую плоть и кости, не встречая сопротивления; киммерийцу чудилось, что лезвие входит в воду или в жидкое масло. Никто из зингарцев не вскрикнул и не пошевелился, когда души их отлетали на Серые Равнины, и Конан, довольно хмыкнув, направился дальше.

Еще двоих он нашел у самого бушприта, под косым парусом, увлекавшим корабль к югу. Эти не спали, а развлекались игрой в кости при свете масляной лампы. К счастью, оба были

слишком увлечены своим занятием и пересчетом монет, серебристой кучкой лежавших на войлочной подстилке. Конан возник из темноты словно ночной дух и воткнул клинок под лопатку ближайшего игрока, одновременно зажав ему рот левой рукой. Приятель убитого не успел сообразить, что случилось; его выпученные глаза встретились с холодным взглядом синих зрачков, и в следующий момент он слабо захрипел, ничком повалившись на палубу.

Киммериец снова хмыкнул. Некогда, в Шадизаре и Аренджуне, воровских и разбойных городах, ему довелось пройти неплохую школу тайных убийств. Учителя-заморанцы говорили: хочешь тихо убрать человека – режь горло. От уха до уха, тогда не закричит! Конан хорошо усвоил этот совет.

Осмотрев трупы, он снял с их поясов кошельки и, стараясь не звенеть, пересыпал в один из них серебро. Пригодится! Дорога к Ванахейму не близка…

Еще он обнаружил колчан со стрелами и заряженный арбалет, что было весьма кстати: на передней мачте, в корзине, сидел впередсмотрящий, и прежде Конану не удавалось придумать, как бы добраться до него, не слишком нашумев. Теперь эта проблема была решена.

Он лег на палубу лицом вверх и прижал арбалет к плечу. На самом кончике мачты раскачивалось нечто темное, бесформенное; через несколько мгновений рысьи глаза киммерийца различили округлый бок корзины, плечи морехода и его голову на скрещенных руках. Он, похоже, дремал; свистнула стрела, ударила стража в лоб, и дрема его превратилась в вечный сон.

Шестеро, отсчитал Конан. Кроме охранников, оставались трое у руля и старший ночной вахты. Все они были на корме, но оттуда не доносилось ни звука.

Повесив за спину арбалет и колчан, он неслышно двинулся к кормовой надстройке, благодаря про себя Дайому. Владычица Острова Снов посылала попутный ветер, и «Морской Гром» шел уверенно, чуть покачиваясь на мелкой волне; к ночи половина парусов была спущена, но и оставшихся хватало, чтобы корабль сохранял остойчивость.

Скользнув мимо лодок, Конан убедился, что с охраной покончено. Идрайн свернул шеи всем пятерым голыми руками; зингарцы валялись на палубе, и головы их были отогнуты к груди, словно у цыплят, приготовленных для вертела. Стараясь не греметь оружием, Конан отстегнул пару мечей, собрал копья и вместе с арбалетом погрузил все это добро в меньшую из лодок.

На трапе кормовой надстройки возникла огромная фигура Идрайна. Голем спустился, перешагнул через трупы и присел рядом с киммерийцем, возившимся с веревками. Наконец, пробормотав проклятие, Конан перерезал их ножом и освободил лодку.

– Все сделал, господин, – сообщил Идрайн. – Что теперь?

– Теперь возьмем эту посудину и спустим за борт. Нашарив причальный канат, Конан обмотал его вокруг мачты. Затем они подняли лодку, подтащили к борту, спустили вниз на вытянутых руках и разжали пальцы. Днище с тихим плеском ударилось о воду, канат натянулся, и суденышко заплясало на волне рядом с «Морским Громом».

– Жди здесь, – велел Конан.

Ступая на носках, он подкрался к двери капитанской каюты и приложил ухо к теплому дереву. Изнутри доносилось лишь мерное похрапывание Гирдеро, и несколько мгновений Конан боролся с искушением войти и воткнуть клинок в глотку зингарскому петуху. Нергал с ним, решил он наконец; лучше уйти по-тихому, возложив все остальные дела на Идрайна.

Киммериец негромко свистнул, дверь приоткрылась, и в щель проскользнула Зийна.

Фигурку девушки скрывал шерстяной плащ, на ногах были прочные кожаные башмаки.

– В лодку, – распорядился Конан. – Там, у левого борта…

Он взял факел и посветил Зийне, пока она, ухватившись за канат, перебиралась в суденышко. Зийна была ловкой и крепкой, так что эта операция не потребовала много времени.

– Поставь мачту, – сказал киммериец. – Сможешь?

– Смогу.

Она принялась возиться с мачтой и растяжками, а Конан повернулся к Идрайну, застывшему у борта словно серое изваяние.

– Теперь ты. Садись!

– После тебя, господин.

– Хорошо.

Киммериец взялся за канат и вдруг хлопнул себя по лбу.

– Ядовитая кровь Нергала! Забыл! Чтоб Митра прижег мне задницу своей молнией!

– Что случилось, господин?

– Топор! Понимаешь, топор! У зингарцев, которым ты свернул шеи, были только мечи! А нам нужен топор!

– Зачем?

– Затем, что земли пиктов, куда мы высадимся на рассвете, покрыты лесами! Такими лесами, что там не обойдешься без топора или доброй секиры. Меч хорош против человека, а против дерева нужен топор… Без него не выстроишь шалаш, не сделаешь плот, даже костра не разложишь!

Конан отпустил канат и решительно двинулся к люку, ведущему на гребную палубу.

– Постой, господин, – сказал Идрайн. – Если нам нужен топор, я спущусь вниз и достану его. Помнишь о кладовке, где хранится оружие? Там моя секира. Я сорву замок и возьму ее.

– Отличная мысль! – Киммериец вновь отступил к борту. – Ты умный парень, Идрайн! Поторопись же за своей секирой и постарайся не шуметь.

Когда фигура голема скрылась в люке, Конан тигриным прыжком подскочил в большой лодке и продырявил ее. Он не нуждался в топоре; зачарованный стигийский клинок резал дерево с той же легкостью, как и людскую плоть.

Превратив лодку в решето, киммериец соскользнул в плясавшее на волнах суденышко и рассек канат. Борт «Морского Грома» сразу отодвинулся, ушел в предрассветную мглу; лодочку отшвырнуло, закружило, и в лицо Конану, возившемуся с веслами, плеснули соленые брызги. Зийна испуганно вскрикнула за его спиной:

– Веревка оборвалась, господин! Твой человек остался на корабле! Гирдеро убьет его!

– Парус! – рявкнул Конан. – Ставь парус, женщина, и садись к рулю! Да поживее! А я буду грести!

Уже навалившись на весла, ощущая упругое сопротивление волны, чувствуя, как лихорадочное возбуждение покидает его, киммериец глубоко вздохнул и добавил:

– О моем человеке не беспокойся, с ним Гирдеро не совладать. Не совладать! Да и не человек он вовсе…

* * *

Жуткий рев, от которого сотрясались стены каюты, пробудил дома Гирдеро, зингарского дворянина и капитана «Морского Грома», от сна. По привычке он пошарил рядом рукой, но теплого тела Зийны не было; тогда, предчувствуя недоброе, Гирдеро схватил меч и выскочил на палубу.

В сумрачном свете занимавшегося утра он увидел пятерых мертвых стражей, распростершихся на досках, еще троих матросов, валявшихся у лодки с перерезанными шеями, и серокожего исполина с секирой, который высился по левому борту подобно гранитному изваянию Нергала. Гигант тянул руки в туман, будто хотел зацепиться пальцами-крючьями за прибрежные утесы земли пиктов, и ревел:

– Господин! Господин! Где ты? Где ты, господин? Великий Митра, разбойник сбежал! – мелькнуло в голове у капитана. Сбежал, оставив своего слугу, лифлонское отродье! Но почему?..

Это требовалось немедленно выяснить, и Гирдеро твердым шагом направился к серокожему гиганту. Страха в его сердце не было: из люка уже вылезали пробудившиеся воины и гребцы, вооруженные до зубов.

Гирдеро ткнул лифлонца мечом в бок – вернее, попытался ткнуть: острие клинка даже не поцарапало кожу великана. Однако он обернулся, уставившись на капитана холодным и пустым взглядом.

– Ты, блевотина Сета! Где твой хозяин?

Лезвие огромной секиры блеснуло в первых солнечных лучах и опустилось на правое плечо Гирдеро. Рухнув на палубу и корчась в предсмертных муках, он успел еще увидеть, как серокожий исполин шагнул навстречу его воинам, как снова сверкнул чудовищный топор, как упали первые бойцы, тщетно пытаясь проткнуть великана копьями.

Его секира поднималась и падала, поднималась и падала, словно серп, срезающий стебли тростника. Стоны, крики и предсмертный хрип огласили корабль…

* * *

Через пару дней «Морской Гром» подошел к пирсу кордавской гавани. Паруса на судне были спущены, из сотни весел шевелилась едва ли половина, а на палубе застыли двое рулевых с бледными лицами и гигантская фигура воина с топором. Он был облачен в потертую кожаную безрукавку, такую же серую, как его плечи и грудь, и покрытую бурыми пятнами.

Едва нос корабля коснулся причала, серокожий великан перепрыгнул на скользкие мокрые доски и, не оборачиваясь, зашагал к торговой площади, стиснутой тавернами и кабаками, складами и лавками, веселыми домами, башнями двух маяков и бараками портовой стражи. Двигался он уверенно и с поразительной быстротой, расталкивая попадавшихся навстречу мореходов, торговцев, пьяных и нищих. На площади великан осмотрелся, скользнул безразличным взглядом по бочкам с вином, призывно распахнутым дверям харчевен, по сверткам бархата, серебряным чашам, кувшинам и стальным клинкам, выставленным в лавках; казалось, он искал чего-то другого, а весь этот товар оставил его совершенно равнодушным. Наконец, вытянув длинную руку, он поймал за плечо какого-то мальчишку-оборванца.

– Ты, слизняк! Где тут торгуют лошадьми?

– Что? – Мальчишка попытался вырваться, но с таким же успехом он мог приподнять любую из каменных маячных башен.

– Где торгуют лошадьми? – тихо и внятно произнес серокожий. – Говори, или я сломаю тебе ключицу.

В темных глазах великана вспыхнули огоньки, и оборванец на миг онемел от ужаса. Что там ключица! Это чудище могло одним движением свернуть ему шею!

– Т-там, го-господин… – пробормотал растерянный мальчишка, тыкая куда-то в сторону причалов и теснившихся рядом с ними кораблей.

– Не там. Там море, – покачал головой серокожий, – а мне нужен рынок, где продают лошадей. Пошли, покажешь!

И он зашагал по площади, таща за собой мальчишку.

ГЛАВА 7
ЗАМОК И ЛЕС

Пятеро обитали в мире, и одним из них прошлое казалось глубоким ущельем, наполненным клубящимся туманом воспоминаний, другим же – мелким рвом, в котором видны и памятны каждый камешек, каждая травинка. Но прошлое не было ни ущельем, ни рвом; оно скорее походило на пропасть без дна, протянувшуюся в глубь времен. И перед этой бездной все пятеро были воистину равны.

Прошлое…

Мысли о Ксальтотуне, ахеронском жреце, протянули ниточку в глубину веков, в пропасть тысячелетий. Забыв о своем нынешнем Избраннике, не отвечая на его призывы, Аррак вспоминал. Для Духа Изменчивости эти воспоминания заняли лишь один миг, вместивший сто, тысячу или миллион эонов; для человека же, взывавшего к силе древнего демона, время измерялось иначе – для него минули дни, полные тревожной неуверенности.

Аррак вспоминал.

Когда Он появился в этом мире? Возможно, десять или двадцать тысячелетий назад; возможно, еще раньше. Во всяком случае, допотопная эпоха мнилась Ему не вчерашним днем; события тех времен уже были подернуты мглой забвения – кроме самых последних, случившихся перед Великой Катастрофой. Он помнил, что Гирканский материк выглядел тогда иначе – и иначе назывались страны и племена, распространившиеся и расселившиеся в его пределах. Но и тогда люди занимались пустяками – строили и рушили города, затевали войны и молились в храмах своим богам, взывая к их милосердию и испрашивая богатство, власть и победу над противником. Уже тогда Он смирился с этими проявлениями человеческой глупости и даже начал находить в них удовольствие, ибо, пребывая в человеческих телах, не имел других развлечений, кроме демонстрации своей власти. А она сводилась все к тому же – к войнам и победам, к строительству и разрушению. Правда, Он предпочитал не строить, а разрушать: так было веселее.

На бескрайних равнинах Гирканского материка одна война сменяла другую. Валузия сражалась с Комморией, армии Верулии шли походом на Грондар, солдаты Туле жгли посевы на землях Камелии… Потом пришли атланты, приплыли с Западных Островов челны пиктов, надвинулись с востока потомки лемуров, и все началось с начала. Пылали города, рушились стены и башни, шли друг на друга шеренги воинов – с каменными топорами или с медными мечами, с клинками из стали либо бронзы; развевались знамена, мчались колесницы, с гулким грохотом стучали тараны, сокрушая ворота крепостей…

Он славно повеселился в те времена! Великая Катастрофа грянула над миром, словно гигантский молот над наковальней. Он ликовал; Он думал, что этот жалкий мирок погибнет, и тогда кончится срок Его заточения. Он был выслан сюда из Предвечных Просторов и заключен в людскую плоть – но если б плоти этой вдруг не стало вовсе? Если б сгинула она в кипящих водах, в реках огненной лавы, в огне и дыме – сгинула вся, до последнего человека? Куда бы Он делся? Возможно, погиб бы вместе с этим ничтожным миром; возможно, обрел бы свободу. И то, и другое было бы приятным разнообразием, хотя Он отнюдь не жаждал развоплощения и с большей радостью вернулся бы к огням Градов Небесных, в обитель

Древних Богов и Древних Духов. Но этому не суждено было свершиться!

Земля устояла. Где-то горы опустились в океан, где-то новые хребты поднялись над равнинами; одни моря исчезли, возникли другие, столь же обширные; люди приуменьшились числом, но все же их вполне хватало. Рухнули древние допотопные державы, на их место пришли варвары – те же пикты да одичавшие атланты, и еще другие, звавшиеся хайборийцами; за ними надвинулись с севера рыжеволосые люди, потомки огромных шерстистых полярных обезьян, а с востока хлынули орды смуглых узкоглазых всадников-туранцев. Вознесся и пал Ахерон; на берегах сумрачного Стикса возникла Стигия, страна Великого Змея; за ней, в джунглях юга, бурлили неведомые чернокожие народы, дикие и кровожадные, как помесь леопарда с крокодилом.

Но не им, и не чародеям Стигии, и не рыжим ванам и асам, и не пришельцам с востока покорился мир: его захватили хайборийцы. На время, всего лишь на время, размышлял Дух Изменчивости; хоть мир земной и невелик, но бесконечно прошлое и бесконечно будущее, и никому не дано жить и править вечно – кроме, разумеется, Древних Богов. Так что эпоха хайборийцев завершится и придут другие; придут не без Его, Аррака, помощи – к примеру, Эйрим со своими рыжими ванами, потомками полярных обезьян…

Тут думы Его прервались, и мысль обратилась к Избраннику, взывавшему о помощи. Пожалуй, решил Он, надо уделить крупицу внимания и Гор-Небсехту, пока тот окончательно не спятил.

* * *

День за днем в полированной поверхности черного алтаря проплывало одно и то же видение: раскачивался на волнах корабль, мерно поднимались и опускались весла, западный ветер надувал паруса, острый нос таранил соленые воды. На кормовой надстройке стоял капитан, голенастый рослый мужчина в шлеме, с темной бородкой и высокомерным лицом; над шлемом его торчал пышный султан из перьев. Судно было зингарским, что было нетрудно установить по одежде, облику и вооружению мореходов, и плыло оно из морских просторов к Гирканскому материку. Если точнее – к пиктскому побережью.

В этом не было ничего необычного; мало ли кораблей, зингарских, аргосских, шемитских и стигийских болтается в океане? Мало ли среди них купеческих барков, военных галер и юрких, как дельфины, пиратских посудин? Случается, их относит далеко на запад и потом они Долго ждут попутного ветра, чтобы вернуться в прибрежные воды, или навсегда пропадают в океане… Но это судно, вероятно, хранили боги: оно стремилось к земле, и все штормы, все невзгоды словно бы обходили его стороной. Удача? Счастливая судьба? Что ж, и в этом не было ничего удивительного…

Но как и почему на этом корабле очутился киммериец? Этот дикарь, северный бродяга, ее возлюбленный? Как он попал на зингарское судно? И главное – зачем? Гор-Небсехт терялся в догадках.

Скорее всего, он пропустил тот момент, когда киммериец поднимался на корабль, не успев подглядеть, как, когда и где это случилось. Впрочем, не составляло труда домыслить ситуацию: зингарское судно, то ли случайно, то ли намеренно, пристало к берегам Острова Снов, и киммериец перебрался на борт. Но с какой целью? Хотел ли дикарь удрать от рыжеволосой ведьмы или… Или? Что она задумала?

Маг долго всматривался в суровое лицо северного варвара. Губы дикаря были плотно сжаты, синие глаза казались непроницаемыми; черты двоились, расплывались, ибо черный алтарь в замке Кро Ганбор отделяли от зингарского корабля сотни тысяч локтей. Слишком большое расстояние, чтобы удалось все рассмотреть с исчерпывающими подробностями! Это приводило стигийца в отчаяние; иногда он страстно призывал покинувшую его Силу, пытаясь направить ветры и ураганы на подозрительное судно.

Но тщетно; стихии по-прежнему не повиновались ему. Невзирая на смутность и неопределенность видений, он замечал иногда рядом с варваром другое лицо – серое, словно камень, равнодушное, вырубленное небрежно и грубо. Кто это был? Тут возникала еще одна загадка, разрешить которую ему не удавалось. Являлся ли серокожий пиратом, спасшимся вместе с киммерийцем во время крушения у Острова Снов? Или был членом команды зингарского судна? Во всяком случае, Гор-Небсехт ощущал смутную угрозу, исходившую от этого создания, – не меньшую, чем от самого киммерийца.

Неужели Владычица Острова Снов отправила этих двоих на материк? Но с какой целью?

Впрочем, о цели он мог догадаться и сам. Мог, но не хотел; как большинство людей, Гор-Небсехт предпочитал тешить себя иллюзией безопасности.

Иногда он подходил к распахнутому окну и взирал на море. Льды начинали таять; посеревшие туши торосов оплывали вниз, плющились, сливались с поверхностью ледяного панциря, что сковывал прибрежные воды; кое-где уже темнели полыньи. Еще двадцать-тридцать дней, думал Гор-Небсехт, и пора отправляться к Эйриму… К удачливому Эйриму, чья удача кончится на берегу Острова Снов… К храброму Эйриму… К послушному Эйриму…

Стигиец возвращался к своему столу и повелительным взмахом руки вызывал видение эйримовой усадьбы. Вождь западных ваниров покорился его воле: маг смотрел, как воины Эйрима смолят корабли, точат оружие, готовят припасы, собираясь в долгий поход. Всюду пылали костры с большими глиняными горшками с черным варом, молоты беззвучно опускались на наковальни, отбивая острия копий, крутились наждачные камни, остря мечи и секиры; сталь соприкасалась с точилом, порождая фонтаны искр. В большие мешки складывали сушеную рыбу, бочонки наполняли пивом, заворачивали в кожу меховые одежды и промасленные кольчуги, подгоняли доски щитов, обивали их бронзовыми бляхами, чинили паруса, готовили стрелы. И всюду среди этой суеты Гор-Небсехт видел двух высоких мощных мужчин: Эйрима, облаченного в меховую шапку и синий длинный плащ, и Торкола, своего рыжеусого посланца. Торкол следовал за Эйримом как тень – проверял, все ли положенное сделано, все ли подготовлено. Судя по мрачному лицу вождя ваниров, это ему не слишком нравилось, но он терпел. Стигиец же усмехался, видя в покорности Эйрима доказательство своего могущества и власти. Даже этот необузданный князек понимал, сколь губителен может быть гнев владыки Кро Ганбора!

Потом в бездонной пропасти алтаря возникали корабельные мачты с надутыми парусами, и маг опять мрачнел. Зингарское судно неотвратимо стремилось на восток, а киммериец, казалось, пребывал в полном бездействии: ел, пил, спал, о чем-то шептался с серокожим, иногда обнимал высокую светловолосую девушку с голубыми глазами. Мираж этот по-прежнему оставался туманным: расстояние было слишком велико.

Так прошло шесть дней; на седьмой северный варвар исчез. Гор-Небсехт никак не мог обнаружить его на судне, а с самим же судном творилось нечто странное: палубы его были залиты кровью, оставшиеся в живых мореходы в угрюмом молчании сваливали трупы

товарищей за борт, и капитана, голенастого зингарца в оперенном шлеме и блестящем панцире, нигде не было видно. Маг понял, что снова пропустил какое-то важное событие, и с лихорадочной поспешностью принялся разыскивать киммерийца.

Это оказалось невыполнимой задачей. Легко обозреть сверху морские пространства, заметить корабль, приблизиться к нему, разглядеть каждого из моряков, что суетятся на палубе. Легко настроить магический глаз на некое поселение, на усадьбу, крепость или город; пройтись по городским улицам, заглянуть во дворы и дома, в храмы и дворцы. Легко обнаружить и караван в пустыне, и всадника в степи, бродягу-охотника в тундре… Но как найдешь человека под лесным кровом, в буреломах и чащобах пиктского побережья?

А в том, что проклятый киммериец бродит где-то в Пустоши, Гор-Небсехт не сомневался. Он обнаружил, что на зингарском корабле исчезла лодка, а потом нашел ее – в укромной бухте, на пиктском берегу. Значит, варвар сбежал с корабля? Что ж, это было бы вполне понятно, если б он преследовал какую-то тайную цель… Но что означала резня, случившаяся на зингарском судне? Кто ее учинил? И кому подчинялась теперь команда?

Вскоре магу удалось получить ответ – если не на все три вопроса, то на последний из них. По всей видимости, во время смуты или бунта капитан зингарцев отбыл на Серые Равнины, и теперь на корабле всем распоряжался серокожий – то ли потому, что его выбрали новым командиром, то ли по праву сильного. Отчаявшись разыскать киммерийца в пиктских чащах, Гор-Небсехт следил за кораблем, повернувшим к югу. Судно явно направлялось в кордавский порт и прибыло туда, как он и предполагал, через пару дней.

А затем…

Затем вновь случилось странное. Серокожий бросил корабль! Даже не обернулся, чтобы взглянуть на него! И здесь же, у причалов, схватил за шиворот какого-то оборванца, и тот проводил морехода на рынок, где торговали лошадьми. Взгляд серокожего остановился на превосходном жеребце, мощном и выносливом, с толстыми бабками и широким крупом. Вместо платы он сунул торговцу под нос кулак, вскочил в седло и, не заезжая в порт, помчался к реке, огибавшей Кордаву с севера. Переправился он на пароме, расплатившись с перевозчиками демонстрацией того же огромного кулака; потом поскакал прямиком на север, и к вечеру достиг пиктской границы. Там он разметал зингарский заслон – стражи вроде бы не желали его пропустить, за что и поплатились жизнью. Солнце еще не село, как всадник углубился в чащу, в дремучие джунгли, и по виду его было заметно, что он знает, куда направляется.

Разыскивает киммерийца, понял Гор-Небсехт. Либо разыскивает, либо они уговорились о встрече… И сколь бы странными не выглядели те события, которые он наблюдал – и то, как варвар очутился на корабле, и его бегство, и последовавшая за ним резня, и непонятное поведение серокожего в кордавском порту – у мага не оставалось сомнений, что проклятый киммериец преследует некую тайную цель. А это значило, что его нужно разыскать! Непременно найти! И серокожий, скорей всего, поможет в этом.

Теперь Гор-Небсехт почти не отходил от стола, наблюдая за одиноким всадником, пробиравшимся на север звериными тропами. Ночь, в отличие от большого расстояния, не являлась помехой для его магического ока; он и в полной темноте видел столь же ясно, как днем. Скоро стигиец выяснил, что самые страшные хищники джунглей избегают серокожего, и что ему не нужны ни пища, ни вода, ни отдых, ни сон; этот гигант останавливался лишь для того, чтобы притомившийся конь пощипал травы. Он двигался очень быстро – втрое-вчетверо быстрее, чем пеший, невзирая на болота, буреломы и густой подлесок, оплетенный

лианами. Казалось, он обладал звериным умением находить дорогу в лесу или же чувствовал свою цель подобно магниту, стремящемуся к железной глыбе. Это удивляло, это наводило на размышления; возможно, думал Гор-Небсехт, он следит не за человеком, а за магическим существом? Но каким? Серокожий не походил на духа или демона, или на бесплотную невесомую душу: хребет жеребца прогибался под ним, а значит, весил седок немало.

Теряясь в догадках, стигиец вновь и вновь взывал к Силе, так внезапно и некстати покинувшей его. Вернись она, маг мог бы сотворить многое: наслать ураган на пиктские леса, сотрясти землю, вызвать разлив Черной реки или, на худой конец, навести пиктов на след серокожего всадника. Либо заставить их разыскивать киммерийца, что они сделали бы с охотой: пикты и киммерийцы были давними врагами, и причины этой ненависти терялись во мраке тысячелетий, еще в той эпохе, когда киммерийцев называли атлантами. Последнее, вероятно, было бы самым лучшим решением, ибо власть Гор-Небсехта над упрямыми пиктами даже в лучшие времена казалась не слишком сильной. Он не мог склонить их к тому, чего они не желали делать; вдобавок пиктские шаманы и чародеи-друиды обладали изрядным могуществом и способностью защитить своих соплеменников от магического влияния чужой воли. Но выслеживание врага-киммерийца – совсем иное дело! Такая охота не вызвала бы возражений у пиктских воинов, и все, что требовалось Гор-Небсехту – вложить эту мысль в тупые головы их вождей.

Но добраться до пиктских мозгов он мог только с помощью Силы, а потому продолжал взывать к ней снова и снова, временами впадая в отчаяние. Его чары не действовали! Вернее, они были лишены той необоримой власти, той сокрушительной мощи, которую он за долгие десятилетия привык ощущать в своей душе. Неужели он начал дряхлеть? Неужели это бессилие связано с возрастом, со старческой немощью, с угасанием магического дара? Но тело его казалось по-прежнему молодым, и он не чувствовал упадка сил.

И однажды власть и могущество возвратились к нему! На краткий миг, подобный проблеску солнечного луча в облаках… Слишком краткий, чтобы он успел вызвать ураган или бурю, спалить молниями дремучие леса либо затопить их водами Черной реки. Ему, однако, хватило времени внедриться в упрямые головы пиктских вождей и подсказать, кто бродит по их охотничьим угодьям. Теперь Гор-Небсехт был уверен, что с киммерийцем покончено; он знал пиктов и их упорство.

Однако за серокожим он следил по-прежнему.

* * *

Руки Зийны крепко обнимали шею Конана, трепещущая грудь прижималась к его плечу, шелковистые волосы душистой волной прикрывали губы; он вдыхал их аромат, медленно пропуская меж пальцев невесомые пряди. Эта голубоглазая пуантенка нравилась ему, ибо сердце Зийны было столь же самоотверженным и преданным, как у Белит, королевы Черного Побережья, его погибшей возлюбленной. Сколь различны эти женщины обличьем и сколь схожи душой, лениво размышлял он, прижимая к себе покорное тело девушки; теперь, после трехдневных странствий по пиктским чащобам, он не сомневался, что Зийна – как некогда Белит – отдаст за него жизнь.

За эти три дня он многое узнал о своей спутнице и о том, как она попала в лапы Гирдеро. В истории ее не было ничего необычного, ничего таинственного; за свою жизнь

Конан выслушал не один десяток подобных рассказов.

До семнадцати лет она росла в отцовской усадьбе на берегу быстрой Алиманы и училась всему, что положено знать дочери пуантенского небогатого дворянина: как вести дом, как шить одежду, как присматривать за слугами, как печь хлеба, вялить мясо и давить вино. Обучали ее также владению мечом, копьем и арбалетом, ибо пуантенцы являлись воинственным племенем, и дочь благородной фамилии должна была знать, с какого конца берутся за клинок. Отец Зийны, рыцарь и вассал графа Троцеро, владетеля Пуантена, учил ее ездить на коне и носить панцирь – не столь тяжелый, как у мужчины, но достаточно крепкий, чтобы отразить скользящий удар меча. Боевая наука пошла Зийне впрок; она выросла крепкой и сильной девушкой, с твердым сердцем и чистой душой. Вдобавок она была прелестна, как белая лилия в душистом саду. От матери своей, немедийки, она унаследовала голубые глаза и локоны цвета спелой пшеницы – большая редкость среди смугловатых и темноволосых пуантенок; по этой ли причине или по иной, отбоя от женихов не было.

Она любила свою родину, свой прекрасный Пуантен. Эта гористая земля, обрамленная двумя реками, Алиманой – на западе, и полноводным Хоротом – на востоке, и в самом деле была прекрасна: цветущие горные луга сменялись глубокими ущельями, живописные долины – дубовыми лесами, рощами и виноградниками; с каменистых склонов струились хрустальные водопады. У Пуантена имелся лишь один-единственный недостаток: эта южная аквилонская провинция почти со всех сторон была окружена врагами. За Хоротом лежали Аргос и Коф, за Алиманой – Зингара, а на севере – Тауран, бароны коего хоть и считались данниками Аквилонии, имели с пуантенцами давние счеты. Однако надежные доспехи, быстрые кони и острые клинки неплохо защищали пуантенских бойцов; тут каждый владел мечом, каждый был воином – и не из последних. Закованная в сталь рыцарская конница графа Троцеро полагалась лучшей в королевстве, и немногие из врагов Аквилонии могли выдержать ее яростный напор.

Но против коварства бесполезны стрелы и копья, от тайного вора спасет не быстрый конь, а крепкий запор, и лишь мудрая предусмотрительность защитит от внезапного набега. Возможно, отец Зийны позабыл об этом, возможно, и не думал, ничего не опасаясь и полагая, что пуантенскому рыцарю в собственной его усадьбе не страшны жалкие оборванцы, бандиты, торговцы живым товаром из Зингары и Кофа, шемитские воры и прочая шваль. Но в один несчастный день с Рабирийских гор, что высились по другую сторону Алиманы, спустилась разбойничья шайка, достаточно многочисленная, чтобы справиться и с рыцарем, и с его оруженосцами и челядью. Усадьбу сожгли, добро унесли, людей перебили – всех, кроме пригожей дочери старого рыцаря. Ее изнасиловал главарь банды, а потом, через третьи руки, продал на кордавском рынке местному дворянину. Перекупщик уверял покупателя, что белокурая красавица сохранила девственность, но истина обнаружилась в первую же ночь. И тогда Зийна, дочь благородного пуантенского рыцаря, стала не просто наложницей Гирдеро, а презренной подстилкой, о которую вытирают ноги.

Однако стойкость и сила духа помогли ей выжить. Она никогда не теряла надежды на освобождение, мечтая, что рано или поздно вернется в свой прекрасный Пуантен, на берег быстрой Алиманы. Дом ее был разрушен, добро похищено, родители мертвы, но это горе она уже пережила, смирилась с ним; но оставались земли! Отчие земли, луга и леса, виноградники и прочие угодья, которые грабители не могли унести с собой. То было немалое достояние, и кто бы им сейчас ни владел, по закону и справедливости оно принадлежало ей

и только ей. Порукой в том была честь графа Троцеро, который не забывал ни старых своих воинов, ни отпрысков их и наследников. Только бы вернуться…

Она ждала – и дождалась. Путь до дома был еще не близок; между ней и берегом родной Алиманы лежали дремучие пиктские леса, Боссонские топи и Тауран, но это уже не страшило Зийну. Главное, – хвала светлому Митре! – она была свободна! Так сказал Конан, киммерийский воин, забравший ее у постылого Гирдеро. И он велел звать себя не господином, а просто Конаном или Амрой, как ей будет угодно. И еще он дал ей меч и острое зингарское копье, сказав, что тот, кто умеет обращаться с ними, должен быть вооружен, чтобы отстоять свою жизнь и честь в битве с врагами. И он ни к чему не принуждал ее, не приневоливал к объятьям и к постели! И потому Зийна, дочь пуантенского рыцаря, полюбила его на разрыв сердца. Тут, в глухой чаще, под ночным небом, у крохотного костерка, впервые открылось ей счастливое неистовство плотской любви, огненная радость глаз, глаз охотника-пикта, зацепившись за одну отметину, найдет и другую.

Вот почему, даже обнимая нежное тело Зийны, Конан был настороже, и взгляд его перебегал с лица девушки то к темным стволам деревьев, то к лежавшему поблизости арбалету. И сейчас, когда его подруга уснула под теплым плащом, он не мог избавиться от беспокойства: слушал, нюхал лесной воздух, широко раздувая ноздри, думал. Еще пять-семь дней, и они доберутся до границы Ванахейма, но можно ли считать это залогом безопасности? Вовсе нет; пикты, лесные крысы, упрямы и будут идти по следам до тех пор, пока не настигнут добычу. Особенно киммерийского воина! Вряд ли они ведают, за кем гонятся, но если б знали о том, Конан не дал бы за свою жизнь и жизнь Зийны ломаного стигийского медяка. Наконец, убедившись, что враги далеко, он выдрал клок влажного мха, притушил им костер и лег рядом с Зийной. Некоторое время Конан размышлял, не направиться ли все же к востоку, чтобы запутать следы в Боссонских топях, потом вспомнил о жутких болотных демонах и прочей нечисти, водившейся за Черной рекой, и решил идти прежним путем. Вскоре дремота начала одолевать его, а аромат волос Зийны заглушил запахи леса. Спустя несколько мгновений он уснул, но спал беспокойно, не отпуская рукояти обнаженного меча.

* * *

– Мой отец владел землями от Алиманы до самых предгорий и на треть дня пути вдоль речного берега, – сказала Зийна. Прошло пару дней, и они пробирались по вересковой пустоши, заваленной большими валунами, торопясь укрыться в темневшем неподалеку ельнике.

– Большие угодья, клянусь Кромом! – откликнулся Конан. – А ведь ты говорила, что отец твой был небогат.

– Земли наши обширны и красивы, но не слишком плодородны, – пояснила Зийна. – Есть виноградники И роща апельсиновых деревьев, есть хорошее пастбище для лошадей и коз, есть лес, где растут дубы и буки…

– Значит, можно торговать бревнами, – заметил Конан.

– Отец не любил торговать. Он говорил, что это занятие не для благородного рыцаря, владеющего мечом и копьем. Он был равнодушен к богатству.

– А зря! Будь он богат, нанял бы много воинов, и тогда ублюдки с Рабирийских гор

побоялись бы приблизиться к вашей усадьбе. Конечно, золото не главное в жизни, но иногда мешок с монетами может ее спасти.

– Отец говорил: меч надежнее…

– Правильно! Он ошибался только в одном: мечей должно быть много… – Конан взглянул на солнце, висевшее в зените, и добавил: – Если б со мной шли сейчас два десятка киммерийцев с острыми мечами да секирами, получилась бы славная потеха! Только шерсть полетела б от лесных псов, что гонятся за нами!

– Ты не жалеешь, что оставил своего слугу на корабле? – спросила Зийна. – Он выглядел могучим воином…

– Не жалею. Лучше сразиться с сотней пиктов, чем терпеть рядом с собой эту нечисть!

Голубые глаза Зийны испуганно расширились.

– Нечисть? Почему ты так его называешь?

– Потому как он нечисть и есть! Нечисть и нелюдь, сотворенная из камня, и тупая, как камень!

Зийна вздрогнула, подняла руку к солнцу.

– Да защитит нас Митра от всякого зла! Страшные вещи ты говоришь, любимый!

– Чего же в них страшного? Этот Идрайн сотворен колдовством, но мало ли колдовства в мире, – он поднес ладонь к волосам и машинально ощупал свой защитный обруч. – Конечно, от злых чар жди беды, но этот серокожий не был злым… ни злым, ни добрым, просто равнодушным, как пень.

– Это еще страшнее, – сказала Зийна, помолчав. – Теперь я знаю, почему ты его невзлюбил.

– Невзлюбил я его из-за другого, – сказал Конан. – Он – настырный ублюдок… И потом, мне не нравятся твари, у которых я не могу вырезать печень.

– А те, у которых можешь – нравятся? – спросила Девушка, усмехнувшись.

– Не всегда. Но если я знаю, что могу укоротить мечом тварь на голову, я спокоен. А коли не так… – Он замолчал, вспоминая блеск лунного лезвия Рана Риорды, Небесной Секиры. Вот уж с чьей помощью не составляло труда разделать вдоль и поперек любую тварь, хоть каменную, хоть из плоти и крови! Конечно, дух Секиры был не самым приятным спутником, но все же получше Идрайна; древнее существо, безжалостное, но по-своему мудрое, видевшее мир еще в допотопные времена… Он многое узнал от Рана Риорды – и многое дал бы сейчас, если б в руках его было не тонкое зингарское копье, а надежное топорище магической Секиры. Но приходилось обходиться тем, что есть, и Конан, ускорив шаги, заспешил к лесу.

Пустошь, которую они пересекали, тянулась на пять-шесть полетов стрелы. Тут, в северной части Страны Пиктов, были невысокие увалы, поросшие вереском и колючим северным шиповником, на кустах которого, знаменуя приход лета, уже распустились нежно-розовые цветы. Здесь и там, на склонах и вершинах холмов, громоздились серые и коричневые валуны, обросшие бурым мхом и напоминавшие массивные туши медведей. Казалось, в вереске уснуло на века целое медвежье племя – матерые самцы, уткнувшие лобастые головы в землю, годовалые подростки с угловато выступающими лопатками и костлявыми хребтами, медведицы, окруженные стайкой свернувшихся в клубок медвежат. Место было глухим, как и любое другое в пиктских лесах, и если б Конан мог взглянуть на него сверху, выглядело бы похожим на сизую, заваленную камнями плешь в обрамлении темно-зеленого густого ельника. К этому ельнику и стремился киммериец, пробираясь

между холмов и следя, чтобы один из них всегда был сзади и прикрывал путников от любопытного взгляда.

– Граф Троцеро благородный человек. Если я вернусь в Пуантен, граф отдаст отцовы земли, – девушка вновь начала о своем. – А если я вернусь не одна…

Конан внезапно замер и сделал ей знак замолчать. В полусотне шагов от них над вершинами елей с громким карканьем кружили вороны. Их было много; словно черные крылатые посланцы Нергала, они метались в голубых небесах, пророча беду. Конан сунул Зийне свое копье, сбросил с плеча арбалет и зарядил его. Мышцы на его могучих руках вздулись и опали: он натягивал тетиву, не пользуясь рычагом.

– Что? – спросила девушка, оглядывая опушку. Нежное лицо ее посуровело, между светлыми бровями пролегли морщинки.

– Птицы, моя красавица. Вороны! Кто-то их спугнул, клянусь бородой Крома!

– Значит?..

– Значит, наш обошли! Проклятые лесные крысы! Заметив шевеление среди елей, киммериец пригнулся и дернул Зийну вниз. Над их головами с шипеньем мелькнула стрела, ударила в ближний валун; наконечник рассыпался искрами кремневых осколков.

– Туда! – схватив девушку за руку, Конан потащил ее к ближним валунам. Их было три, целое медвежье семейство, залегшее на вечную спячку: пара медведиц, прижавшихся друг к другу носами, и огромный медведь, развалившийся неподалеку. Внутри каменного треугольника хватило бы места для человека и коня, а защищать пришлось бы два прохода. Киммериец, мгновенно оценив преимущества этой позиции, толкнул Зийну внутрь и прижался к большему из камней.

Тут же еще три стрелы вспороли мох на гранитном медвежьем хребте. Конан выстрелил, довольно кивнул, когда в ельнике раздался вопль, и перезарядил арбалет.

– Гнусная штука эти кремневые наконечники, – заметил он, подобрав пиктскую стрелу и показывая ее Зийне. – Попадет в кость, расщепится, и маленькие чешуйки камня остаются в ране. Ничем их оттуда не выгнать! Рана гниет, и запах от нее, как от дохлого шакала.

– И что же? Что тогда делают? – Голубые глаза девушки потемнели, но держалась она на удивление спокойно.

– Режут руку или ногу, – пояснил Конан. – В лесах Конаджохары, под Тасцеланом, где я служил, довелось мне повидать людей… – Он смолк и, вскинув арбалет, послал вторую стрелу. Ельник откликнулся протяжным волчьим воем.

– Сколько их там? – спросила Зийна, приставив к камню копья и обнажая меч.

– Один Нергал знает. Если пять или восемь, они покойники, а если два-три десятка, покойники мы. Конан огляделся и указал девушке на более узкий из проходов. – Встань там и возьми копье, а не меч. Ты ловкая! Бей в грудь, в горло или в глаз, на полную длину древка, чтоб никто не мог подойти к тебе. Бей, малышка, и ты еще увидишь берега своей Алиманы!

Стиснув копье, девушка встала, где велено. Конан покосился на нее и одобрительно хмыкнул. Отважна, словно рысь! Только что они шли по вересковым холмам, таким безлюдным и безопасным, и вдруг в одно мгновение все переменилось: враги атаковали их, и перед каждым путником замаячила мрачная тропа – последний путь, ведущий на Серые Равнины. Но на лице Зийны не было страха. Похоже, старый пуантенский рыцарь достойно воспитал свою дочь! Она обладала сердцем воина – твердым, как стальной наконечник ее зингарского копья.

По камням вновь начали чиркать стрелы. Конан отвечал, чутко прислушиваясь к

каждому вскрику и воплю, доносившемуся с опушки; лишь эти звуки да змеиное шипенье метательных снарядов обнаруживали врага. Колчан киммерийца постепенно пустел, кровь его кипела – он жаждал схватиться лицом к лицу с этими смуглыми недоростками, что засели среди деревьев. Его меч и кинжал против их топоров и копий! Давняя неприязнь поднималась в нем; столь давняя и древняя, что первопричина ее поросла седым мхом, оделась камнем, покрылась снегами тысячи зим, развеялась пеплом мириадов костров. Причины не помнил никто, но ненависть была жива. Веками сражались пикты и киммерийцы, не давая пощады и не захватывая пленных; а если уж это случалось, то пикт расставался со своей печенью на алтаре Крома, а киммерийца пытали у столба или живым подвешивали к деревьям, принося в жертву лесным богам.

Колчан опустел. Отбросив арбалет, Конан вытянул меч и взял в левую руку свой стигийский кинжал. Меч, добытый на «Морском Громе», казался ему совсем неплохим – обоюдоострый, с длинным прямым клинком отличной кордавской закалки. Правда, был он слишком узок и легковат для руки Конана, но выбирать не приходилось. Он вновь с тоской вспомнил лунное лезвие Рана Риорды и ее надежную толстую рукоять с блистающим стальным шипом. Жаль, что в дни странствий с Небесной Секирой не удалось напоить ее кровью пиктов! Ну, ничего! Пусть поганой крови лесных крыс хлебнут меч и кинжал, а вереск допьет остальное!

Конан выступил из-за камня. Бешенство ярилось в его сердце, стучало молотом в висках; мышцы наливались тяжелой злой силой. Сейчас, перед битвой, он позабыл все: и остров Дайомы, безмятежно гревшийся в теплом море, и северный замок, где затаился сгубивший «Тигрицу» колдун, и девушку со светлыми волосами, глядевшую ему в спину. Он знал лишь, что стая волков встала у него на пути, и жаждал проткнуть им глотки острым железом.

Припоминая пиктскую речь, он осыпал врагов руганью.

– Смрадные псы, сыновья псов! Блевотина Нергала! Я, Конан из Киммерии, намотаю ваши кишки на свой клинок! Я заставлю вас подавиться собственной желчью! Я скормлю вашу плоть земляным червям! Выходите, крысы! Выходите, и посмотрим, чья кровь сегодня угодна богам!

То был давний обычай – бахвалиться перед боем. Но Конан не хвастал: он готовился сделать все, что было обещано. Гнев его был велик; ярость подымалась жаркой волной в груди. Привычным усилием он остудил ее: ярость не должна туманить взор и слишком горячить кровь.

– Выходите, потомки осла и свиньи! Да будут бесплодными утробы ваших жен! Да пожрет огонь ваши жилища! Да угаснут ваши очаги под ветром с киммерийских гор! Да сгниют ваши поганые боги!

В лесу взвыли, и первый пиктский воин выступил из-под прикрытия елей. Был он невысок и коренаст, смугл, широкоплеч и черноволос; черные его глаза сверкали подобно двум угольям. На плечах воина топорщилась серым мехом волчья шкура, руки сжимали боевой каменный молот с остроконечным концом. Конан презрительно плюнул в его сторону.

Все новые и новые коренастые фигуры выступали на поляну, скользя бесшумно и легко, словно тени с Серых Равнин, почуявшие запах свежей крови. Их было двадцать или тридцать, и Конан, по собственным же своим словам, мог считать себя покойником, но это его не страшило Он знал, что будь перед ним шемиты или офирцы, коринфяне или черные воины

жарких земель, оставалась бы надежда победить или хотя бы выжить: он прикончил бы пять или десять человек, устрашив остальных. Но пикты не отступали никогда, и обычай этот становился непреложным законом, если дело касалось киммерийцев.

Топча вереск, воины в волчьих шкурах ринулись к нему. Конан шагнул навстречу – но не слишком далеко от двух камней, медведя и медведицы, прикрывавших его слева и справа. Тонко пропел зингарский клинок, перечеркнув кровавой полосой плечо и грудь первого пикта; стигийский нож рассек древко топора и вонзился в живот второму воину. Конан отбросил его пинком ноги и ткнул кинжалом прямо в каменное лезвие секиры, которым прикрывался третий из нападающих. Зачарованная сталь прошла сквозь камень, коснулась горла; пикт хрипло, вскрикнул и повалился на землю.

Трое! Конан оскалился в лицо четвертому врагу – тот, сжимая копье с кремневым острием длиной в половину локтя, замер в нерешительности. За спиной его набегали новые бойцы, тоже с копьями и топорами; никто не нес лука и не собирался стрелять. Киммериец был слишком ценной добычей, и его хотели взять живьем – для украшения священной рощи, где пленник будет гнить долгие месяцы, теша и радуя богов Леса, Неба и Луны – и величайшего из них, страшного Гулла.

Конан сделал ложный выпад мечом, пикт выставил копье, но тут же выронил оружие, схватившись за живот. Меж пальцев его потоком хлестала кровь, в огромном разрезе – от ребра до паха – алели внутренности. – Я же сказал, что намотаю твои кишки на свой клинок, – произнес Конан, выдернув из страшной раны кинжал. Пикт, хватая воздух ртом, медленно осел в верес.

Четверо! В такой компании не стыдно отправиться на Серые Равнины, мелькнуло в голове у киммерийца. Он немного отступил в глубь прохода, разглядывая свирепые бородатые лица, тяжелые челюсти, по-волчьи ощеренные рты. Нет, эти пикты не походили тех, с коими он бился в Конаджохаре и в Боссонских топях, за Велитриумом; хоть они не носили никаких знаков своего клана или не выставляли их напоказ, но облик их был иным. Джунгли Конаджохары являлись местом обитания южных племен; воины их были полуголыми, в набедренных повязках из львиных шкур, с перьями в волосах и с раскрашенными белой глиной телами. Эти же, северяне, предпочитали волчий мех и древнее каменное оружие; в отличие от конаджохарцев, у них не было ни медных браслетов, ни медных клинков.

Доводилось ли им слышать о Конане из Киммерии, некогда – аквилонском наемнике, грабителе из Заморы, вилайетском контрабандисте, военачальнике Илдиза Туранского, предводителе Вольного Отряда из Бельверуса, разбойнике и пирате? Может, слышали, а может, и нет, – думал Конан, с бешенством орудуя клинком, – но эту встречу они запомнят надолго!

Его ярость, гнев и ненависть полыхали теперь холодным огнем, как и положено в бою: то был негасимый и сильный костер, питавший его упорство и силу. Он ненавидел пиктов ровно настолько, чтобы никого не жалеть, не замечать людей за людскими лицами, а видеть лишь хищные волчьи морды и лапы, грозившие ему каменными когтями. Да и кто признал бы людьми этих дикарей? Даже киммерийцы считались не столь варварским племенем; по крайней мере, они пасли коз и умели ковать железо.

Он свалил еще двоих: одному отсек плечо вместе с Рукой, второму проткнул кинжалом щеку и небо. Но каменный наконечник, метнувшись змеей, оцарапал Конану ребра, обожженная дубовая дубина задела по локтю, едва не выбив меч. Пробормотав проклятье, он отступил, обороняя свою щель меж камней подобно гигантскому морскому крабу,

атакованному акулами. Валуны не позволяли пиктам навалиться на него всей кучей, но он понимал, что скоро воины в волчьих шкурах заберутся на камни и нападут сверху. Или со спины, если ворвутся во второй проход.

Второй проход! Отбиваясь от кремневых секир, он оглянулся на Зийну. Девушка еще держалась; в пяти шагах от нее лежали две неподвижные фигуры, и в каждой торчало по копью. Вероятно, Зийна метнула свое оружие – с отменным искусством и силой, но теперь у молодой пуантенки остался только меч. Она уже не могла им убить, только оборонялась, отражая удары вражеских палиц и топоров.

Большая сучковатая дубина свистнула над самой землей, ударив Зийну под колени. Она упала, скорчившись от боли, и Конан успел разглядеть, как сражавшийся с ней воин отбросил секиру, сорвал с плеча плащ из волчьего меха и набросил его на девушку. Она билась под серой шкурой, словно пойманная в сеть рыба. Пикт с торжествующим воплем упал на нее.

Скрипнув зубами, киммериец ринулся вперед. Жестоким ударом в пах он опрокинул одного воина, рассек бедро другому, пронзил плечо третьему. Ошеломленные враги отступили, и Конан вырвался из своей каменной норы, будто карающий Ариман: глаза его сверкали, пот и кровь струились по мощной груди, меч и кинжал рубили плоть, дробили кости и черепа. Он был в ярости, и ярость эта, уже не холодная, а огненно-палящая, на миг устрашила даже пиктов.

Но только на миг. Коренастые черноволосые воины окружили киммерийца, набросились на него, как стая псов на дикого матерого кабана, дружно ударили копьями и топорами. Конан ощутил каменное острие под лопаткой острый сук дубины, распоровший бедро; он рванулся избежав оглушающего удара в висок. Он был сейчас почти мертвецом – если не трупом, так пленником, повисшим в священной роще рядом с Зийной.

Этих ублюдков, этих вонючих лесных крыс было слишком много! Он уложил десятерых, но оставалось вдвое больше! Он чувствовал веревку, скользнувшую по шее, и другую, которой пытались охватить его колени; видел, как пикты разворачивают сеть, плетенную из кожаных ремней, слышал придушенные крики Зийны.

Он рассек веревки, поднял меч и приготовился к встрече с Кромом. Живьем его не возьмут!

Где-то за спиной загрохотали копыта, потом дико взвизгнул жеребец, волчьими голосами взвыли пикты; Конан, ткнув ближайшего мечом, перескочил через мертвое тело, вырвавшись из кольца. Никто не пробовал ударить его или набросить сеть – в двадцати шагах в окровавленном вереске шевелилась огромная груда рук и ног, темноволосых голов и серых шкур, дубин и топоров. От этой живой дергающейся кучи доносились стоны и рычанье, а с десяток пиктов, только что пытавшихся пленить Конана, кружили рядом с ней словно давешние вороны, сжимая в руках молоты и копья.

Внезапно куча раздалась, распалась. Гигантская серая фигура с подъятым топором возникла над иссеченными телами, ноги в тяжелых сапогах расшвыривали их, точно расколотые поленья. Пикты ринулись к великану, ударили враз, уперлись остриями копий в живот и грудь, в спину и плечи. Топор серокожего опустился – вместе с кулаком – и два воина покатились в вереск с пробитыми черепами. Затем исполин шевельнулся; треснули древки, бессильно расщепились кремневые острия, рукояти дубин дрогнули в ослабевших пальцах.

Стальное лезвие секиры опять взлетело вверх, ударило, поднялось, опустилось…

Серокожий исполин расправлялся с пиктами, будто со стаей крыс, и в этом было нечто унизительное. Нечеловек убивал людей – убивал походя, без усилий, столь же легко, как каменные воины короля Калениуса расправлялись некогда с восставшими зингарцами.

Конан глядел, будто зачарованный, забыв о своих ранах и даже о Зийне, стонавшей и трепыхавшейся под плотным меховым плащом. Люди вступили в схватку с ожившим камнем; они пытались поразить его жалким своим оружием, опутать веревками, свалить на землю. Безуспешно! Топор и гранитный кулак сокрушали кости с тем же равнодушием, с каким дождь поливает землю, ручей струит свои воды, с каким растет трава и проплывают в небесах темные тучи. Тут, на вересковой поляне, замкнутой в кольцо елей, бился не человек, сражалась стихия – необоримая и мощная, как удар молнии Митры.

Но правду говорили, что пикты не отступают; они боялись лишь колдовства, а этот исполин с секирой выглядел настоящим человеком и дрался, как обычный воин, будто бы без всякой магии. В честном сражении пикты не ведали страха; Конан и прежде знал об этом, а потому мог предугадать, чем кончится битва. Черноволосые смуглые воины прыгали на великана, точно волки на серый утес, – прыгали и падали наземь: одни – рассеченные до пояса, другие – с разбитыми черепами, третьи – с кровавыми обрубками на месте шеи. Смерть их выглядела ужасно, но была зато милосердной и скорой; так гибнет человек под тяжкой каменной плитой, рухнувшей на голову. Впрочем, Конана это не радовало; Идрайн, серокожая нечисть, доделывал его работу, и гордость киммерийца страдала.

А пикты сражались. Пикты падали. Пикты умирали. Их осталось пятеро, потом – четверо, трое, двое… наконец, последний, истекающий кровью… Потом – никого. Одни пали в честном бою от руки человека, других сокрушила равнодушная сила голема.

Никого! Только трупы в ало-сизом вереске, только вороны в вышине да конь в хлопьях пены, только женщина под волчьим плащом да двое мужчин, пристально глядящих друг на друга…

– Кажется, я поспел вовремя, господин, – сказал Идрайн.

– Но не жди от меня благодарности, нелюдь, – ответил Конан и сплюнул в окровавленный вереск.

* * *

Владычица Острова Снов была в отчаянии.

Непонятно, каким образом ее возлюбленный ускользнул от Идрайна и сейчас скитался в пиктских чащобах, вместе с голубоглазой пуантенкой. Пуантенка не слишком беспокоила Дайому; она не испытывала ревности к смертной женщине и лишь старалась получше рассмотреть ее.

Коль возлюбленному нравятся высокие светловолосые девушки, то она сама могла бы принять такой облик…

Одним словом, ее тревожила не спутница Конана, а то, что возлюбленный очутился в местах опасных и диких, без защиты и надлежащего присмотра. Конечно, он и сам мог постоять за себя, но секира Идрайна была бы не лишней, совсем не лишней – и при столкновении с пиктами, и в грядущем бою с воинами стигийского колдуна. А теперь, из-за беспечности проклятого голема, ее возлюбленному оставалось полагаться лишь на собственные силы.

Впрочем, Идрайн не дремал. Заглянув в свое зеркало через пару дней, Дайома увидела, что ее слуга мчится на север, оседлав быстрого скакуна. С помощью волшебного кристалла не составляло труда разыскать Идрайна в любой момент, ибо между големом и зеркалом имелись нерушимые магические связи – такие же, как соединявшие кристалл Дайомы с железным обручем на голове возлюбленного. Эти чары действовали по треугольнику, не только от зеркала к Идрайну и Конану, но и от Идрайна к киммерийцу. Голем всегда мог найти его, лишь бы возлюбленный оставался при своем наголовном украшении – а пока, как видела Дайома, он не собирался снимать обруч.

Итак, мучимая тревогой, она следила за обоими – за Конаном, скитавшимся в пиктских лесах, и големом, скакавшим следом днем и ночью. Постепенно напряжение покидало Дайому; оно ослабевало в той же пропорции, в которой сокращалось расстояние между Идрайном и ее возлюбленным. Разумеется, она не могла проводить у зеркала целые дни, ибо у Владычицы Иллюзий много забот: она открывала вечерами свои сундуки, серебряный и черный, дарила людям сновидения, тешила их радостными миражами или пугала кошмарами – в предостережение или наказание; иногда же, по особому велению богов, посылала вещие сны. Однако всякий свободный миг она глядела в свой магический кристалл, повелевая ему соединиться то с Идрайном, то с Конаном. Их лица – каменно-спокойная физиономия голема и дорогие черты возлюбленного – вселяли в нее уверенность в том, что все завершится хорошо.

Но вот, очередной раз заглянув в зеркало, она увидела обширное, заросшее вереском пространство, блеск стали, смертоносные лезвия кремневых секир и низкорослых воинов в волчьих шкурах. Ее возлюбленный сражался – и до чего же он был притягательно-грозен в этот момент! Дайома залюбовалась им, но вдруг вспомнила, что перед, ней не представление ловких лицедеев и жонглеров, а настоящая битва. И в ней жонглировали мечами, копьями и жизнями!

Слезы покатились по ее щекам, ибо ничем не могла она помочь возлюбленному. Слишком велико было расстояние; даже если бы она послала ураганные ветры, те не поспели б вовремя, чтобы разметать пиктов по их чащобам и лесам. Увы, она не обладала всемогуществом, как Митра, Податель Жизни, или светлый Ормазд!

В тревоге Владычица Острова Снов обратилась к Идрайну. Тот был уже близок; и, сосредоточив всю свою силу, она повелела голему поторопиться. Иначе он не получит души, а вновь станет мертвым камнем! Или будет развоплощен!

Но голема не нужно было подгонять угрозами. Он вырвался из чащи будто яростный шторм; он слетел с коня словно ветер; он обрушился на врагов как внезапное землетрясение; он разметал их, разбил подобно урагану. Прошли считанные зоны времени, и на пустоши не осталось никого.

Никого! Только трупы в ало-сизом вереске, только вороны в вышине да конь в хлопьях пены, только женщина под волчьим плащом да двое мужчин, пристально глядящих друг на друга…

И тогда Дайома успокоилась. Ее возлюбленный вновь был под надежной защитой и бдительным присмотром.

ГЛАВА 8
ЛЕС И КАПИЩЕ

Пятеро обитали в мире, и клубок их судеб скручивался все туже и туже; неотвратимый рок переплетал жизненные нити, и теперь распутать их сделалось не под силу даже Великим Древним Богам. Но то, что нельзя распутать, можно рассечь клинком; однако судьба еще только точила его лезвие. Воистину, даже самые ничтожные свершения требуют времени!

Отринув ненадолго мысли о прошлом, Он обратился к Избраннику, взывавшему о помощи, и решил, что надо уделить ему крупицу внимания – пока тот окончательно не спятил.

Беспокойство Избранника было Ему непонятным. Женщина, которой так жаждал стигиец, опередила его: послала двух воинов, чтобы покончить с Гор-Небсехтом. Но только двух! Не сотни ваниров на боевых кораблях, как собирался сделать сам Избранник! К тому же оба эти бойца скитались сейчас в прибрежных лесах, и стигиец ухитрился навести на их следы пиктов. Тогда из-за чего он тревожится? Боится двух ничтожных головорезов?

Правда, эти люди хоть и являлись прахом земным, могли представлять для Избранника некоторую опасность. Проследив за магической связью, соединявшей черный алтарь Кро Ганбора с вересковой пустошью, Аррак был вынужден сие признать. Несколько мгновений Он любовался яростной схваткой, кипевшей у трех больших валунов, глядел, как черноволосый воин с синими глазами рубит пиктов. Пожалуй, этот воитель – судя по облику, из киммерийцев – ничем не уступал Эйриму, вождю западных ванов. Он был отважен, силен и удачлив, ибо только удачливый человек сумел бы уложить десяток врагов, получив лишь пару царапин!

Но удача синеглазого иссякала с каждым взмахом меча. Пикты наседали, и Аррак уже приготовился к лицезрению последней сцены, когда из леса вынырнул еще один персонаж. Он не походил на киммерийца; он был выше его и шире в плечах, мускулистее и явно сильнее. Имелись и другие отличия: бледно-серый цвет кожи, рубленые черты лица, уверенно-спокойные жесты, холодноватый и равнодушный взгляд. Но главное было в другом: хоть киммериец и являлся великим воителем, этот серокожий исполин превосходил его – превосходил настолько же, насколько ветеран превосходит неопытного новичка.

С чувством, близким к восхищению, Аррак следил, как серокожий взялся за дело. Разумеется, и этот великан был ничтожным прахом земным, недостойным взгляда Древнего Духа Изменчивости, но Аррак признался себе, что не может оторваться от завлекательного зрелища. Серокожий быстро закончил то, что начал синеглазый: сокрушил пиктов секирой и кулаком, доказав свою удачливость и уменье. Он был великолепен!

Пожалуй, думал Аррак, стоит присмотреться к нему повнимательней. Если у великана имеется некая цель, то он может стать более подходящим вместилищем для Древнего Духа, чем Эйрим, вождь западных ванов. Не подвергнуть ли серокожего испытанию? Смертельной опасности, как просит о том Избранник? Если он выживет, то можно допустить его в Кро Ганбор, чтобы познакомиться ближе…

Впрочем, размышлять на сию тему было еще рано. Пройдет немало дней, прежде чем

киммериец и серокожий достигнут равнин Ванахейма – люди так медлительны! Аррак не сомневался, что нынешний Избранник своевременно известит об этом, взмолившись о помощи. А потому Древний Дух вновь оставил стигийца, погрузившись в мысли о своем могуществе, о причинах изгнания из Предвечного Мира, и в думы о прошлом.

* * *

– Не могу, – шепнула Зийна, – не могу, милый! Он смотрит…

– Он спит, – сказал Конан, лаская упругую грудь девушки. – Спит, не видит и не слышит ничего. Он – камень, и ему нет до нас дела, клянусь Кромом!

По правде говоря, киммериец лишь пытался успокоить Зийну. Их серокожий спутник хоть и сидел неподвижно, с опущенными веками, не пропускал ни шороха лесного, ни тени в ночном сумраке. Впрочем, их шепот и возня под накинутым плащом его не интересовали; вряд ли Идрайн даже понимал, чем они занимаются и что означают поцелуи, объятья и сдержанные стоны Зийны.

Второй день они пробирались вдоль побережья, в приграничной местности, разделявшей Ванахейм и Пустоши Пиктов. Здесь, на севере, во владениях Имира, подтаявшие морские льды еще дышали холодом, под низкорослыми елями еще лежали груды снега, а чахлые корявые березы, торчавшие среди трясин, только-только начали пробуждаться к жизни после зимних метелей и вьюг. Путешествовать в этих краях было нелегко: заваленный буреломом болотистый лес подступал к самым береговым утесам, отвесным и обрывистым, каменный щит материка взрезали шхеры, иногда рассекавшие сушу на многие тысячи локтей. Но между лесом и скалами тянулось сравнительно открытое пространство, узкая полоска земли, покрытая осыпями и желтой прошлогодней травой; эту естественную дорогу, уходившую к северу, к равнинам Ванахейма, Конан и решил использовать.

После битвы с пиктами они потратили день или два на отдых, в основном из-за Зийны, так как раны киммерийца были не столь серьезными и не помешали бы ему продолжить путь. Но удар дубины, которую метнули в ноги девушке, не прошел бесследно. Кости ее, к счастью, остались целы, однако на голенях вспухли огромные синяки, причинявшие боль при любом движении. Конан лечил ее примочками из листьев папоротника да горьким отваром из мха и хвои. Один Митра ведал, какое из этих средств оказало целительный эффект, но вскоре опухоль спала, и Зийне удалось взгромоздиться на жеребца Идрайна. Путники тут же тронулись в дорогу: мужчины – пешком, девушка – на коне.

Когда они пересекли лес и вышли к побережью, скакун начал хромать. Копыта его были сбиты о камни, вдобавок он непрерывно дрожал – для зингарского жеребца суровый северный климат был непривычен, как и жалкие сухие стебли, которые ему приходилось жевать вместо сочной зеленой травы. Возможно, сказывалась и недавняя бешеная скачка, когда Идрайн гнал скакуна днем и ночью, пытаясь настигнуть своего сбежавшего господина; так или иначе, каменные осыпи и холод доконали скакуна. Конан забил его и оставил на поживу волкам, ибо в мясе путники нужды не испытывали – на болотах было достаточно уток и гусей, а в лесу встречались кабаны и лоси. Арбалет Конана вполне мог прокормить его и Зийну, а Идрайн не нуждался в пище.

Одно это вызывало у девушки суеверный страх и неприязнь. Серокожий исполин пугал ее – и своей полной нечувствительностью к холоду, и тем, что не испытывал никаких

человеческих потребностей, и бездушным ледяным взглядом, и даже негромким своим голосом, от которого за десять локтей веяло дыханием Серых Равнин, Она никак не могла привыкнуть к тому, что Идрайн всего лишь оживший камень, равнодушный к тяготам нелегкого пути, преследующий только одну цель – выполнить приказ колдуньи, вдохнувшей в него жизнь.

Она сторонилась серокожего и боялась заниматься при нем любовью. Каждый вечер Конан подолгу уговаривал свою пуантенку, и хоть не без успеха, однако всякий раз он ощущал скованность, охватывающую Зийну. Она любила его – быть может, еще крепче – но молчаливое присутствие Идрайна гасило ее страсть словно ведро воды, выплеснутое в пылающий костер.

Конан с удовольствием бросил бы серого гиганта, но не представлял, где и каким образом можно расстаться с этой нелюдью. Идрайн разыскал его в пиктских дебрях, а это означало, что их соединяет некая магическая связь, разорвать которую под силу лишь опытному колдуну. Но колдунов ни опытных, ни начинающих, под рукой не было, и киммерийцу приходилось мириться с угрюмым молчаливым спутником.

Зийна вздохнула и прижалась к нему, щекоча ухо горячим дыханием.

– Когда ты закончишь свои дела на севере… – начала она.

«…мы отправимся в Пуантен», – мысленно продолжил Конан. Девушка не знала о цели их странствий, хоть и догадывалась, что ее возлюбленному предстоит какая-то нелегкая задача в Ванахейме. Но вопросов Зийна не задавала, а Конан ее в подробности не посвящал, не желая путать до срока стигийским колдуном и его рыжебородыми кровожадными ванирами. Что же касается Пуантена и прекрасных берегов Алиманы, он был не прочь их посетить, когда разделается с поручением зеленоглазой ведьмы. А посетив, он собирался, во-первых, снять голову с обидчика Зийны, главаря рабирийской разбойничьей шайки, а во-вторых, убедиться, что девушке вернут отчие земли. Конечно, граф Троцеро слыл благородным человеком и вряд ли нанес бы обиду сироте, но лучше – так казалось Конану – если ее права подтвердят острый меч и сильная рука.

– В Пуантене уже распускаются розы, – шептала Зийна ему в ухо. – Поля зелены, ветер играет в кронах дубов, а на склонах гор цветет клевер и пахнет медом…

– Послушать тебя, так Пуантен – сплошной сад Митры, – сказал Конан, поглаживая шелковистые волосы девушки.

– Конечно, милый! Своя земля каждому дорога… Но если ты хочешь, я отправлюсь с тобой в Киммерию.

– Но я не хочу туда возвращаться, клянусь Кромом! Киммерия не слишком уютное место – горы, леса, снега и козы. На свете есть уголки и поприглядней… ну, хотя бы твой Пуантен! Хочешь, я его завоюю и сделаю тебя графиней?

Она испуганно отпрянула.

– Что ты! Пуантен – вотчина славного Троцеро, нашего повелителя и опоры аквилонского трона! Можно ли посягнуть на его власть!

– Ты права, нельзя, – согласился Конан. – Да и что такое маленькое графство в горах, промеж двух рек?

Лучше я завоюю Аквилонию и стану королем в Тарантии, а ты – моей королевой. Славный же граф Троцеро будет опорой нашего трона.

Зийна не знала, плакать ей или смеяться, а потому коснулась горячими губами щеки своего киммерийца и шепнула:

– Ты и так король… мой король и повелитель… Разве этого мало?

– Не мало, но и не много. Я же ищу большего.

Она не обиделась, только спросила:

– Чего же, любимый мой?

– Богатства и славы, власти и почета. Не подаренных, а взятых с бою, завоеванных силой. Еще хоту обрести мощь… великую мощь, какой владеют боги… власть над молниями…

Девушка негромко рассмеялась.

– Но мы ведь не боги, мы – люди! Молниями владеет пресветлый Митра, страж справедливости, благословляющий добрых и карающий злых. Мы же должны молиться ему и просить о защите и помощи.

Конан, разгоряченный близостью ее жаркого тела, откинул плащ и сел, поджав ноги. Прохладный ветер с моря обжег его кожу своим дыханием.

– А разве Митра помог твоему отцу, когда банда ублюдков грабила ваш дом? – произнес киммериец. – Разве он защитил тебя от вонючей гиены, их главаря? Разве он вспомнил о тебе, когда другая гиена, этот Гирдеро, творил свои насилия?

– Митра испытал меня и привел к тебе. Стоит ли сомневаться в его справедливости?

– Хмм… Может, и не стоит… Но я не хочу сказать, что Митра несправедлив. Просто людей слишком много и творят они разное, а Митра один. Будь у него хоть тысяча глаз, за каждым не уследишь, каждому не воздашь… – Конан помолчал и добавил: – Слышал я, есть у Митры слуги-помощники, что ходят по свету и карают зло. Им Митра даровал долгую жизнь, грозную мощь, защиту от всякой магии и власть над огненными молниями. Так что не одни боги владеют этой силой.

Зийна смотрела на него округлившимися от любопытства глазами.

– Это сказка? – шепнула она. – Сказка?

– А он – сказка? – Киммериец ткнул рукой в сторону Идрайна, с полузакрытыми глазами сидевшего во тьме, подальше от костра. – Видишь, оживший камень… да такой, что может выпустить кишки из сотни воинов за раз… Разве это – сказка? Так и с молниями… Мир полон чудес, малышка!

Он покачал головой, и вдруг, словно решившись, принялся рассказывать. Голос его стал негромок, черты лица смягчились, в широко раскрытых синих глазах яркими точечками мерцали отблески костра.

– Много лет назад, когда я был мальчишкой пятнадцати весен от роду, случилось мне попасть на берег моря Вилайет, вблизи Шандарата, самого северного из туранских городов. Я бежал из Гипербореи, из неволи… Клянусь Кромом, моя красавица, не прошло и года, как гиперборейцы заплатили мне за тот плен! Но тогда, добравшись до Шандарата, я был голоден и слаб, и выглядел так, что охрана даже не впустила меня в город. Пришлось мне промышлять на свалке да охотиться за чайками на морском берегу.

И вынесли мне волны кувшин, что плавал в море тысячу лет, а в том кувшине сидел дух, древний, как Карпашские горы. Не злой дух и не добрый, а просто старый, и от сырости перезабыл он все свои заклятья, так что толку от него не было почти никакого. Спросил я у него жареного барана, а получил обглоданные кости, спросил вина, а получил прогорклое пиво, спросил меч, а получил ржавую саблю. И захотелось мне выкинуть этого недоумка в море, но я был молод и слишком добр, а потому решил приспособить его к какому-нибудь делу…

Конан подбросил пару ветвей в костер и задумчиво уставился на яркое пламя. Зийна слушала его как зачарованная, позабыв о знобящем ветре и мрачном их спутнике, затаившемся в темноте.

– В тот раз встретил я в Шандарате одного человека по имени Фарал, владевшего мечом так, словно тот был третьей его рукой. Прах и пепел! Этот Фарал при мне разделался с десятком вилайетских головорезов – быстрее, чем можно выпить вино из наперстка! Но то было не главным его уменьем… И он не сказал мне, чего ему надо в Шандарате и зачем он прибыл туда.

Я же, посовещавшись со своим трухлявым недоумком, задумал пошарить во дворце одного шандаратского вельможи. Говорили, что золота и камней у него не счесть, только собаки во дворе злы; ну, собак мой старый пень зачаровал – на псов у этой нечисти силы хватало. Словом, влез я к шандаратцу, а тот оказался магом – да таким, что по велению его отнялись у меня руки и ноги, и стал я бесчувственным бревном. И слуги колдуна свезли меня на ближний остров, где жили одни бешеные псы, и бросили там на верную погибель…

– А дух? Твой дух? Что он сделал? – спросила Зийна. Глаза ее округлились от любопытства.

– Дух, протухшая нечисть, сперва сбежал со страху перед чародеем, а потом вернулся и помог мне выбраться с того острова, – сказал Конан, вороша в костре обугленным суком. – Он все-таки держал слово и не собирался меня бросать на поживу псам.

Словом, добрались мы до берега, и к тому времени крепко я разозлился. Понимаешь, молодые думают, что они сильней всех на свете, и никто им не указ – ни маг, ни король, ни бог, ни демон. Я тоже был молод и решил прикончить того шандаратского чародея, хоть дух из кувшина, гнилая плесень, не советовал с ним тягаться. Ну, я послал его к Нергалу и снова залез во двор колдуна.

Тут Конан смолк, уставившись в костер. За зыбкой границей освещенного пространства царили мрак и тишина, лишь ветер шелестел в густых лапах елей, да где-то далеко, в болотах, тонким жалобным голосом кричала выпь.

– Чудесную историю ты рассказал, господин мой… – тихо промолвила Зийна.

– Не называй меня господином! И история та еще не кончена… – Конан скосил глаз во тьму, где смутным силуэтом то появлялась в отблесках костра фигура Идрайна, но вновь исчезала, поглощенная мраком. – Значит, залез я снова к колдуну, и он отправил бы меня прямиком на Серые Равнины, да случился рядом Фарал – тот боец на мечах, о котором сказано было раньше. И были у него свои счеты с шандаратским колдуном… серьезные, видать, счеты, потому как спалил он его огненными молниями, даже пепла не оставил… Ну, а когда принялся я его расспрашивать, сказал, что бродит по свету и служит Митре, уничтожая зло, и обучен одним старцем насылать молнии да всякую нечисть. И даже хотел он мне сказать, где того старца найти…

Конан снова замолчал, и Зийна, выждав приличное время, спросила:

– А ты, любимый мой, не думал разыскать старца и научиться у него огненному искусству? Тогда ты в самом деле стал бы королем…

– Нет. По словам Фарала, Митра дарует часть своей силы лишь тем, кто принесет священные обеты. И первые из них – не жаждать богатства, власти и славы, не убивать зря. А я… я – пират и наемный воин, я сражаюсь ради выгоды, и тот дар бога – не для меня.

– Но ты мог бы сражаться ради чести, – промолвила Зийна после долгой паузы. – Ради людей, которых надо защитить… ради своей страны…

– Возможно. Когда-нибудь… А сейчас у меня нет ни страны, ни людей. Я еще не нашел своего королевства, малышка.

Опять наступила тишина, и вдруг молчание нарушил негромкий голос Идрайна. Не меняя позы и не поворачиваясь к Конану, голем произнес:

– Хотел бы и я встретить того Фарала. Встретить и помериться с ним силой…

Конан резко вздернул голову.

– Странно, что ты чего-то захотел! Только Фарал – не свора пиктов, которых можно прикончить секирой и кулаками. Если б он уверился, что ты – зло, то не стал бы марать клинок о твою шкуру. Он спалил бы тебя молниями, нелюдь! И оставил бы в назидание лишь оплавленную глыбу камня.

Словно подтверждая эти слова, из темноты долетел протяжный и тоскливый крик выпи. Конан протянул руку и подбросил хвороста в костер.

* * *

Наутро путникам пришлось обходить фиорд, что врезался в сушу длинным изогнутым когтем. Это заняло много времени, но Конан не рискнул пересечь морской рукав напрямую – лед уже сильно подтаял, и они могли провалиться в какую-нибудь полынью, незаметную под тонким слоем снега. Обогнув препятствие, они очутились среди нагромождения утесов, тянувшихся вдоль берега насколько видел глаз. Киммериец свернул вправо, желая вновь попасть на каменистую осыпь, где идти было легче.

Они успели сделать десяток шагов, как Идрайн внезапно остановился. Ладонь его легла на топорище секиры, голова склонилась к плечу; полузакрыв глаза, голем прислушивался. Конан тоже замер. Он знал, что чутье серокожего превосходит человеческое – казалось, Идрайн мог разобрать, как растет трава и ходит подо льдом рыба. Сам же киммериец не ощущал ничего. Предчувствие опасности на этот раз не тревожило Конана, и он полагал, что пикты либо еще не знают про уничтожение их отряда, либо, обнаружив гору мертвых тел на вересковой пустоши, устрашились и прекратили преследование.

– Там, – Идрайн протянул могучую руку к маячившим перед путниками утесам. – Там – люди, господин. И там – тоже! – Он повернулся и посмотрел назад.

– Какие люди? – Конан недоверчиво вздернул бровь.

– Невысокие, смуглые, с темными волосами. Такие же, как те, что напали на тебя прежде, господин.

– Пикты?

– Да, пикты.

Киммериец уставился на скалы впереди.

– Обошли нас? Но как? Пусть Кром нарежет ремней из моей шкуры! Не понимаю!

– Взгляни, господин.

Они находились на возвышенном месте, откуда можно было рассмотреть поверхность оставшейся позади шхеры. Напрягая глаза, Конан увидел там тонкую цепочку следов; они петляли в снегу, огибая полыньи и осевшие ледяные торосы, затем выходили к обрывистому берегу и исчезали в скалах.

Значит, пикты не боялись перебираться прямиком через фиорды, по ненадежному льду! Либо они знали, куда идти, чтоб не провалиться, либо им было на это наплевать: их вела

ненависть, заглушая страх смерти. Впрочем, смерть пиктов никогда не страшила, и Конан не был особо удивлен, обнаружив, что лесные крысы догнали их маленький отряд и даже ухитрились его окружить. Если тут и имелось что-то достойное удивления, так это его собственная слепота! Он привык чуять врагов за многие тысячи локтей.

Киммериец быстро огляделся, подыскивая место для обороны. Какую-нибудь щель в скалах – вроде той, прежней, среди трех валунов на вересковой пустоши. Оставаться на виду было нельзя; тут их могли засыпать стрелами, ибо Конан полагал, что теперь преследователи не будут церемониться с ним и вступать в ближний бой. Одно дело – изловить живьем пришельца из Киммерии для жертвы богам, и совсем другое – месть за три десятка погибших воинов! Вряд ли пикты пустят в ход топоры, если окажется достаточно луков.

– Не тревожься, господин, – промолвил голем. – Я перебью их. Всех перебью!

– Будь у меня каменная шкура, я бы не тревожился, – буркнул Конан. – Туда! Быстрее!

Он подтолкнул Зийну к ближайшей скале, невысокой и плоской, торчавшей в двадцати шагах, но тут из-за нее выступил кряжистый воин в меховом плаще с капюшоном. Он был не молод; густая борода с проседью спускалась на грудь, на шее висело ожерелье из медвежьих когтей, обнаженные предплечья походили на перевитые жилами корни дуба. Казалось, бородач безоружен; во всяком случае, Конан не разглядел при нем ни топора, ни копья, ни дротика.

Замерев, киммериец и пикт рассматривали друг друга. Конан сжимал арбалет, прикидывая, что сможет снять лесную крысу одним выстрелом. Его противник не шевелился и держал руки на виду, но это мало что значило: пикты с отменной ловкостью пользовались пращой, а с двадцати шагов удар каменного снаряда был бы смертелен.

Но бородач вроде бы не собирался сражаться. Напротив, он поднял пустые руки и произнес, гортанно выговаривая хайборийские слова:

– Опусти самострел, киммериец. Тебя еще не собираются убивать.

– Кто ты? И чего тебе надо? – Конан закинул арбалет за спину, ощупывая при том рукоять кинжала. Пожалуй, он сумел бы бросить свой стигийский нож в горло этому коротышу. Двадцать шагов – расстояние небольшое.

– Я – Никатха. Военный вождь послал меня за тобой, когда мы нашли погибших воинов.

– А что хочет от меня военный вождь? Чтобы я подарил Крому твою печень? – с ухмылкой произнес Конан.

– Я плохо сказал, – ответив ухмылкой на ухмылку, бородач развел руками. – Не простой вождь послал меня, а сам Деканаватха, вождь вождей, венчанный дубом и омелой. Тебе знакомо это имя?

Конан кивнул. Деканаватха владычествовал над всеми северными пиктами, от среднего течения Черной реки до границ Ванахейма. Среди пиктов случались междоусобицы, но предводители южных кланов опасались задевать Деканаватху и его людей; слишком грозным и удачливым казался северный вождь. Он делил свою власть лишь с Дивиатриксом, главой друидов, избранником богов Леса, Неба и Луны. Как поговаривали в Велитриуме, на пиктской границе, этот Деканаватха был великим воителем, а Дивиатрикс – великим колдуном, и пока они поддерживали друг друга и жили в полном согласии, их народ процветал. Процветал, разумеется, на свой пиктский манер: мяса и шкур было вдоволь, а все остальное добывалось рядом, в богатой Аквилонии или в Зингаре.

Пикт пошевелился.

– Я хочу говорить с тобой, Конан-киммериец. Так повелели Деканаватха и мудрые

друиды.

– Ты знаешь меня?

– Я слышал о тебе, – Никатха пожал плечами. – Вполне достаточно, чтобы всадить тебе в глотку стрелу.

– Тогда в чем дело? – Конан вытащил нож и теперь угрожающе раскачивал его в ладони.

– Вождь и друиды повелели, и я говорю, а не стреляю. Хотя тут, клянусь Гуллом, за каждым камнем сидит человек с луком или пращой.

Никатха изъяснялся на дикой смеси киммерийского, аквилонского и немедийского: все эти языки имели общий корень, так что Конан неплохо понимал пикта. Особенно, когда речь зашла о лучниках и пращниках, сидевших за каждым камнем. Теперь он точно знал, что нечего рассчитывать на Идрайна; конечно, неуязвимый голем перебьет пиктов, но за это время и Зийну, и самого Конана изрешетят стрелами.

Подумав об этом, киммериец сунул кинжал в ножны и кивнул Никатхе:

– Говори!

– Тридцать четыре воина шли по твоим следам до Сизой Пустоши, – произнес пикт. – И все они там погибли. Я видел: одних поразили стрелы, других – меч… а третьи разрублены напополам словно кабаньи туши. И есть такие, чьи головы треснули как спелый орех под ударом молота.

– Что удивительного? – сказал Конан. – Я не собирался играть с вашими лесными крысами в кости.

– Не в том дело. Вас двое – двое и женщина. Двое бойцов не могут одолеть три десятка. Если только тут не замешана волшба.

– Вся волшба – мой меч да его секира, – Конан кивнул в сторону Идрайна. – Другой не было.

Внезапно возбудившись, пикт запустил пятерню в густую бороду и сделал шаг вперед. Темные его глаза сверкнули.

– Ты лжешь, киммериец! Там было колдовство! Наши друиды это учуяли!

– Ваши друиды не учуют даже запах свежего пива с трех шагов, – с презрительной усмешкой сказал Конан. – Они неискусны и слепы, как беспородные псы.

Разумеется, это было преувеличением. К примеру, Зогар Саг, колдун из конаджохарских дебрей, умел многое, хоть и не являлся друидом. Этому шаману подчинялись и звери лесные, и люди, и всякие твари вроде болотных демонов… Что ж тогда говорить о друидах, служителях богов Леса, Неба и Луны!

– Неискусны? – повторил Никатха, вцепившись в бороду обеими руками. – Неискусны, ты сказал? Так знай же: в моем отряде есть белый друид, мудрый Зартрикс! Он провел нас по снегу и льду, среди скал и над солеными водами – провел быстро, чтоб мы сумели тебя догнать. И он сделал так, что ни ты, ни твой воин не заметили нас, пока не очутились в окружении. Или ты и в это не веришь?

Никатха испустил долгий гортанный клич, и отовсюду, из-за камней и скал, поднялись коренастые фигуры в плащах из волчьих шкур. Одни держали луки и пращи, другие – связки дротиков, третьи – копья, молоты и каменные секиры, излюбленное оружие пиктов. Людей было сотни полторы, не меньше, и Конан почувствовал, как волосы его зашевелились под железным обручем Дайомы. Он покосился на своих спутников. Черты Идрайна казались безмятежно-спокойными, но лицо Зийны помертвело. Она, вероятно, уже прощалась со своим цветущим Пуантеном и виноградниками на берегу Алиманы.

– Я вижу много крыс, – вымолвил Конан, – но среди них нет пса, унюхавшего мой след. Где он? Где этот друид Зартрикс, который привел вас сюда?

– Все в свое время, киммериец, все в свое время, – Никатха важно огладил бороду. – Итак, наши друиды почуяли злое колдовство, и Деканаватха, великий вождь, повелел нагнать вас и подвергнуть испытанию.

– Какому еще испытанию? Сунуть в костер? Привязать к столбу пыток посреди селения? Или подвесить вниз головой где-нибудь в роще?

– В священных рощах висят жертвы богам, киммериец. Клянусь великим Гуллом и прародителем нашим Семитхой, это высокая честь, которой достойны лишь храбрейшие из наших врагов. Что же касается колдовства, то с ним дело будет иметь мудрый Зартрикс, и как он порешит, так и станется. Те из вас, кто чисты, повиснут в роще, а злого демона искоренит наш жрец. Искоренит божественным огнем!

– По мне, что висеть, что гореть, все едино, – пробормотал Конан, оглядывая ряды пиктских воинов. – И лучше я приму смерть от стрелы и секиры, чем от веревки и пламени костра. Будем сражаться, бородатый пень!

Он выхватил меч и кивнул Идрайну. Зийна тоже обнажила оружие. Лицо девушки все еще казалось застывшим, во в глазах вспыхнул боевой огонь. В чем-то пуантенцы напоминали пиктов: они тоже никогда не отступали перед врагом и не боялись смерти.

– Вперед! – скомандовал Конан своему маленькому отряду. – Сначала возьмем этих!

Шагнув к ближайшей группе пиктов, он поднял было меч, но тут над скалами раскатился глубокий мощный голос – не голос даже, а глас, достойный бессмертного бога:

– Остановись, киммериец! Остановись, во имя Могильных Курганов твоего Крона! Остановись, если не хочешь лишиться жизни и достойного погребения!

В пяти шагах от Конана возникла высокая фигура в белых одеждах. Он не мог сказать, из-за какой скалы выскользнул этот жрец, древний, как прибрежные камни; быть может, друид давно пребывал здесь, укрытый магическим плащом невидимости. Тощий, с длинной белоснежной бородой, он выглядел столетним старцем, но громоподобный голос и грозно подъятая рука не могли принадлежать человеку, стоящему на краю могилы. Он был бодр и силен – если не телесно, то духовно; его сверкающий взгляд прожигал киммерийца, словно молнии Митры. Подол белого одеяния друида пластался по земле, костлявая грудь была открыта ветру, кожа, иссеченная морщинами, цветом и видом напоминала дубовую кору. Он был древен, но грозен, и ни один из пиктских воинов не доставал ему до плеча. Да, против этого старца покойный шаман Зогар Саг из Конаджохары был бы что щенок против матерого седого волка!

– Я чувствую, что ты чист и достоин висеть в священной роще, – произнес жрец, понизив голос. Он не спеша приблизился к Конану, не спуская с того горящих глаз. – Но мы не пленим тебя; я провижу на челе твоем знаки судьбы, говорящие о многом… О многом, что предстоит еще сделать и исполнить, а это значит, что путь твой не кончается здесь, у этих скал, и ты не годишься для жертвы. Ты должен идти туда, куда послан; должен уничтожить зло, затаившееся на севере, в каменных башнях на морском берегу. Так судили боги, и жребий их не может оспорить ни один из смертных! Что же касается женщины…

– Я ее не отдам! – рыкнул Конан, делая шаг навстречу друиду. Теперь между ними было всего два локтя, и старый Зартрикс вдруг замер, вытянул морщинистую шею, словно к чему-то прислушиваясь, а потом положил руку на лоб Конана. Пальцы его погладили железный обруч, магический дар Владычицы Острова Снов.

– Не будем спешить с женщиной, – произнес жрец. – Сначала я хочу понять… – Не закончив, он внезапно усмехнулся и пробормотал: – Большое спрятано в малом, великое – в ничтожном, грозное – в жалком… И с таким совершенным искусством! – Зартрикс опустил руку и уставился на Конана. – Знаешь ли ты, киммериец, что у тебя словно бы две души: одна – дарованная богами, а другая – сотворенная магическими заклинаниями? Душа героя, и душа ничтожного наймита?

– О том мне ничего не ведомо, – Конан в свой черед коснулся обруча. – Эту железку мне дали для защиты от колдовства… от злого чародейства, что таится на севере, в каменных башнях, о которых ты сказал.

– Ну, что ж, тебя неплохо оборонили… Лучше не смог бы сделать даже отец наш, мудрый Дивиатрикс… – Лицо старого друида вновь стало суровым и строгим. – Ну, коль ты защищен и вооружен, – его взгляд скользнул по стигийскому кинжалу Конана, – отправляйся на север! Иди, куда послан, и убей! Сделай то, что должен сделать!

Справа от друида раздалось покашливание. Там стоял Никатха, бородатый предводитель отряда, и нерешительно прочищал горло.

– Прости, отец мой, – произнес он, перебирая пальцами ожерелье из медвежьих когтей, – неужели нам придется отпустить этого киммерийца? Пусть он чист от колдовства, но он прикончил многих наших братьев. Закон мести священен…

Никатха говорил на пиктском, но Конан все же его понимал; цепкая память варвара быстро восстанавливала язык, которому он некогда обучился в джунглях под Тасцеланом.

Жрец поднял длинную тощую руку, перевитую жилами.

– Молчи, Никатха! – громыхнул он, сдвинув густые брови. – Молчи! Здесь решаю я! Твое дело – стрелять и рубить, когда будет сказано! А сейчас – молчи!

Предводитель пиктов в растерянности отступил; друид же повернулся к Зийне. Он бросил только один взгляд на лицо девушки и тут же опустил глаза, погрузившись в недолгие раздумья. Казалось, старец чем-то опечален.

– Ее я тоже отпущу, – наконец произнес Зартрикс. – Она ни в чем не виновата перед пиктами – разве лишь в том, что убила, защищаясь, двух наших воинов. И она необходима тебе, – пылающие темным огнем зрачки жреца уставились на Конана. – Я провижу, что без нее ты не доберешься до тех северных башен и сгинешь в пустынях Ванахейма. И еще я провижу иное, о чем не буду говорить, ибо людям нельзя страшиться грядущего и своей судьбы. Все в руках богов!

Приговор был вынесен и, словно позабыв о Зийне, друид шагнул к Идрайну. Девушка, облегченно вздохнув, опустила меч; Конан обнял ее за плечи и почувствовал, как она дрожит.

– Все будет хорошо, малышка, – пробормотал он, прижимая к себе Зийну, – все будет хорошо. Не бойся его пророчеств! Ты еще увидишь виноградники Пуантена, клянусь Кромом!

– Без тебя они мне не нужны, – Зийна, полуобернувшись, со страхом глядела на Зартрикса. Тот изучал бесстрастные черты Идрайна, и лицо его было таким же каменно-невозмутимым, как у серокожего голема.

– Ты – зло! – внезапно рыкнул жрец, и звук его мощного голоса раскатился меж утесов. – Ты – зло! Зло, пришедшее в наши леса! Зло, уничтожившее наших братьев!

Никатха, стоявший неподалеку, сразу подобрался и махнул своим воинам.

– Велишь стрелять, отец мой? Или рубить? Друид угрюмо хмыкнул.

– Ваши стрелы и топоры бессильны перед ним. Неуязвимая тварь, а значит, честный бой не для нее, как и почетная смерть в священной роще! – Зартрикс отступил на пару шагов от

голема; руки его странно двигались, изгибались, творя защитные заклятья.

Идрайн, до того молчаливый и безучастный, поднял свою секиру. Видно, он почувствовал недоброе; маг, стоявший перед ним, был страшнее сотни воинов, вооруженных до зубов.

– Уйди, старик, – прошелестел он. – Уйди, и не мешай моему господину и мне продолжить путь. Не то…

– Твой господин обойдется без тебя! У него есть защита и оружие, и собственный разум, и сила, хитрость! Ты же… – друид простер руки к Идрайну, – ты же стань тем, чем был прежде!

Холодное марево заструилось у его ладоней – не огненные молнии, о которых Конан рассказывал Зийне, но белесовато-зеленый свет, дрожащий и переливающийся, как кусок кхитайского нефрита. Идрайн попытался опустить секиру, но мерцающий туман уже окутал его, и голем дрогнул и затрясся, словно бы вдруг почувствовав порывы ледяного ветра, налетавшие с моря. Лицо его, и так невыразительное, совсем оцепенело, глаза закрылись, рот превратился в узкую прямую черточку; потом дрожь, сотрясавшая тело Идрайна, исчезла. Зеленая мгла будто всосалась в плоть голема, сковав его члены, отняв у мышц привычную силу и быстроту; теперь он более, чем когда-либо, казался изваянием, высеченным из базальта либо серого гранита.

– Вот так! – произнес друид с довольной усмешкой. – Не уверен, что я сумел обратить эту тварь в камень, но уж спать она будет долго! До тех пор, пока боги Луны не соединятся с богами Леса, и сам великий Гулл не спустится на землю в своей огненной колеснице!

Пикты, прятавшиеся раньше среди камней, теперь окружили Зартрикса, Конана и Зийну плотным кругом.

Благоговение и ужас светились в их темных глазах; они что-то бормотали, и киммериец, все лучше понимавший язык лесных людей, разобрал:

– Мудрый отец наш…

– Могучий, сильный…

– Справедливый…

– Заступник перед богами…

– Отвращающий всякое зло…

– Увенчанный омелой и остролистом…

Друид взмахнул рукой, повелевая им замолчать, и повернулся к Никатхе:

– Пусть люди набросят на спящее зло плащи, дабы не оскверниться прикосновением к нему, сделают носилки и идут в Сирандол Катрейни. Там мы и оставим чудище, истребившее наших братьев. Положите его на землю посреди пяти черных камней и забросайте костями. Носилки же и плащи сожгите.

Густобородый Никатха поклонился.

– Все будет сделано так, как ты сказал, отец мой. И обо всем случившемся я передам весть владыке нашему Деканаватхе.

– Передай. И скажи ему, что зло, разгневавшее лесных богов, сковано, погружено в сон и надежно похоронено в Сирандоле, ибо сжечь его нельзя. Камень не горит!

«Горит, – подумал Конан, – только спалить его тебе не под силу, колдун!» Безусловно, Зартрикс был грозен и умел, и более искусен, чем покойный Зогар Саг, но все же он не властвовал над молниями подобно Фаралу, взысканному Митрой. Что ж, каждому свое, решил киммериец.

Вслух же он сказал:

– Что это за место, в котором ты хочешь оставить моего слугу?

– Сирандол Катрейни, – понизив голос, произнес жрец. – Оскверненная долина, подходящая для всяких отбросов. Тут, неподалеку… – Он неопределенно повел рукой. – Капище злых сил, земля, отринутая богами… Самое подходящее место для твоего слуги, не так ли?

Он бросил на Конана испытующий взгляд, и киммериец согласно кивнул.

– Будь моя воля, я бы завалил эту серокожую нечисть не костями, а каменными глыбами. Берите его и стерегите хорошенько. Мне он не нужен!

– Живое всегда не любит и страшится мертвого, – сказал друид. – Так было, так есть и так будет. Но ты, киммериец, пришел сюда с двумя спутниками и уйдешь тоже с двумя. Ты выдержал испытание дважды: честно бился на Сизой Пустоши и явил цели свои тут, среди этих утесов и скал. И твое намеренье – кто бы ни подвигнул тебя – полезно нам, ибо колдовские чары с севера досягают наших земель, тревожат наших воинов, смущают вождей. А потому я повелеваю не только отпустить киммерийца, – тут жрец перевел глаза на суровое лицо Никатхи, – но и дать ему взамен утерянного нового спутника, из лучших бойцов.

Предводитель отряда скривился, но отвесил почтительный поклон.

– Все в твоей воле, отец мой… Но кто из лучших бойцов согласится разделить дорогу с презренным киммерийским волком?

– Никто! – рявкнул Конан. Его совсем не устраивала перспектива странствовать вместе с пиктом. – Никто, – повторил он тише, – ибо, клянусь Кромом, на границе Ванахейма я вырежу печень вашему лучшему бойцу! А граница-то совсем близко!

– Посмотрим, кто кому вырежет печень, – раздался вдруг голос из пиктских рядов, и вперед выступил довольно высокий парень в волчьем плаще. Голова зверя была тщательно выделана и служила капюшоном, под которым поблескивали серые глаза – большая редкость среди лесного племени. Да и лицо молодого воина чем-то неуловимо отличалось от заросших бородами угрюмых физиономий пиктов; выглядел он повеселее и, судя по мускулистым рукам и широкой груди, был крепок, как укоренившийся в плодородной почве дуб.

– Насчет моей печени посмотрим, – произнес он на отличном киммерийском, – а вот свою башку побереги, хвастливый пес! Она будет неплохо выглядеть, подвешенная за волосы над нашим очагом… Верно, отец? – И парень взглянул на мрачного Никатху.

Но тот молчал, недовольно уставившись в землю, и в ответ юноше раздался голос жреца Зартрикса:

– Ты дерзок, Тампоата! Дерзок, потому что молод и глуп! Во имя Гулла, разве я не сказал, что киммерийцу нужен спутник и помощник? Соратник, а не враг? – Друид выдержал многозначительную паузу. – Ну, раз ты вызвался сам, иди! Береги свою печень и не покушайся на его голову! – Зартрикс ткнул Конана в грудь костлявым кулаком. – А ты, киммериец, запомни: и врагам случается заключать перемирие. Твое племя враждует с нашим, но и вы, и мы не любим рыжих ваниров. Что плохого в том, если воин из Киммерии и воин из земли пиктов договорятся и вместе перережут несколько ванирских глоток? Ты возьмешь печень побежденных, а Тампоата – их головы. Договорились?

– Посмотрим, – буркнул Конан, пристально оглядывая будущего своего спутника. Невзирая на неприязнь к пиктам, всосанную с молоком матери, Тампоата ему понравился. Было в этом парне что-то бесшабашное, знакомое и будто бы даже родное. Заметив

напряженный взгляд киммерийца, Зартрикс усмехнулся и произнес:

– Тампоата, сын Никатхи, молод, но он хороший воин. И не чужой тебе, ибо мать его, третья жена Никатхи, была киммерийской пленницей. В нем половина вашей крови.

– Вот это другое дело, – сказал Конан, ухмыляясь. – Прах и пепел! Тогда я вырежу ему лишь половину печени.

* * *

Неподалеку от побережья, среди двух скалистых стен, лежала долина. Она была слишком широка, чтобы считаться ущельем, и слишком узка для просторной пустоши или поля. Бросовая земля, заваленная щебнем, на которой не росло ни деревца, ни кустика, ни травинки; морские и материковые ветры год за годом вылизывали и утюжили ее, то заваливая снегами, то вздымая сухую бесплодную пыль. У пиктов любое место, где не могла укорениться зелень, считалось проклятым; их лесные боги любили деревья и травы, леса и непроходимые джунгли, покрытые цветами поляны и заповедные дубовые рощи, в которых боги те и обитали – вместе с друидами, своими слугами. Ну, а там, где не могла вырасти даже трава, жили только поганые демоны катшу, еще более мерзкие, чем кукисоры и вахапайты, тощие и злобные обитатели болот. Пикты не боялись катшу, ибо амулеты-обереги и сила светлых друидов защищали их, но без особой надобности в бесплодную долину не ходили.

Надобность же возникала редко. В основном тогда, когда было желательно избавиться от тела презренного труса либо изменника, а также человека, который нарушал древние установления и потому не мог быть предан земле или огню в чистых лесах и на вересковых полянах. Пикты полагали, что труп предателя и отступника, и даже пепел его, отяготит землю тяжким грузом, ядом перельется в хрустальные воды ручьев, отравит деревья, а через них – и зверей с птицами и рыбами, осквернив в конечном счете пищу и питье. Для пиктов все было взаимосвязано, ибо они, в отличие от более цивилизованных народов, еще не потеряли ощущения целостности мира и не считали самих себя господами над дикой природой. Волк, укравший младенца из хижины, был им врагом, но он являлся и братом, ибо в нем текла та же горячая кровь, что и в людях; волк тоже хотел есть, и он защищал свое логово, своих волчат с не меньшей отвагой, чем двуногие. А потому зверь, даже пожравший пикта, не был нечист, из шкуры его можно было сделать одежду, из зубов – ожерелье, а мясо оставить в лесу на поживу червям, воронам и муравьям.

Иное дело – трус, предатель, отступник. Таких среди пиктов встречалось немного; но были и пленники, не проявившие должной отваги и недостойные повиснуть в священной роще. Их, разумеется, убивали, так как пиктам не требовались ни слуги, ни рабы; лишь изредка воин-пикт брал наложницу из чужеземного племени, особо крепкого и славного воинской доблестью. Трупы же недостойных, и своих, и чужих, стаскивали в бесплодные проклятые земли и бросали там меж пяти черных камней, в нечистом капище, обители мерзких катшу. Сирандол Катрейни, долина среди скалистых стен, как раз и была таким местом.

За долгие годы здесь скопилось изрядное количество костей и черепов; они образовывали высокую серо-желтую груду, из которой пятью черными клыками торчали грубо обтесанные камни. Этими неуклюжими обелисками не просто отмечалось

захоронение; они выполняли и роль сторожей, ибо каждая стела в свое время была подвергнута особому обряду, не позволявшему мертвецам вернуться в мир живых. Ведь всякому известно, что злокозненные души могут ускользнуть с Серых Равнин – по собственной ли хитрости или попустительством слуг Нергала – и устремиться туда, где лежат их кости либо истлевшая плоть. Там они обретают силу, вступая иногда в союз со злыми духами, к примеру, с теми же катшу, а затем проникают в жилища своих погубителей и мстят им. Мстят многими способами: пугают, пьют кровь, наводят порчу на еду и питье, поганят очаги, портят оружие, лишают его смертоносной силы. Но камни-стражи оберегают живых от нечистых душ; они – словно стена между бесплотными призраками и тем, что сохранилось от них в Верхнем Мире.

А сохранилось немногое – посеревшие костяки да голые черепа. В здешней земле не водились могильные черви, но мерзкие и вечно голодные катшу обгладывали любой труп за одну ночь, а потом ветры, снега и дожди превращали его в бесформенную груду костей. Катшу, демоны прожорливые, но мелкие и слабые, видом своим напоминавшие отвратительных крыс с тройным рядом остроконечных зубов, тоже не могли покинуть отведенное им пространство меж черных камней; когда поживы не предвиделось, они погружались в сон, предвкушая, как вопьются клыками в живот, грудь и ягодицы очередного нечестивца.

Но плоть покойника, закопанного людьми Никатхи в груду костей, пришлась им не по зубам. Крысоподобные демоны даже не смогли прокусить его кожу и добраться до мяса и костей – если у этого странного существа вообще были мясо и кости. Его тело казалось застывшим, словно кусок льда, но лед хрупок, а труп, брошенный в капище Сирандол Катрейни, обладал твердостью гранита. Мертвец был таким же неподатливым, как сталь секиры в его правой руке – люди Никатхи так и не сумели разжать сведенных судорогой пальцев, вцепившихся в древко топора. И он был таким же холодным, как остывшее на морозе железо, совсем невкусным по мнению катшу. После нескольких попыток они оставили его в покое и погрузились в сон.

Идрайн, засыпанный костями, тоже спал. Спал по-настоящему, так, как спят люди; спал в первый раз с того момента, как заклинания Владычицы вдохнули в него жизнь. Спал и грезил во сне.

Посещавшие его сновидения были неясными и размытыми. Временами он снова как бы превращался в скалу, бесчувственную и неподвижную; над ним проносились тучи, грохотали бури, сияло солнце, но он не ощущал ни холода, ни тепла, ни прикосновения дождевых капель, барабанивших по каменной бугристой шкуре. Он мог только видеть – бескрайнее море и такое же бескрайнее небо, две стихии, столь же равнодушные, как и утес, частью которого стал он сам.

Но приходили и иные сны. В них он чувствовал себя человеком; темноволосым мужчиной с крепкими мышцами и синими глазами. Он наслаждался вкусом пищи, он поглощал рубиновые вина, он мог любить и ненавидеть, радоваться и страдать; он понимал, что такое смех, его томило неизведанное раньше любопытство, влекло непонятное и странное – дорога, уходящая вдаль, башни и стены невиданных городов, корабль под раздутыми ветром парусами, блеск стали, яростная пляска огня, женские губы… Иногда ему чудилось, что он почти что обрел душу, и понимает теперь, как это прекрасно – быть человеком, желать многого, подчиняться лишь себе самому, своим страстям и свободной воле.

Потом равнодушие вновь охватывало Идрайна, и он опять становился недвижной частицей берегового утеса на Острове Снов, не то базальтовой, не то гранитной глыбой.

Но крохотная искра жизни продолжала тлеть в окаменевшем теле голема. Она казалась слабой, едва заметной, но то была лишь очередная иллюзия: заклятья Зартрикса, пиктского друида, не смогли погасить огонь, вспыхнувший повелением Дайомы. Ибо Зартрикс был всего лишь смертным магом, приближенным к божествам Леса и Луны; Владычица же Острова Снов сама являлась почти богиней.

А созданное богами неподвластно людям.

ГЛАВА 9
ЗАМОК И ОСТРОВ, ТУНДРА И КАПИЩЕ

Пятеро обитали в мире, и каждый имел в нем свою цель и свое назначение. Но было и нечто общее, объединявшее столь различных существ: игра. Они играли; играли в любовь и власть, в счастье и горе, играли в могущество, в страх, в чистосердечие и обман, играли в желание и равнодушие. Воистину, мир лишь место для игр, которыми развлекаются и люди, и боги!

Случалось, Аррак размышлял о причинах своего изгнания из Предвечного Мира. Это случилось так давно, что Он не помнил ни повода для совершившейся казни, ни срока искупления, ни условий, при которых Он мог бы получить свободу и вернуться в сумрачные межзвездные просторы.

Но, так или иначе, Его казнили. Именно казнили, ибо плен в человеческом теле был для Древнего Духа подобен казни, а не на заключению. Какую же цель преследовал этот приговор? Измучить Его пребыванием в жалкой плоти, нескончаемыми переселениями из тело в тело, а потом – уничтожить? Поманить Его надеждой на пощаду, сохранив часть прежнего могущества, и потом даровать ее или отнять навсегда? И за какое преступление Его карали – за мелкую шалость или серьезный проступок?

Во всяком случае, если Он и испытывал когда-то душевные муки, то теперь позабыл о тех временах. История Его падения и казни представляла лишь тему для раздумий; еще один способ развлечься, избавиться от скуки.

Наблюдая мир земной и питаясь отрывочными воспоминаниями о Мире Предвечном, Он пришел к выводу, что и тут, и там царила Игра. Различались только ее масштабы; людские цели и цели богов были несоизмеримы в физическом плане, однако страсти, бушевавшие вокруг них, выглядели весьма похоже. Взять хотя бы нынешнего Избранника, возжелавшего женщину – одну из многих мириадов женщин; его чувства были такими же неистовыми, как у божества, стремившегося овладеть некой звездой, объявив ее своей собственностью.

Итак, все играли; играл и Он, Аррак, Дух Изменчивости. Играл сейчас, пребывая в человеческом теле – а значит, играл и прежде, когда мог свободно парить среди светил и огней Небесных Градов. Но у всякой игры есть свои правила, обязательные для всех игроков, иначе игра становится неинтересной. Их устанавливают сильнейшие и блюдут по собственной воле и желанию; слабейшие же исполняют из страха перед сильнейшими; отказ от правил в игре карается согласно другим правилам, принадлежащим новой игре – в преступление и наказание.

Значило ли это, что Он нарушил какие-то законы Великой Игры, служившей развлечением Древним Демонам и Богам?

Скорее всего, так. И Он догадывался, в чем дело. Игра – любая игра! – возможна лишь в месте, созданном для игр, и при условии, что место это будет сохраняться неизменным, неразрушимым и не подлежащим запретному вмешательству. Таким местом являлась вся бесконечная Вселенная; как полагал Аррак, ее и создали специально для всяческих игр и развлечений, альтернативой коим являлись только скука, тоска, забвение и смерть. Вселенной же правил закон Великого Равновесия, соблюдавшийся всеми Силами – и

добрыми, и злыми, и даже нейтральными, которые тоже участвовали в игре, пусть и не на первых ролях. Равновесие между жаром и холодом, между материальной субстанцией и пустотой, между богами и людьми, между звездами и планетами, между светом и тьмой, между добром и злом… Оно не являлось застывшим; Весы Миров слегка раскачивались, отклонялись то в одну сторону, то в другую, но их колебания не должны были ввергнуть Вселенную в хаос.

Вот главное правило игры! – размышлял Аррак, подозревая, что именно его Он и нарушил. Вполне логичное заключение; Дух Изменчивости; всегда стремился разрушать, а не создавать и не хранить уже созданное. И кара, которой Его подвергли, была соизмерима с преступлением и вполне отвечала Его сущности: Ему полагалось скитаться из тела в тело, вечно меняясь и, в то же время, сохраняя наложенные на него оковы плоти. У этой игры тоже были свои правила: например, то, что Он мог покинуть Избранника лишь вместе с человеческой душой, отлетающей на Серые Равнины.

Теперь, после многих тысяч лет заключения, Он понимал необходимость правил: без них игра теряла интерес, превращаясь в предвестник хаоса. И Он готов был соблюдать законы – не из страха перед неизбежным наказанием, но уверившись в их нужности и полезности.

Значило ли это, что срок Его казни подходит к концу? И каким будет сей конец?

Он надеялся, что выяснит это в ближайшую тысячу лет.

* * *

Конан, Зийна и Тампоата, молодой пикт, пробирались по оттаявшей равнине, сырой и неприютной, как преддверие Нижнего Мира. Лето в Ванахейме уже началось, а это значило, что морские воды вскоре освободятся от льда, а здесь, на твердой земле, появятся мхи и травы; однако не раньше, чем через восемь-десять дней. Пока же равнина являла собой унылое зрелище, которое не скрашивалось даже яркими солнечными лучами. Но глаз Митры хоть и светил, но не грел, и путникам приходилось кутаться в пиктские плащи из волчьего меха, выделенные им Никатхой. Нелишними были и теплые сапоги на прочной подошве из шкуры лесных быков, покрытые кабаньим жиром, предохранявшим от влаги; бесформенные и огромные, они пришлись впору Конану, а Зийна напихала в носок сухой травы и двигалась теперь, переставляя ноги как две большие колоды.

Впрочем, погода постепенно улучшалась, хоть и не так быстро, как желали бы странники. На востоке Ванахейма, в предгорьях, на границе с Киммерией и Асгардом, росли сосновые леса, и там, как знал Конан, снег сошел раньше и земля уже просохла. Но здесь, на продуваемом морскими ветрами берегу, наступление лета ощущалось лишь в полдень, когда можно было снять плащи и немного погреться на солнце. Теплый период в Ванахейме был короток, как цепь мятежного раба; с одной ее стороны леденел ошейник вьюг, с другой свисали снежные кандалы. Но, сколь бы кратким не являлось это время, прибрежные ваны успевали выйти в море на своих длинных ладьях и всласть пограбить купцов из южных земель.

Хотя тянувшаяся вдоль изрезанного берега равнина и выглядела мрачной, тут попадалось немало живности. Болотистые места облюбовали северные гуси, пока еще тощие, но вполне годившиеся на вертел; нередко встречались лисы и стаи волков,

промышлявших оленей. Волки Ванахейма отличались от хищников пиктских лесов – они были крупнее, и серый их мех отливал серебром. Дальше к северу обитали полярные медведи с теплой желтовато-белой шкурой; этих олени не интересовали, поскольку им хватало рыбы, гулявшей под морским льдом в любое время года. Огромные медвежьи когти и мощные лапы самым Митрой были приспособлены выцарапывать лунки во льду – а может, не Митрой, а великаном Имиром, властвовавшим в этих холодных краях. Правда, Имир являлся владыкой суровым и не любил ни людей, ни животных; более всего ему по нраву была заснеженная пустыня, над которой кружатся метели да ветры.

Но даже этот жестокий властелин Севера не мог заморозить сирюнчей, пушистых короткохвостых полузайцев-полухомяков, на которых охотились лисы и полярные совы. Зимой сирюнчи впадали в спячку в своих глубоких норах, а в середине весны вылезали на поверхность, поедая прошлогодний мох, сухую траву и червей – все, до чего могли добраться в скудной тундре. Они были неприхотливыми зверьками и достаточно любопытными, чтобы не прятаться под землю при первом же признаке опасности. Конану сирюнчи нравились – и на вид, и на вкус. Хоть мясо их нельзя было сравнить с нежной печенью оленя, оно неизмеримо превосходило волчатину. Тампоата и Зийна придерживались того же мнения.

Впрочем, иногда пикт начинал возмущаться.

– Люди, – сказал он как-то раз, – должны обитать в лесу. Настоящие люди, а не те жалкие глупцы, что селятся на бесплодных равнинах вроде этой или в каменных норах городов. Лес – обитель богов; лес подпирает небеса, красит землю, кормит и защищает… Лес – это вечная красота! Что может сравниться с его сверкающей зеленью и шелестом тысяч ветвей?

– Блеск золота и звон монет, – с усмешкой ответил Конан.

– Приятные звуки, не спорю, но в них не слышно гласа богов!

– Боги говорят с людьми по-всякому. Кром грохочет из-за туч, Сет шипит змеем, Ормазд дает знамения гулом огня, Имир, хозяин здешних мест, воет вьюгой. А в звоне золота и серебра слышен шепот Бела.

– Бела? Клянусь волчьими ребрами, никогда не слышал о таком! Что это за бог и в каких землях поклоняются ему?

– В Заморе, – пояснил Конан. – Белу подвластны грабители и воры, и во всем свете не сыщешь таких воровских городов, как Шадизар и Аренджун. Я жил там, я знаю.

Глаза Тампоаты удивленно округлились.

– Ты жил там и воровал? Ты, воин, унизился до воровства?

– А разве пикты не воруют? К примеру, когда отправляются в набег на Киммерию, Аквилонию или Зингару и тащат все, что плохо лежит?

– То не воровство, то грабеж, – ответил пикт. – Честное и славное занятие, – добавил он с глубоким убеждением, – подобающее воину и вождю!

– Чем же грабеж отличается от воровства?

– Воровство – когда берут незаметно и трусливо, грабеж – когда отнимают в открытом бою, полагаясь на силу и воинскую удачу. Разве можно их сравнивать?

– Берут незаметно или отнимают силой… – с насмешкой протянул Конан. – Ты думаешь, для твоей матери-киммерийки было так уж важно, украл ли ее Никатха тайком или отнял силой у родителей или мужа?

В любом случае она сделалась рабыней и породила такого олуха, как ты! Мохнатую лесную крысу, а не бесстрашного воина с гор Киммерии!

– И все же я наполовину киммериец, – оскалился Тампоата. – Оскорбляя меня, ты оскорбляешь и свое воровское племя!

– В том и дело, что наполовину… Знал бы я, какая половина твоей печени киммерийская, а какая – пиктская, давно бы отхватил клинком ненужную часть.

Молодой пикт, обладавший острым языком, не искал ответа за пазухой. Вытянув сильные руки, он задумчиво посмотрел на них и произнес:

– Знал бы я, какая рука киммерийская, а какая – пиктская, давно бы снес тебе голову. Пиктской рукой, конечно, чтобы другая не осквернилась кровью родича.

Пустые угрозы да похвальба, не более того. Они уже подружились, хоть каждый и не хотел этого показать. Тампоата, раскрыв рот, слушал рассказы Конана о похождениях на суше и на море, а киммериец проникся симпатией к недавнему врагу уже по одной той причине, что пикт был живым человеком, а не магическим истуканом вроде Идрайна. Странно, но и Зийна не дичилась нового их спутника, который временами с откровенностью варвара пялился на красивую девушку. Впрочем, то было днем; ночами Тампоата жег отдельный костер шагах в пятидесяти от ложа Конана и Зийны. Он обладал врожденным тактом и свято подчинялся пиктской заповеди: не совать носа в чужую постель. Вождь Деканаватха и мудрые друиды этого не одобряли, и нарушивший традицию отступник обычно кончал жизнь в местах, подобных Сирандолу.

Но до того, как путники устраивались спать, они долго сидели у общего костра, то перебрасываясь едким словом, то шуткой, то обмениваясь занимательными историями. Однажды, прикончив тушку жирного сирюнча, пикт произнес:

– Живот мой тоскует по настоящему мясу. Хорошо бы подстрелить оленя… Не то я, как предок наш Семитха, перегрызу кому-нибудь горло – тебе, киммериец, или твоей женщине, которая на вид гораздо вкуснее.

– Разве в твоем племени пожирают людей? – Конан удивленно воззрился на Тампоату.

– Нет, сейчас нет… Но старики говорили, что так было не всегда. Прежде ели… в память о Семитхе и его брате Кулриксе.

Зийна, вздрогнув, прижалась к Конану, но не сказала ни слова. Ей нравились страшные истории, а то, о чем обычно толковали у вечернего костра пикт и киммериец, было страшным – таким страшным, что от рассказов этих завяли бы все цветы, засохли бы все щедрые виноградники Пуантена.

– Семитха и Кулрикс считались великими вождями, – начал Тампоата, – и правили они в те давние времена, когда наше племя обитало не на Большой Земле, а на далеких островах в Западном океане…

– Значит, до Великого Потопа? – шепнула Зийна.

– Да, до Потопа… Говорят, на тех островах было много места, много долин и лесов, и вересковых пустошей, и скал с пещерами, и деревьев, и всякого зверья, подходящего в пищу лесным людям. Только в один из дней по божьему соизволению все звери куда-то подевались, и среди пиктов начался голод. Страшный голод, от которого люди перемерли; остались лишь вожди, Семитха и Кулрикс, потому что были они лучшими из охотников и пока что ухитрялись находить пищу своим женам. А ведь каждый кормил десятерых женщин, не считая их малолетних детей!

Когда же все прочие пикты сгинули, стало Семитхе и Кулриксу ясно, что лишь от их чресел произойдет новое племя, и суждено им сделаться родоначальниками бессчетных будущих поколений. Так, видать, желали боги: хотели уничтожить всех слабых и продлить

род сильных. Но, чтобы продлить, нужна пища, а зверя и рыбы по-прежнему не было; ни оленей и кабанов в лесу, ни щук и сазанов в озерах. И поняли Семитха и Кулрикс, что выживет только один из них – если выживет вообще. Видно, богам хотелось произвести новое племя от самого крепкого корня.

Но к тому времени братья ослабли и не могли искать добычу, а жены их и вовсе не держались на ногах. Что же касается детей, то все они перемерли; как водится, в голодные годы малолетние да старики погибают первыми. И, видя такое бедствие, сказал Кулрикс: «Если б мне съесть кусок мяса, то сила моя вернулась бы, и я непременно промыслил жирного кабана». Семитха же решил испытать божественную волю и ответил так: «Отрежу я, брат, свою левую ногу, вот и будет мясо. Приготовь его и съешь, а потом иди в лес. И пусть боги пошлют тебе добычу».

Так они и сделали. Кулрикс насытился, взял лук со стрелами и пошел на охоту. Весь день бродил он по лесам и полянам, глядел в реки да озера, но не высмотрел ничего, кроме пустоты; а на закате вернулся и сказал Семитхе, что не удалось ему добыть ни зверя, ни рыбы. «Что ж, – ответил ему брат, – у меня осталась еще одна нога. Съешь ее, и завтра снова испытаем твою удачу».

Но удачи Кулриксу не было. Опять пробродил он целый день и вернулся в хижину к Семитхе угрюмый и мрачный, сбросил плащ, швырнул в угол оружие и завалился спать. Спал же он на спине, запрокинув голову, так что шея выгнулась дугой и на горле была видна каждая косточка.

Поглядел на брата Семитха и понял, что не желают боги даровать Кулриксу милость и удачу. Сам же он едва двигался, ослабев от голода и потери крови, и пальцы его не могли ни тетивы натянуть, ни стиснуть рукоятку ножа. И понял он, что умрет на следующий день, не испытав своего счастья, а вместе с ним умрет и племя пиктов, ибо Кулриксу боги явно не благоволили. Кто может разобраться в их намерениях? Никто! Боги повелевают, а люди выполняют…

С этой мыслью Семитха подполз к брату и перекусил ему горло. Напился он крови и ощутил, что силы прибыло; съел мяса и увидел, что раны его зарубцевались. Тогда поднял он лук, выполз из хижины и тут же столкнулся нос к носу с огромной дикой свиньей. Пристрелил ее Семитха, и начал кормить своих женщин мясом, и кормил до тех пор, пока не встали они на ноги и не обрели прежнюю резвость. Тем временем звери приходили прямо к хижине Семитхи, и он стрелял на выбор кабанов и оленей, медведей и лосей – а это значило, что взор богов покоится на нем, коль он, безногий, может промыслить добычу для себя и двадцати женщин. Вернулась к Семитхе телесная мощь, и понял он, в чем заключается его предназначение…

– В чем? – тихонько спросила Зийна, не спуская с рассказчика потемневших глаз.

– Конечно, породить новое племя, – пояснил Тампоата. – То был священный долг Семитхи, выполненный им с честью, клянусь Гуллом!

– Кром! Как же он, безногий, справлялся с двадцатью женщинами? – поразился Конан. Он слушал рассказ Тампоаты не без интереса, размышляя о том, что и пикты вроде бы являются людьми: хоть они носят волчьи шкуры и поклоняются какому-то ничтожному Гуллу, но так же любят забавные истории, как жители цивилизованных стран. Это было почти открытием.

– Что с того, что безногий! – молвил Тампоата, усмехаясь. – Детей делают не ногами… Ходить он не мог, но в остальном, как говорится в преданиях, был мужем хоть куда! Все мы,

нынешние пикты, его потомки. Только южные произошли от десяти жен Кулрикса, а северные – от женщин Семитхи.

– Что же сталось с Кулриксом, братом его? – вновь задала вопрос Зийна.

– Останки, что не доел Семитха, женщины подвесили в дубовой роще, пожертвовав богам. С тех пор и родился обычай привязывать к ветвям дуба тех, кто погиб достойной смертью. Раньше боги Леса, Неба и Луны принимали в жертву только пиктов, но со временем нрав их сделался мягче, и теперь они не брезгуют людьми других племен.

– Не знаю, можно ли назвать достойной смерть этого Кулрикса, которому брат перегрыз горло, – заявил Конан. – По мне, так все это детские сказки и одно вранье. К примеру, ты говорил, что Семитха охотился с луком, но ваши пикты не знали такого оружия, пока не перебрались на туранский материк. У них были пращи, да копья, да каменные топоры, вот и все! Клянусь Кромом, про это мне доподлинно известно!

– От кого же? – вскинулся Тампоата.

– От того, кто видел твоих предков тысячи лет назад и потрошил их, словно куропаток!

– Ха! И ты называешь мои истории враньем? А сам… сам-то… – Тампоата хлопнул ладонями по земле, подняв тучу пепла, и зашелся хохотом. – Кто мог видеть моих предков тысячи лет назад и дожить до наших времен? Кто мог поведать об увиденном глупому киммерийцу? Хотелось бы мне познакомиться с этим человеком!

– С чего ты взял, что он – человек? Он был духом, и остался духом… Рана Риорда, Небесная Секира – слышал о такой? Священный топор атлантов, который сшиб больше пиктских голов, чем встретилось тебе за всю жизнь!

Внезапно лицо Тампоаты стало серьезным; брови мрачно сдвинулись, а в серых глазах промелькнули тревожные огоньки.

– Да, я слышал об этом колдовском оружии от наших стариков, – пробормотал он. – Но ведь оно исчезло… пропало так давно, что мудрые друиды потеряли его кровавый след… Или?.. – Он вскинул опасливый взгляд на Конана.

– Или! Пропавшее всегда можно разыскать, или оно разыщет тебя само, – с усмешкой произнес киммериец. – Я был знаком с Рана Риордой, духом Секиры, и выслушал много историй о давних временах, когда у Призрака не мутилось в голове. Но в остальное время… – Лицо Конана перекосила гримаса отвращения.

– А что в остальное время? – спросила Зийна, трепеща от ужаса и любопытства.

– В остальное время он требовал крови. Крр-роовь, крр-роовь! – проскрежетал Конан, явно передразнивая кого-то, и добавил: – Особенно он домогался крови пиктов и стигийцев. Стигийцы держали его в заточении, а пиктов он всегда ненавидел. Теперь же Рана Риорда… – тут киммерийцу показалось, что Тампоата будто помертвел лицом, и он, расхохотавшись, похлопал пикта по плечу: – Не падай духом, лесная крыса! Теперь призрак, вместе с Секирой, покоится столь далеко, что до ваших смрадных джунглей и гнилых пустошей ему вовек не добраться! Он на краю земного диска, на южном материке Му, ржавеет там в густых туманах!

Тампоата с облегчением перевел дух; видно, пиктские сказки о Небесной Секире атлантов были не страшнее преданий о прародителе Семитхе и его незадачливом брате Кулриксе. Пытливо уставившись на Конана, юноша спросил:

– А откуда тебе известно, что Секира на южном материке? Кто сказал об этом? И достоин ли тот человек веры?

– Достоин. Ибо я сам отнес Рана Риорду в те далекие земли и своими руками положил

на древний алтарь из белого камня на высокой скале.

– Давно ли это было? – с недоверием прищурился пикт.

– Недавно.

– И ты успел вернуться с края света, поплавать в Западном океане и постранствовать в наших лесах? Каким же образом, а?

– То, – промолвил Конан, – совсем другая история. И если ты, любопытный крысеныш, сбережешь свою печень и уши, а заодно и голову, я как-нибудь ее расскажу.

* * *

Дайома, Владычица Острова Снов, пребывала в тревогах и печалях.

Ее возлюбленный вновь остался без защиты и присмотра! И повинен в том был ничтожный пиктский Колдун, недоучка, вызубривший едва ли пару сотен заклинаний! Не будь этот Зартрикс столь далек, она обратила бы его в ящерицу! В безногую змею, обреченную пресмыкаться во прахе!

Мерзкий старик!

И все же у него хватило сил, чтобы наложить на голема сонные чары… Чары снов, коими повелевала она, Владычица Дайома! Это казалось самым нестерпимым и оскорбительным.

Но то, что создано, может быть и разрушено. Тем более, когда смертный маг пытается противодействовать ей, почти богине! Прекраснейшей из женщин, которую некогда почтил своим вниманием сам Ормазд!

Не мешкая, Дайома начала собирать все необходимое для ритуала пробуждения, но отвлеклась, заглянув в свое волшебное зеркало – ее снедало желание увидеть возлюбленного.

Он шел по мрачной сырой равнине, освещенной косыми лучами заходящего солнца. Он был грязен и одет в вонючие волчьи шкуры; серый капюшон прикрывал его лицо, кожа обветрилась, щеки запали, но в глазах по-прежнему пылал неукротимый синий огонь. Он выглядел усталым и голодным, но шаг его был тверд, а могучая рука покоилась на рукояти волшебного кинжала. Он казался воплощением отваги, упорства и мужской силы; и сердце Владычицы сладко замерло, будто плечи ее вдруг ощутили тяжесть ладоней киммерийца.

За возлюбленным шагали еще двое: девушка-пуантенка и пикт, оба – одного роста, почти неразличимые в бесформенных меховых плащах. Дайома подарила им пренебрежительную усмешку. Иного они не заслуживали: ничтожная смертная женщина, считавшая себя равной Владычице Снов, и дикарь-пикт, ничтожный смертный мужчина, возжелавший заменить несокрушимого Идрайна.

Конечно, возлюбленный тоже являлся смертным, но он был великим героем, для которого открывалась дорога к бессмертию. Подобные избранники судьбы не должны умирать! Так считала Дайома, и она надеялась, что благостный Митра, светлый Ормазд и Изида, покровительница любящих, подарят ей возлюбленного киммерийца на долгие годы – или хотя бы на три-четыре столетия. Лишь бы он вернулся! Тут, на Острове Снов, смерть не властна над ним!

Вздохнув, она отложила зеркало и принялась доставать из ларца магические предметы: жезл, чашу, браслет, нож и кусок бархата. Все эти вещи имели разный цвет, как и полагалось для задуманного ею колдовства; жезл был выточен из красного дерева, чаша сверкала

полированными малахитовыми боками, золотой браслет символизировал желтое, нож из обсидиана казался лезвием тьмы, а синий бархат – клочком вечернего неба.

Владычица кликнула служанок – Голубку, Белочку, Лисичку и остальных. Каждой она поручила нести один из колдовских амулетов, сама же взяла в руки зеркало; на лбу ее сверкал лунный камень. Неторопливо, торжественно, они миновали залу для пиршеств и подземный сад, потом поднялись по лестнице. Воины с лицами тигров и львов сопровождали их; один нес маленький резной столик из благовонного сандала.

Б гроте, открытом морю и небу, царила тишина; лишь ласково шуршали волны, набегая на золотистый песок, да где-то вдали, за прибрежными скалами, раздавался птичий щебет. Повинуясь жесту Дайомы, воин опустил столик из сандала и шагнул обратно к дворцовым вратам – туда, где замер строй фигур в доспехах из черепашьих панцирей, украшенных перламутром. Блестящие секиры и трезубцы лежали на плечах стражей, знак луны сиял на их щитах.

Владычица кивнула служанкам, и хоровод разноцветных одежд медленно закружился вокруг сандалового столика. Первая девушка расстелила на нем бархатную ткань; вторая поставила чашу, третья положила нож, четвертая – жезл, пятая – браслет. Закончив этот подготовительный ритуал, они отступили, и Владычица, сняв лунный камень на золотой цепочке, коснулась им поочередно чаши, ножа, жезла и браслета. Талисманы вспыхнули и засияли, каждый своим цветом, еще неярким, но готовым разгореться по первому же велению. Теперь Дайома разжала пальцы, и ее лунный камень скользнул в объятия синего бархата.

Она простерла руки к столу и чуть слышно зашептала:

Алый жезл,
Черный нож,
Зеленая чаша,
Синий бархат.
Белый камень,
Желтый браслет!
Слейтесь воедино!
Слейтесь, соединитесь,
Породите то, что я велю!
Вспыхни, мост меж берегами!
Вспыхни и соедини, потом – исчезни!

Слова были просты, но в звуках их, и в их чередовании, и в голосе Дайомы таилась магическая сила – не та, что сотрясает землю и горы, но иная, производящая воздействия хрупкие, тонкие и невесомые, едва колеблющие мировой эфир. Ибо что может быть более тонким, более хрупким и невесомым, чем радуга?

Красный луч протянулся от жезла и, частью смешавшись с черным, породил оранжевый цвет; чистые световые колонны, желтая и зеленая, вознеслись от браслета и чаши; испущенный же бархатом сияющий столб расщепился натрое: один луч был синим, а два других, соединившихся с белым и черным, блистали небесной голубизной и фиолетовыми гранями аметиста. Теперь над столом трепетал радужный стебель; он вытягивался вверх, в

вечернее небо, все сильней и сильней изгибался к востоку, превращаясь в многоцветную высокую арку бесплотного моста.

Дайома быстро подошла к столу, склонилась над ним; ее лицо окутывали яркие световые блики. Красный и оранжевый, желтый и зеленый, голубой, синий, фиолетовый… Иллюзорная радуга простиралась над островом и морем, летела к далекому берегу, к мрачной долине меж скалистых стен, к капищу, отмеченному пятью черными камнями, к груде посеревших костяков, к могучему телу, скованному необоримым сном…

Ощутив ее присутствие и ее могущество, крысоподобные демоны, дремавшие в куче костей, с паническим писком ринулись вниз, в свои смрадные подземные норы. Брезгливая гримаса исказила прекрасные черты Дайомы: Эти твари были так омерзительны! Но, преодолевая отвращение, она продолжала искать – пока ее бесплотная мысль не коснулась разума спящего исполина.

Она вздохнула с облегчением; как и ожидалось, пиктский друид не сумел обратить Идрайна в камень. Искра жизни все еще тлела в груди голема – слабая искра, но вполне достаточная, чтобы распалить животворный костер. Он даже видел сны – странные сны, наполовину человеческие, наполовину такие, что снятся скалам и утесам, вознесенным над морской гладью.

Довольно улыбнувшись, Дайома пробудила голема. Он встал, сжимая свою секиру, отряхивая с плеч обломки истлевших костей Сирандола; губы его шевельнулись, произнося слова почтения и покорности госпоже. Но Владычица Острова Снов нетерпеливо прервала Идрайна, напомнив, что он должен торопиться. Железный обруч на голове возлюбленного покажет направление; спеши же, спеши, верный слуга! Спеши, и помни о награде!

Огромные ступни голема давили кости и черепа, обращая их в серую пыль. Он преодолел магическую защиту пяти камней, сунул за пояс секиру и зашагал на север. С каждым мигом его движения становились все уверенней, походка – тверже; на лице, обычно бесстрастном, появилось выражение озабоченности.

Быстрей, поторопила его Дайома; спеши и помни о награде!

Голем вздрогнул и помчался плавными стремительными скачками. Подошвы его сапог оставляли глубокие вмятины в сырой почве.

Владычица Острова Снов со вздохом выпрямилась и отступила от стола; дело было сделано, сияющая радуга в небесах погасла. Она взглянула в свой магический кристалл, увидела возлюбленного, сидевшего у костра, и улыбнулась ему; затем повелительным жестом подозвала служанок.

* * *

Путь Конана отклонился к западу, к прибрежным утесам, за которыми бушевало море. Тут встречались сосновые рощицы и заросли разлапистых елей; тут, в укромных бухтах, прятались ванирские подворья – побольше, принадлежавшие вождям, и совсем маленькие, в которых обитала одна семья, какой-нибудь рыбак или охотник с женой и полудюжиной рыжеголовых отпрысков. Смутные мысли бродили у Конана в голове; он собирался заглянуть в подходящую ванирскую усадьбу и либо найти там дружину из крепких молодцов, готовых штурмовать хоть замок колдуна, хоть ворота мрачного царства Нергала, либо выведать, где можно разжиться сотней-другой воинов. Не исключалось, что такой визит мог закончиться

дракой. Все зависело от обстоятельств: как его примут, куда посадят, какой кусок поднесут – или предложат, вместо мяса и пива, понюхать лезвие секиры.

Размышляя на сей счет и прислушиваясь к грохоту волн, упрямо таранивших берег, он хриплым голосом напевал:

Рубите мачты, ребята, И снасти рубите тоже! Атоллы на горизонте Сияют коралловой кожей!

Песня будила невеселые воспоминания – о кормчем Шуге, старом псе, об Одноухом, десятнике стрелков, о Карате, парусном мастере, о мошеннике Броде, Кривом Козле, Стимо с бычьим загривком, недоумке Рикозе и прочих головорезах, ходивших с ним на «Тигрице». Эх, были б барахтанцы тут, не пришлось бы сговариваться с ванами, искать у них людей! С другой стороны, если б его парни были, к чему тогда мстить Гор-Небсехту, этой склизкой стигийской гадюке? – думал Конан. Тогда он бы о колдуне и слыхом не слыхивал, как и о Дайоме, Владычице Острова Снов!

Но судьба сулила иначе, и теперь, подбираясь к замку Кро Ганбор, Конан мечтал, как справит тризну по своему экипажу – причем не багряным барахтанским вином, а кровью! Вот только воинов у него маловато: один пикт и одна пуантенка…

С ванирами можно было сговориться – с каким-нибудь вождем, готовым обокрасть мать родную, не то что богатый замок. Вождем у ванов считался всякий, кто мог снарядить боевое судно и два-три десятка воинов, но такой предводитель Конану не подходил; для штурма Кро Ганбора требовался отряд побольше. Иногда он сожалел, что люди Никатхи остались в своих вересковых пустошах и лесах. На худой конец он мог бы повести на север и это воинство, преодолев свою неприязнь к пиктам – вот только чем бы закончилось дело? Пикты сражались каменным оружием, а у ванирской дружины Гор-Небсехта наверняка были стальные клинки и копья, крепкие медные кольчуги да бронзовые рогатые шлемы. Нет, думал Конан, против ванов лучше нанять ванов, если не имеешь под рукой кого получше – скажем, киммерийцев.

План его был вполне реальным, ибо смертельной вражды между ванирами и киммерийцами не было. Они то ссорились, то мирились; иногда вместе воевали с асами, иногда ходили в набег на Гиперборею, а временами случалось и обратное: киммерийцы и асиры, вступив в союз, обрушивались на Ванахейм. Многое зависело от вождей, от их междоусобиц и счетов друг с другом. Бывало так, что ван ненавидел вана сильнее, чем асира или киммерийца, и охотно принимал помощь иноплеменников, чтобы пустить кровь сородичу. И потому Конан полагал, что сможет с кем-нибудь сговориться – тем более, что в этих северных краях имя его пользовалось известностью и даже почетом. Вот только бы пикт не сделался помехой… Если он заявится в ванирскую усадьбу с Тампоатой, может случиться что угодно… Ваниры любили пиктов не больше, чем киммерийцы.

Тампоата же, не ведая о сомнениях Конана, бодро шагал вперед, размышляя вслух об обычаях пиктов и киммерийцев, о древних традициях и богах.

– Рассказывала мне мать, – говорил он, – что вашему Крому нет до людей никакого дела. Как появится на свет младенец, посмотрит Кром на него один-единственный раз, и если тот выживет, тогда богу вашему и заботы нет. А не выживет, так кидают младенца псам… Верно ли это?

– Верно, – подтвердил Конан.

– Плохой обычай. Наш Гулл заботится о всякой живой душе, и потому пикты многочисленны, как песок на морском берегу, а киммерийцев мало.

– Зато каждый словно скала, а песок, как ведомо всякому, расступается перед ударом камня.

– И поглощает его, клянусь волчьими ребрами! Нет, пикты – живучее племя, и никакие удары их не страшат! Возьми, к примеру, Семитху, о коем я рассказывал прошлый раз: смог бы киммериец, подобно ему, возродить целое племя?

– Ваш Семитха – хейворк, людоед, – возразил Конан. – Ничем не лучше кутруба! И племя он породил людоедское. Довелось мне поглядеть на ваших пиктов под Тасцеланом, лет восемь назад. В том, что они аквилонскую крепость сожгли, нет позора; в крепости сидели воины, стрелки да копьеносцы. Но потом начали они резать переселенцев, а тела их подвергать осквернению – полосовать ножами, выкалывать глаза, вырывать кишки. К чему?

– А разве киммерийцы не вырезают у врагов печень? – вскинулся Тампоата.

– Только у воинов. Я же говорил о мирных переселенцах.

– Мирных, как же! Она заняли исконные наши земли за Громовой рекой! Конаджохара и Боссонские топи издревле принадлежали пиктам!

Это было истинной правдой, и Конан ничего не ответил. Наступило молчание; путники медленно пробирались вдоль скал, не забывая поглядывать по сторонам. Безлюдные земли, разделявшие Пустоши Пиктов и Ванахейм, кончились, и теперь они могли в любой момент наткнуться на какую-нибудь усадьбу или на охотника-вана. Слева от них, на расстоянии полусотни локтей, тянулись прибрежные утесы, справа уходила на восток, широкая равнина, покрытая мхом и первыми ростками травы; в ванахеймской тундре наконец начиналось лето, короткое, как хвост сирюнча.

Разговорчивый пикт не мог вынести долгого молчания. Отбросив капюшон на спину, он поинтересовался:

– Про каких хейворков и кутрубов ты помянул? Что это за твари? И водятся ли в здешних местах?

– Хейворки – сыновья Ледяного Великана Имира, – пояснил Конан, – Ростом они втрое выше обычных людей и приходят вместе со снежными бурями. Сила их велика, но и от этих гигантов можно оборониться: не любят они жарких костров, раскаленных камней очага да черного теплого дыма. Опасней дочери Имира, ледяные девы. Пляшут они обнаженными среди вьюг, чаруют путника своим белоснежным телом и замораживают до смерти. Одни говорят, что можно отогнать их заколдованным железом, другие же уверены, что нет от них спасенья! Видел я одну…

– Когда? – с жадным любопытством спросил Тампоата.

– Лет шесть или семь прошло. Ходили мы тогда в набег с асирами на ванов. Все полегли в бою, кроме меня… Тут она и явилась!

– Как же ты спасся? Киммериец пожал плечами.

– Дело случая! Шли за мной побратимы, асы Ньорд и Хорса… Они-то и нашли меня, обмороженного, в снегу. Нашли, отогрели и спасли… А потом поведали о колдовских плясках Имировых дочерей… Правда, страшны эти девы лишь мужчинам, а над женщинами у них власти нет.

– Почему? – подала голос Зийна, обласкав Конана взглядом голубых глаз.

– Потому, малышка, что дочери Имира склоняют мужчин к любви и к смерти в своих ледяных объятьях. А женщине обниматься с женщиной толку нет.

– Значит, твоя девушка нас спасет в случае чего, – ухмыльнулся Тампоата. – И сейчас тепло, не время для метелей и вьюг… Стоит ли опасаться?

– Опасаться стоит всегда, – молвил Конан. – В Ванахейме даже летом падает снег.

Они снова замолчали, потом Зийна напомнила:

– Ты еще говорил о кутрубах…

– Кром! Эти твари опасней ледяных хейворков, потому как умеют летать! И еще они вечно голодны и пожирают людей словно баранов, фаршированных фисташками. Но водятся кугрубы в жарких краях, в горах и пустынях Иранистана, так что здесь они нам не страшны.

– И с ними тебе доводилось встречаться? – спросил Тампоата.

– Доводилось. С одним сидел я вместе в стигийской крепости, в темнице. Звали его Шапшум; огромный парень с волосатой шкурой и клыками длиной в ладонь…

Конан сделал паузу, припоминая. Молодой пикт толкнул его локтем в бок.

– Клянусь богами Леса, Неба и Луны! Каждое слово надо из тебя вытягивать, киммериец! Ну, сидели вы в крепости… А что потом?

– Потом вырвались на волю и разнесли ту крепость по камешкам. Правда, разносил Шапшум и жрал стигийцев одного за другим, а я искал в развалинах сокровища.

– И нашел?

– Нашел.

– А куда они делись?

Конан пожал плечами и усмехнулся.

– Куда деваются все сокровища? В сундуки кабатчиков, как ведомо всем… Многое я пропил-прогулял в Аргосе да Шеме, но остатков хватило, чтоб снарядить судно да набрать на Барахах добрую команду… Только и корабль тот, и люди мои пошли на дно по воле злобного колдуна.

– Это какого же?

– Того, в чьи владения мы идем, – коротко ответил Конан. Ему не хотелось распространяться о цели их странствий. Зийна не бросила бы его даже на краю света, а Тампоате достаточно было слов старого Зартрикса: мол, помоги киммерийцу уничтожить зло, что затаилось на севере, в каменных башнях у берега моря. Хоть пикт и был любопытен словно сирюнч, но лишних вопросов не задавал.

За недолгие дни совместных странствий Конан к нему привязался. Прежде глядел он на пиктов сквозь прицел арбалета, либо ловил на копье, либо бил секирой; и мало с кем из них довелось ему обменяться словом. Теперь же пикт шел рядом с ним, и постепенно Конану открывалась душа лесного народа: источники их безумной отваги, их кодекс чести, их предания и обычаи, жестокие, но по-своему справедливые. Правда, Тампоата, сын Никатхи и киммерийской пленницы, являлся необычным пиктом: не угрюмым, как его сородичи, а веселым, не молчаливым, но скорее разговорчивым и любопытным. И он, безусловно, был куда более приятным спутником, чем сероликий Идрайн. Он был человеком!

Сейчас Тампоата толковал об оружии.

– Разве железный топор крепче каменного? – говорил он. – Попробуй, ударь железом по камню – только искры полетят! Так что в крепости они равны. Но железо надо достать из земли и, как говорят, долго калить в огне, а потом трудиться над ним с молотами и другими хитрыми штуками, что позволяют держать раскаленный клинок или топор, острить его край, проделывать в нужных местах дыры. С камнем все проще: нашел подходящий осколок, оббил его, заточил – вот тебе и секира! К тому же железо поедает ржавчина, а камень…

– Пока ржавчина сожрет клинок, им можно срубить много голов, – прервал пикта Конан, поглаживая рукоять зингарского меча. – А если ты мажешь сталь жиром, то ей никакая

ржавчина не страшна.

– Жиром! – воскликнул Тампоата. – Жиром! Кормить мертвое железо добрым жиром, который можно съесть! Нет, это не для пиктов!

– Просто пикты прожорливы и ленивы, а потому не желают возиться с железом и выучить кузнечное ремесло.

– Пикты благородны и преданы обычаям старины! А в старину все делалось из камня.

– То время давно прошло.

– Ха! Для киммерийцев и прочих иноплеменников, не чтящих заветы Гулла, может и прошло! Но пикты живут по старым законам.

– Однако все остальные живут иначе. Пиктам хочется переупрямить весь мир?

– Пиктам нет дела до вашего мира!

Они заспорили: пикт горячился и сверкал глазами, доказывая преимущества каменных секир и копий с кремневыми наконечниками, Конан, усмехаясь, твердил свое. Наконец он остановился, вытянул руку к торчавшему слева огромному валуну и сказал:

– Видишь этот утес? Ставлю челюсть Крома против задницы Гулла, тебе не поразить его копьем! Слишком оно тяжело и неуклюже, и с пятидесяти локтей ты не попадешь даже в большой камень. Значит, не попадешь и в человека! А я сделаю это с легкостью. – Он взвесил в ладони зингарское копье с изящным листовидным лезвием.

– Не попаду? – Тампоата тоже остановился и сбросил на землю свой плащ, лук и колчан. – Считай, что Кром уже лишился челюсти!

Он начал раскачивать копье – массивное, с ясеневым древком и широким наконечником из пластины кремня.

С одной стороны она была заточена, с другой оканчивалась плоским язычком, вставленным в расщеп древка и залитым какой-то черной субстанцией. Поверх клея был туго намотан кожаный ремешок, а в него вплетены украшения – пара ярких перьев и связка пресноводных ракушек.

Мышцы Тампоаты вздулись под смуглой кожей. Глядя на его мощные руки и ухватку опытного копейщика, Конан уже не был столь уверен, что выиграет этот спор. Метательное орудие пикта и в самом деле казалось неуклюжим, но сила и ловкость юноши могли преодолеть сей недостаток.

Тампоата подмигнул Зийне, потом с усмешкой покосился на киммерийца.

– Сейчас ты увидишь, как пикты мечут копья!

– Кром! Как будто я этого не видел! – буркнул Конан. – Давай, крысеныш, бросай!

Копье молнией вылетело из руки Тампоаты, описало в небе плавную дугу и ударилось о вершину валуна, Пикт испустил победный вопль; черты его озарились торжеством, глаза сияли. Он даже подпрыгнул от восторга.

В следующий миг в воздухе сверкнула гудящая сталь, и Тампоата рухнул на землю. Страшный удар отбросил его на несколько шагов, опрокинул на спину; грудь пикта была рассечена до позвоночника, кровь хлестала потоком, но на лице все еще застыло победоносное ликующее выражение: он умер мгновенно, в момент своего торжества, не успев осознать, что умирает. Так гибнет юное дерево, срубленное одним могучим и безжалостным замахом клинка.

Конан, ошеломленный, услышал вскрик Зийны и тут же схватился за меч. Что за враги им угрожали в этой пустыне? Кто сразил пикта, еще вздох назад полного жизни и радости победы? Ваниры? Но разве сумел бы лучший их воин, лучший охотник подкрасться

незамеченным?

Туман бешенства перед глазами киммерийца рассеялся; теперь он ясно видел оружие, поразившее его друга. То была секира – огромная тяжкая секира из блистающей стали, какую не сумел бы метнуть на пятьдесят локтей ни один ванирский богатырь. Конан узнал ее.

Бормоча ругательства, он с лязгом вдвинул меч в ножны и повернулся к проклятому валуну. Копье Тампоаты лежало у его подножья, а рядом, наступив на древко ногой, стоял Идрайн. Конану показалось, что он попирает не деревянную палку, а шею мертвого пикта.

– Эй, серая нечисть! – рявкнул киммериец. – Зачем ты убил его?

На равнодушной физиономии голема не дрогнул ни единый мускул. Потом губы его шевельнулись, и Конан услышал:

– Он бросил в меня копье. Да и зачем тебе этот пикт, господин? Я снова с тобой. Я сберегу тебя лучше тысячи лесных крыс.

– Не смей их так называть, ты, недоумок!

– Я лишь повторяю твои слова, господин.

Конан безнадежно махнул рукой и повернулся к Зийне, По щекам девушки бежали слезы; склонившись над Тампоатой, она пыталась вырвать секиру из его груди, но та была слишком тяжелой для женских рук. Или, возможно, слишком крепко засела в костях.

* * *

Всматриваясь в картины, мерцавшие в глубине алтаря, Гор-Небсехт лишь недоуменно покачивал головой. Этот киммериец был мастером загадывать загадки! Сначала он оставил своего серокожего спутника на зингарском корабле, потом, как и было предусмотрено, ввязался в драку с пиктами, но эти тупые олухи не успели его прикончить: вновь появился серокожий и раздавил их, как волк давит стайку жалких сирюнчей. Некоторое время события были скрыты от глаз Гор-Небсехта – возможно, сказывалось влияние пиктских колдунов, больших искусников подпустить магические туманы и спрятать то, что они считали своей тайной.

Но скоро Гор-Небсехт вновь обнаружил киммерийца: тот уже очутился в тундре вместе со своей женщиной. Однако серокожего гиганта с ними не было, а вместо него добавился другой спутник, гораздо ниже ростом и не такой мощный на вид. Этот воин, облаченный в плащ из волчьей шкуры, был вооружен каменной секирой и копьем с кремневым лезвием, а в его колчане топорщились стрелы – и Гор-Небсехт готов был прозакладывать свою голову против комка снега, что острия этих стрел тоже высечены из кремня.

Пикт, несомненно, пикт! Но почему он связался с киммерийцем? Попал к нему в плен? Однако казалось странным, что победитель не отнял у побежденного оружия и обращается с ним вполне по-приятельски… И куда подевался серокожий?

С появлением исполина появилась и новая загадка. Серокожий прикончил пикта, и Гор-Небсехт не без удовольствия наблюдал эту сцену. Они, видно, вступили в поединок: пикт метнул копье, а серокожий – свою огромную секиру, разрубившую противнику ребра. Могучий удар! Стигиец не сомневался, что ни один из его ванов, ни Сигворд, ни Фингаст, ни отцеубийца Торкол, не могли бы повторить такого молодецкого броска.

Но, несмотря на тайны и загадки, окружавшие странствие киммерийца, ясным было одно: с каждым днем он приближался к Кро Ганбору. Разумеется, не без цели! И Гор-Небсехт

полагал, что та цель ведома лишь самому киммерийцу да рыжеволосой ведьме, Владычице Острова Снов.

Его дальние планы не изменились; стигийский маг все еще жаждал лично отправиться на остров и захватить его хозяйку. Но кое в чем он сделал исправления: например, решил отправить в усадьбу Эйрима не пятьдесят, а сто воинов, и сделать это побыстрее. Торкол и Фингаст присмотрят за Эйримом в четыре глаза, и когда их господин ступит на подворье ванирского вождя, все будет готово к плаванию. Власть над стихиями иногда возвращалась к Гор-Небсехту, временами же надолго покидала колдуна, но он полагал, что сотня воинов скомпенсирует его слабость.

Что касается киммерийца, то было бы изысканным удовольствием продемонстрировать его труп зеленоглазой ведьме. Пожалуй, гибель любовника могла бы окончательно ее сломить и погрузить в горе; а женщина в горести всегда ищет, к кому прислониться…

И Гор-Небсехт, дождавшись момента, когда Сила вернулась к нему, принялся собирать стаи темных облаков, насыщая их холодом, снегом и ледяными кристаллами льда. Памятуя о живучести и несомненной хитрости киммерийца, он озаботился привлечь союзников, коими раньше пренебрегал, уверенный в своем могуществе. Сможет ли он на сей раз поднять такую бурю, чтобы свирепствовала она дней пять или шесть, наверняка покончив и с киммерийцем, и с его серокожим спутником? Кто знает… Но если в снежных вихрях пурги им явится одна из дочерей Имира, они станут трупами. Холодными замерзшими статуями, очарованно глядящими в пустоту бескрайней тундры – туда, где в завораживающем танце изгибалось нагое манящее тело снежной красавицы. Ей не придется долго плясать; хватит времени с утра до полудня!

Выбрав подходящий момент, Гор-Небсехт отправил мысленное повеление и получил ответ. Имир, жестокий великан, властвовавший над равнинами Ванахейма, был доволен; он ненавидел все живое и не упускал случая расправиться с путниками, особенно – с чужаками. По этой же причине он ненавидел и Гор-Небсехта, но не мог причинить ему зла: стигиец не страшился холодов, ибо сердце его давно покрылось ледяной броней. И танцы снежных дев были ему не страшны; он жаждал обладать не красавицей из льда, а рыжекудрой зеленоглазой женщиной, с теплой плотью и горячей кровью. Пожалуй, он даже любил ее – на свой манер, как любят люди с холодной душой, для которых это чувство неотделимо от безраздельного и полного владычества над предметом страсти. Самопожертвование любви было ему неведомо.

ГЛАВА 10
СКАЛЫ И ЗАМОК

Пятеро обитали в мире, но кроме них был он полон иными существами, столь же удивительными и непохожими друг на друга, как эти пятеро. Были Древние Боги и Демоны, паривши среди звезд; были их ипостаси, что наблюдали за обителью смертных, принимая облики Добра и Зла – в том смысле, как Добро и Зло трактовалось людьми; были и сами люди, служившие для развлечения богов. Но этим не исчерпывалось разнообразие; у каждого божественного создания имелось множество помощников, а люди обладали душами, которые в свой срок уносились на Серые Равнины, где ждали нового воплощения или Великого Суда. Воистину, мир был сложен и полон чудес, способных обрадовать или устрашить всякого из обитавших в нем!

Имир!

Дух Изменчивости был заинтересован – едва ли не восхищен! – ловкостью Избранника. Он даже задумывался над тем, не вернуть ли стигийцу свое прежнее благоволение и покровительство, но мысль переселиться в тело удачливого Эйрима либо другого воина уже овладела Им; Он решил ничего не менять, лишь изредка подталкивая ситуацию к неминуемой развязке.

Но Избранник, этот Гор-Небсехт, был хитер! Там, где не хватало собственной его силы, он собирался использовать ванирского божка, злобного демона, коему поклонялись рыжебородые потомки полярных обезьян. Впрочем, ни ваниры (если не считать Эйрима), ни их бог не вызывали у Аррака никакого интереса, и всю затею стигийца он рассматривал совершенно под иным углом зрения, чем сам Избранник.

Серокожий! Этот гигант, искусный и безжалостный воин, казался ему все более и более любопытным. Конечно, он – прах земной, как и Эйрим, и Гор-Небсехт и прочие людишки; но в этой серой горстке праха встречались твердые камни, свидетельство незаурядной жестокости и крепкого характера. Не всякий человек способен разделаться с ближним без лишних разговоров, бахвальства или боевых кличей; даже разбойники и воины должны ощутить яростный жар в крови, гнев и тягу к убийству, позволяющую вскинуть меч и опустить его на живое. Для того и служат грохот барабанов, рев горнов, воинственные вопли и звон оружия – а также вино, вызывающая бешенство жвачка и приказы командиров.

Но серокожему, видно, все эти ритуалы были не нужны. Он оставался холоден, как лед; только поднял свою огромную секиру и метнул ее – в точности туда, куда положено. Смахнул пикта в сумрак Серых Равнин, будто комара! С полным и восхитительным безразличием.

Такой поступок говорил о многом – к примеру, о том, что у серокожего гиганта были задатки великого военачальника. Только воистину великий полководец (хоть все они – прах земной, напомнил себе Аррак) способен равнодушно слать на гибель тысячи и тысячи солдат, способен разграбить город и подвесить всех его жителей на столбах или насадить на колья, способен сжечь храм любого божества, спалив заодно и женщин с детьми, которые ищут в нем спасения. Только великий может безбоязненно колесовать и четвертовать,

заливать в глотки мятежникам расплавленный свинец, стравливать их с дикими зверями; только великому под силу произвести столько покойников, что на Серых Равнинах не хватит места их бесплотным душам. По крайней мере, все эти деяния требуют безжалостного сердца и крепкой руки… Как раз того, что необходимо завоевателю мира!

Размышляя об этих вещах, Дух Изменчивости не забывал и своего намерения испытать гиганта. Магическая пурга и пляски Имировых дочерей были вполне подходящей проверкой; если серокожий переживет и это, значит ему не нужна и женская любовь – ни смертных красавиц, ни бессмертных, сотканных из снега, леденящей страсти и похоти. А раз так, женщина не склонит его к слабости, не зачарует, не опьянит своей прелестью, не испросит пощады… Воистину великий должен оставаться равнодушным к женским мольбам.

Что ж, посмотрим, думал Аррак, сливая свою мощь с желанием Избранника. Имир, коего и близко не подпустили бы к Предвечным Вратам и Небесным Градам, подчинился Ему с охотой: чувствовал силу Древнего Духа, да и дочери его желали позабавиться. Оставалось лишь выбрать, кто из них заморозит кровь путников.

Но это мелкое дело Аррак оставил на усмотрение ванахеймского божка.

* * *

Они похоронили Тампоату по обычаю северных пиктов: связали ноги веревкой и подвесили тело на древесной ветви. К несчастью, в этих местах не было дубов, и Тампоате пришлось удовольствоваться сосной. Зато Конан выбрал высокое и мощное дерево, чьи узловатые корни раздвигали камень и тянулись к самым недрам земли, высасывая скудные соки. Сосна росла на склоне берегового утеса, и густая крона ее приняла Тампоату в свои колючие объятья, а потом дерево начало раскачивать пикта, словно успокаивая и утешая; он висел среди темно-зеленых ветвей, и боги Леса, Неба и Луны глядели на него. Хоть Тампоата погиб не в бою, Конан полагал, что его дорога на Серьге Равнины будет легкой.

В угрюмом молчании они продолжили свое странствие. Конан и Зийна шли впереди, не оборачиваясь и не говоря ни слова Идрайну; тот равнодушно шагал следом. Прибрежные скалы становились все выше, теснили тундру к востоку, а море – к западу. Иногда Конан забирался на какой-нибудь утес и осматривал местность; раза два или три он видел дым, но струйки его казались тонкими, жидкими, не походившими на темный столб, что обычно висит над крупным поселением. Малые же подворья киммерийца не интересовали. Ему хотелось разыскать богатую усадьбу, где в длинном бревенчатом доме зимуют сотни дружинников, где кладовые полны сушеным мясом, соленой рыбой, ячменной мукой и бочонками с пивом, где под высокими кровлями покоятся до лета боевые ванирские ладьи со смолеными бортами и деревянными страшилищами на остроконечных носах. Вождь, господин большого поселения, наверняка слышал о замке Кро Ганбор, наверняка прикидывал, что и как там можно взять, если найдется удалец, который прирежет колдуна. Конан как раз и собирался выступить в этой роли. Возможно, ваниры и не поверят ему на слово, но он надеялся, что сможет их убедить. Ведь он владел зачарованным клинком, способным рассечь камень и сталь! Какие еще доказательства нужны этим рыжим ублюдкам?

Был у него и слуга, способный вогнать в дрожь любого храбреца, но Конан не рассчитывал на его помощь. Люди сами должны сводить счеты меж собой, и пусть с

ванирами Гор-Небсехта разберутся другие ваниры – ну, а он, Конан из Киммерии, разберется с колдуном! А после того отправится с заржавленным кинжалом на далекий остров Дайомы… Или, быть может, не возвращаться туда вовсе? Конечно, он обещал, но коль дело будет сделано, он станет свободным… Да, свободным! А доказательства, которые нужны рыжеволосой, принесет Идрайн, верный ее истукан… Хоть какая-то будет от него польза…

К полудню, на второй день после гибели Тампоаты, за спиной Конана вдруг раздался негромкий голос:

– Господин! Конан обернулся.

– Там человек! – Голем тыкал секирой в сторону прибрежных скал. – Прячется за камнями! Прикажешь достать?

– Я сам достану, серозадая обезьяна. Стой где стоишь! Киммериец воткнул копье в землю и с вытянутыми руками направился к черным базальтовым утесам. Их склоны, иссеченные ветром, были покрыты глубокими трещинами; одни из них походили на морщины, другие – на шрамы от затянувшихся ран, а третьи зияли подобно огромным разрезам, проделанным топором гиганта. Камни, выбитые из скалистой тверди, валялись внизу беспорядочными грудами, и были среди них всякие – от таких, что величиной с барана, до таких, в коих можно было бы выдолбить пещеру для небольшого племени троглодитов. Идрайн показывал как раз на одну из самых крупных глыб.

Подойдя к ней ближе, Конан рявкнул:

– Эй, выходи! Не бойся! Сегодня я обещал Крому не трогать рыжих!

– Зато с меня Имир не брал никаких клятв, черный хорек! – раздалось в ответ, и из-за камня выступил огромный ванир. Его засаленные огненно-красные лохмы падали на плечи, борода казалась бесформенным шерстистым клоком, куртка была распахнута и обнажала могучую, заросшую рыжим волосом грудь, а кулаки, тоже в рыжей щетине, походили на два тяжелых молота – в точности таких, какими, как помнилось Конану, его отец плющил раскаленное железо в своей кузнице. У пояса ванира висел топор, а у ног его валялась вязанка хвороста, перетянутая ремнем из китовой кожи.

– Ну, чего ты ищешь на моей земле, хорек? – рявкнул рыжеволосый. – Клянусь задницей моржа, здесь никому не дозволено бродить без дозволения Хорстейна, сына Халлы! Особенно вору-киммерийцу!

– А дорого ли стоит твое дозволение? – спросил Конан.

– Мешок серебра! Вот такой! – Огромные лапы ванира раздвинулись, потом описали в воздухе круг. Похоже, речь шла о мешке размером с бычью голову.

Конан, покачав головой, оглядел унылый берег, торчавшие кое-где ели да сосны, бесплодный скалистый обрыв и уходившую к востоку тундру.

– Незавидные у тебя земли, Хорстейн, сын Халлы, – сказал он, – и красть тут вору-киммерийцу нечего. Вдобавок не вижу я на скалах рун или иных знаков, коими было бы отмечено твое право на владение землей. Сдается мне, что ты, лживый пес, просто хочешь ограбить путников, а?

Пасть рыжеволосого растянулась в ухмылке.

– Может, и хочу! А руны, о которых ты толкуешь, я готов вырубить своей секирой на твоей шкуре!

Он взялся за топорище, но Конан, расстегнув пояс с мечом, бросил оружие на землю и предложил:

– Мешок серебра не стоит ни твоей жизни, ни моей. Не хочешь ли помериться силами

без острого железа? Победишь – серебро твое, проиграешь – так хоть останешься жив. Годится, рыжий шакал?

Ванир смерил киммерийца недоверчивым взглядом.

– А есть ли у тебя серебро, вонючий хорек? Ты не походишь на человека с набитым кошельком.

Конан вытащил из-за пазухи кожаный мешочек – тот самый, который он взял у мертвого матроса с зингарского корабля. Распустив завязки, он высыпал на широкую ладонь несколько монет – полновесных кордавских даблантов с изображением лика Митры. Глаза Хорстейна жадно блеснули.

– Вот, видишь, – побренчав монетами, киммериец опустил их в кошель, а кошель бросил на землю рядом со своим мечом. – А у моего слуги, вон того парня с серой рожей, есть целый мешок серебра – как раз такой, какой ты хочешь.

– Ладно! – Ванир с видимой неохотой расстался со своим топором и, задрав голову, посмотрел на небо. – Вроде бы непогода собирается, – сообщил он. – Ну, ничего; до бури я тебе бока-то обломаю и загривок намну, киммерийский хорь.

Ванир стащил куртку. Торс его оплетали могучие мышцы, а левое предплечье пересекал шрам, явный след молодецкого удара клинка. Готовясь к схватке, Хорстейн даже не полюбопытствовал, что причитается с него в случае проигрыша – видно, не сомневался в своей победе.

Киммериец, сбросив плащ, потуже насадил на голову железный обруч – схватка, кажется, предстояла жаркая. Он мог бы предложить ваниру поединок на ножах и прирезать его, как лесную свинью, но такой исход в планы Конана не входил. У него были свои виды на этого рыжеволосого дикаря.

Противники сошлись, и Хорстейн, без долгих раздумий, метнул огромный кулак – прямо в подбородок киммерийцу. Конан подставил плечо и крякнул; удар был силен! Но слишком прямолинеен и неискусен. Вряд ли ванир обучался правильному кулачному бою, коим владели мастера Заморы, Немедии и Аквилонии, обучавшие за плату всех желающих. Конан, правда, никому и ничего не платил, а постиг все нужные приемы во время жарких сражений в харчевнях и кабаках «Пустыньки», воровского квартала Шадизара. Годам к двадцати ему уже не было равных в умении своротить челюсть какому-нибудь пьянчуге или слишком возомнившему о себе бандиту.

Он подождал, когда Хорстейн сделает новый выпад, чуть-чуть отступил в сторону и, оказавшись за спиной ванира, наградил его увесистым пинком. Рыжеволосый растянулся на земле, угодив лицом в свою вязанку хвороста. Когда Хорстейн вскочил, Конан с удовольствием убедился, что щеки у него расцарапаны, а на шее багровеет здоровенная ссадина.

– Ну, хватит с тебя, рыжая шкура? – спросил киммериец.

Ван, изрыгая проклятья и поминая через слово то моржовую задницу, то протухшие кишки кита, то блевотину Имира, вновь ринулся на противника. Некоторое время двое мужчин кружили по истоптанной, заваленной щебнем земле, обмениваясь ударами; вскоре у Конана расцвел огромный синяк на ребрах, а у Хорстейна был подбит глаз и рассечена бровь. Струйки крови, мешаясь с потом, текли по его виску, заливали ухо и исчезали где-то в дебрях нечесанной бороды.

При очередном повороте Конан очутился спиной к скалам, лицом к своим спутникам, стоявшим шагах в двадцати. Зийна выглядела спокойной, лишь пальцы ее стискивали рукоять

меча да веки едва заметно трепетали при каждой новой атаке ванира. Физиономия же Идрайна напоминала запечатленный в камне лик высокомерного демона, следившего за схваткой пары псов. Казалось, на ней написано: хочет господин потешиться, пусть тешится, да только к чему? К чему, если все можно покончить одним ударом?

Конан, не упуская из вида мелькавших перед ним рыжих кулаков, еще раз покосился на голема и удивленно вздернул брови: такого выражения на лице Идрайна он раньше не замечал. Равнодушие – да, но равнодушное высокомерие? Похоже, каменный исполин начал очеловечиваться, и первым знаком этого стало презрение – презрение к жалким людишкам, которых он мог рассечь своей секирой от шеи до паха. Надо бы получше приглядеться к серокожему, решил Конан, увертываясь от выпада ванира.

Внезапно Хорстейн наклонил голову и бросился на него, ударив теменем в челюсть. Жесткие грязные волосы на миг забили рот Конана; он вцепился в них зубами и дернул, выдрав изрядный клок. Ван зарычал. Его мощные руки обхватили торс противника, пальцы сошлись с замок на спине; Конан тоже обхватил его, вовремя сообразив, что происходит. Видно, Хорстейн догадался, что в бою на кулаках ему не совладать с искусным врагом, и решил попросту раздавить ему ребра. Силы для этого у вана имелось с избытком.

Теперь соперники сражались грудь о грудь, сжимая Друг друга в богатырских объятьях; лица их покраснели, налились кровью, жаркое дыхание вырывалось из распяленных ртов, глаза вылезали из орбит, мышцы подрагивали от напряжения. Они походили сейчас на двух львов, рыжего и темногривого, сошедшихся в смертельном поединке – пасть к пасти, клык к клыку, коготь к когтю. Киммериец давил, но ван не уступал; ванир нажимал, но киммериец держался.

Наконец Конан просунул ногу меж широко разведенных колен Хорстейна, выбрал подходящий момент и ударил вана пяткой по голени. Они свалились; Конан был наверху, Хорстейн – внизу, и затылок его глухо стукнулся о каменистую землю. Падение и крепкий удар оглушили вана – совсем ненадолго; но этого времени Конану хватило, чтобы поймать могучую длань рыжего, заломив ее в локте. Резким рывком киммериец перевернул Хорстейна на живот, продолжая выворачивать руку. Теперь ванир разъяренным медведем рычал и бился под ним, но никак не мог освободиться; было ясно, что стажировки в шадизарских кабаках этот увалень не проходил.

Конан поймал его вторую руку, уселся на крестец поверженного соперника и придавил коленом хребет.

– Ну, ты все еще хочешь услышать, как бренчат монеты в моем кошеле? – поинтересовался он. – Или хруст твоих костей будет звучать приятнее?

– Пуу-стии… – прохрипел ванир, не прекращая, однако, попыток к сопротивлению. – Пуу-стии… хорр-рек!

Конан обозрел необъятную спину, поросшую рыжим волосом.

– Я могу сломать тебе шею, хребет или руку… Могу и отпустить! Выбирай, отрыжка Имира.

Он немного ослабил захват, и Хорстейн пробормотал:

– Отпусти! Но чего ты за это хочешь?

– Ничего! Почему ты решил, что я возьму с тебя выкуп?

– Не бывало еще, чтоб разбойник-киммериец отпустил честного ванира без выкупа!

Конан расхохотался и встал, разжав стальные тиски на руках рыжеволосого. Этот Хорстейн не внушал ему неприязни – пожалуй, даже нравился.

– Я тебя отпускаю, рыжая шкура. Все, что ты мне должен – пара-другая историй.

– Каких еще историй? – подозрительно спросил ванир. Он сел и, морщась, начал растирать запястья.

– Ну, к примеру, о том, чья это земля на самом деле, – Конан сплюнул в сторону скал. – Оборванцу вроде тебя положено всего шесть локтей, причем не на земле, а под землей. И если эти богатые угодья, – он сплюнул в сторону тундры, – в самом деле имеют хозяина, то зовут его никак уж не Хорстейн, сын Халлы.

– Ты не прав, – возразил рыжий. – Берег этот ничей, а значит, мой, клянусь сосульками в бороде Имира! Вот дальше, за моими землями, – Хорстейн ухмыльнулся, помянув о «своих землях», – лежит бухта Рагнаради, принадлежащая Эйриму Удачнику. Еще зовут его Высокий Шлем, потому что носит он на голове железный горшок с навершием в пол-локтя, взятый не то в Гандерланде, не то в самой Аквилонии. Он, этот Эйрим…

– Господин! – донеслось сзади, и Конан, обернувшись, увидел, что Идрайн помахивает секирой. – Господин! Должен ли я подойти и снять голову с твоего врага?

– Стой! – рявкнул Конан. – Стой на месте! И расстели плащ, чтобы моя женщина могла сесть! А этот ванир мне не враг. Я желаю с ним поговорить.

Ему не хотелось, чтобы Хорстейн разглядел голема вблизи. Можно было биться о любой заклад, что рыжеволосый ванир не станет рассказывать всем и каждому о своем поражении, но об удивительном серокожем существе ростом в семь локтей он мог и проболтаться. Лишние же слухи Конану были не к чему.

– О! – произнес Хорстейн, выразительно подняв палец и усаживаясь на вязанку с хворостом. – О! Господин! Видать, ты не простой человек, киммерийская рожа, коль тебя величают господином!

– А как еще слуга должен звать хозяина? – буркнул Конан, поднимая плащ, пояс с мечом и кошелек зингарского матроса. Пояс он затянул вокруг талии, плащ набросил на плечи, а кошелек принялся подбрасывать в руках. Монеты в нем звенели тонко и соблазнительно.

– Значит, за твоими землями находится бухта Рагнаради и поселение Эйрима Высокого Шлема, – произнес киммериец. – А далеко ли до него?

– За день можно добраться, – сказал Хорстейн. – За день, если не разыграется буря. А коль разыграется, то не доберешься вовсе. – Он привстал и, щурясь, оглядел горизонт и небеса. Их начали затягивать темные тучи.

– Какие же земли лежат за уделом Эйрима? – спросил Конан, словно бы не слыша последних слов ванира.

– Там есть еще десяток подворий, а за ними – Кро Ганбор, каменные башни да стены, а посередь них – злобная крыса, прокляни ее Имир! А дальше ничего нет, только вечные льды да снега, где и летом сдохнешь с голоду, если не навостришься жрать волчатину. Ты как насчет волчатины, киммериец?

– Мне больше по нраву крысятина. Ты вот обмолвился насчет крысы за стенами Кро Ганбора… Это кто ж таков?

Огромный ванир повел плечами, будто поежился, и внезапно севшим голосом пробормотал:

– Колдун, поганые моржовьи кишки! Живет там столько годов, что и старики не упомнят, когда он появился в наших краях… – Тут Хорстейн поднял глаза и произнес еще тише: – Ты, киммериец, здоров драться… шустрый, видно, парень! Но не советую я тебе подходить к стенам Кро Ганбора. Может, и уйдешь обратно, да только в медвежьей шкуре.

Или в волчьей… Это уж как чародею будет угодно!

– Боишься его? – спросил Конан. Ответом было лишь угрюмое молчание, и он, стиснув в ладони кошель с монетами, задал новый вопрос: – А что, Эйрим Высокий Шлем тоже боится колдуна?

– Ну, боится – не боится, а опасается, – буркнул ванир. – Что мне за Эйрима говорить? Он – вождь, а я – простой ратник. У него – корабли, и люди, и удача… А у меня что? Топор да жена, порог да очаг, а при нем – шестеро малолетних…

– Да, небогат ты, Хорстейн, сын Халлы, хоть и владеешь обширными землями! – Конан в последний раз подбросил кошель в ладони и швырнул его на колени рыжеволосому. – Держи! Только не рассказывай всем, что ты ограбил киммерийца и намял ему загривок! А теперь я хочу послушать про Эйрима. Большой ли он вождь? Храбрый ли? Сколько у него кораблей и воинов? Велика ли его сила?

– Большой вождь! Выходит в море на трех кораблях, и людей у него сотни! Да, большой вождь, – с ухмылкой протянул Хорстейн, – храбрый и удачливый, да только кончилась его удача…

– Это почему ж?

– Ну, сам я не видел, но люди говорят, что прислал к нему колдун своих воинов. И двух старшин из своего войска, Торкола и Фингаста. Оба изгои! Один руку на отца поднял и братьев порешил, да и другой не лучше. Моржовый клык им в брюхо! – Хорстейн откашлялся, сплюнул и позвенел монетами в кошеле. – А за серебро спасибо, киммериец. Чем же я тебе удружил? Или рад был кости поразмять?

– И кости ты мне размял, и истории забавные поведал, – усмехнулся Конан. – Теперь я знаю, к кому мне идти.

Он повернулся и сделал шаг к своим спутникам.

– Ну, иди, – буркнул Хорстейн ему в спину. – Только шел бы ты лучше к моему очагу, парень. Хоть и не Эйримовы хоромы, а много ближе, и метель там переждать можно. Буря надвигается, говорю тебе! А в бурю надо сидеть под крышей, у огня. Ведомо ли тебе про Имировых сыновей, ледяных великанов? Они шутить не любят!

– Ведомо, – отозвался Конан. – Я их не боюсь.

– А как насчет снежных дев, дочерей Имира? Их тоже не боишься? – произнес Хорстейн, сын Халлы, пряча кошелек в пояс.

Но Конан его уже не расслышал.

* * *

Конечно, и про снежных дев было ему ведомо, и про то, что даже летом случаются в Ванахейме сильные метели, но рассчитывал он, что вьюга будет недолгой и удастся пересидеть ее у скал, паля костер, а вечером – или уж в крайнем случае, на следующее утро – дойти до богатой усадьбы Эйрима, удачливого и храброго вождя, и глотнуть там подогретого пива. А заодно поглядеть, что делают на Эйримовом подворье посланцы Гор-Небсехта, два изгоя, которых ни в одном ванирском доме принимать не положено.

Но не успели путники сделать и тысячи шагов от того места, где расстались с рыжим Хорстейном, как небо затянула белесая мгла, вершины прибрежных утесов потемнели, а в воздухе закружили снежные пушинки. Они падали вниз, пока еще медленно и неторопливо,

скрывая землю белоснежным пологом, одевая скалы в мягкие искрящиеся одежды, вымораживая едва пробившуюся траву, оседая на капюшонах плащей из волчьего меха, поскрипывая под ногами. Мир вокруг замер; куда-то исчезли юркие сирюнчи, не кружились над их норками полярные совы, скрылись под снеговым покровом буро-зеленые мхи и серые камни. Все стало белым-белым, как саван покойника.

Конан, разглядев слева скальный козырек и нишу под ним, повел туда свой маленький отряд. Конечно, это жалкое убежище не могло сравниться с гротом Дайомы – ни золотого песка, ни высоких сводов, ни сияющих врат с изображениями луны и созвездий здесь не было. Зато была корявая и толстая сосна, выросшая у самого входа, и Конан, ткнув в ее сторону рукой, приказал голему:

– Руби!

Идрайн взялся за топор, дерево застонало и рухнуло после четвертого удара. Серокожий принялся обрубать ветви, Зийна торопливо складывала их в кучу, Конан высекал огонь. Сейчас он уже ругал себя, что не согласился пойти к Хорстейну, да было поздно. Рыжий ванир исчез в скалах; кричи – не докричишься. А искать его усадьбу в начинавшемся снегопаде казалось чистым безумием.

Они успели разложить костер. Идрайн, повинуясь команде хозяина, сунул в огонь огромный смолистый комель срубленной сосны, и пламя забушевало. Черный дым взлетел вверх, снежные мухи бессильно таяли в жарких рыжих языках, теплый воздух дрожал над костром. Но света было немного: белесая мгла, затмившая солнце, не позволяла видеть далее десяти шагов.

Конан и Зийна уселись на подстилку из ветвей, закутались в плащи, прижались друг к другу, сберегая тепло. Голем прислонился к скале, по-прежнему равнодушный и невозмутимый, но киммерийцу показалось, что в глазах его поблескивает злорадство. Конечно, то было лишь иллюзией, игрой воображения; каменный исполин желал получить награду, человеческую душу, а к этой цели вела лишь одна дорога: служить верно и преданно, Зийна пошевелилась, положила головку на плечо киммерийца; выбившаяся из-под капюшона золотистая прядь коснулась его губ.

– Таких снегов в Пуантене не бывает, – тихо молвила девушка, с затаенным страхом рассматривая сугробы, выраставшие прямо на глазах. Она не боялась стрел и копий, мечей и топоров, но буйство стихии пугало ее, напоминая о собственной ничтожности и беззащитности. Вглядываясь в белесый туман, она видела оскаленные пасти снежных духов, их жадные разверстые глотки, острые ледяные зубы; ей мнилось, что звенящую тишину вот-вот нарушит тяжкая поступь Имира, владыки ванахеймских равнин.

Конан обнял ее за плечи, привлек к себе.

– Не тревожься, моя красавица. Здесь и летом случаются снежные бури, но ярость их не бывает долгой, клянусь Кромом! Лучше думай о том, что мы почти добрались до цели, а значит, скоро повернем назад. К твоему Пуантену, к его виноградникам, к берегам Алиманы!

Зийна вздохнула.

За пламенной завесой костра продолжал идти снег.

Снег был на редкость густым, он прикрывал мир мутной мглой, и не кружился, не танцевал в воздухе, а падал отвесно, извергаемый невидимыми тучами. Легкие пушинки да белые мухи превратились в большие хлопья; ни неба, ни ближних скал было уже не разглядеть, а тундра исчезла совсем, словно ее навеки погребли снега – и травы, и мхи, и норы сирюнчей, и редкие деревья.

– Вот место, где кончается власть Митры, – произнес Конан, вытянув руку к снежной стене. – Тут свои боги, и играют они в свои игры.

– Нет, милый, нет! – воскликнула Зийна. – Скрылось лишь солнце, око Митры, но бог не покинул нас. Он с нами!

Девушка произнесла это с такой уверенностью, что Конан усмехнулся.

– С нами? Где же?

Она прижала руку к груди.

– Тут! В наших душах! Помнишь, ты рассказывал мне о людях, которым дозволено метать молнии? О тех, что носят в душе частицу божественного пламени? – Конан кивнул, не понимая, к чему она клонит. – Подумай же, милый: если б ты владел таким даром, разве молнии Митры покинули бы тебя, испугавшись метели? Конечно же нет! А значит, и бог был бы с тобой. И ты разметал бы тучи, снег и туман огненными стрелами!

– Но такого дара у меня нет, – сказал Конан, чувствуя, как стужа заползает под волчий плащ, как мороз холодит лицо. – Да, такого дара у меня нет, и вот весь огонь, которым я владею. – С этими словами он протянул руку к костру, а потом ощупал свой наголовный обруч. Защитит ли магия железного кольца Дайомы от злобных отпрысков Имира? – думал киммериец. Сможет ли он поразить их заколдованным ножом? Возможно, и так, но лучше, если б эти твари вообще не появились… Что делать им тут, у морского берега, вдали от гор с ледяными вершинами? Да еще летом?

Пламя костра дрогнуло; поднимался ветер. Он дул не с моря и не с равнины; он кружил, вращался тысячью малых вихрей, и каждый из них напоминал крохотное подобие смерча, увиденного Конаном когда-то на Острове Снов. Только тот вихрь, принявший облик Сета, Владыки Вечной Ночи, был похож на огромную черную змею, а эти змейки казались белыми и расплывчатыми, словно призраки. Они метались, дергались и плясали, подчиняясь ветру, который выл все пронзительней, все громче, пока голос его не заглушил треск ветвей в костре. Стужа леденила спину Конана, и он, пытаясь согреться, повернулся боком к костру.

– Снежные демоны пришли, – со страхом сказала Зийна, крепче прижимаясь к нему.

– Нет, – возразил Конан, – нет. Просто ветер кружит снега.

Но он не испытывал в том уверенности; в танце белых змеек чудилось ему нечто завораживающее. Впрочем, они уже не были змейками.

Белые смерчи заметно выросли. Сначала они доставали всего лишь до колена, потом поднялись вровень с плечом и, наконец, превзошли человеческий рост – в два, в три раза, в десять раз… Они тянулись к невидимому небу, бросали в лицо Конану горсти ледяных обжигающих игл, морозили кожу. Костер еще защищал; от него струилось благодетельное тепло, и огненные языки, лизавшие скальный козырек, жаркой завесой отделяли двух путников от белой пустыни. От холода и ветра. От ярости разбушевавшейся вьюги. От смерти.

– Смотри! – Зийна протянула дрожащую руку. – Смотри, милый! Дракон! Скалит на нас клыки…

– Нет, – Конан поднял лежавшее на коленях копье и пошевелил пылающие ветви. – Нет! Это метет поземка, и снежные ее струи напомнили тебе змея.

Может быть, и так, – сказал он себе, вглядываясь в белесую круговерть. А может быть, и в самом деле дракон… Но драконы его не пугали; он готовился к более страшному. Завораживающая пляска белых змей притягивала его взгляд, проникшая под плащ стужа леденила сердце.

Белые змеи стали огромными колоннами, вращавшимися и кружившими на фоне мутной мглы, под дикое завывание ветра. Но одна из них почти не увеличилась в размерах; она была по-прежнему небольшой, не выше плеча рослого мужчины. И не походила на змейку; скорее, на развевающийся плащ или хитон, небрежно наброшенный на плечи. Чьи плечи? Конан не мог этого сказать. Иногда сквозь белесую пелену вдруг проступали очертания прекрасного лица, пленительной груди, точеного колена; затем киммериец видел лишь развевающийся по ветру снежный балахон. Это бесплотное одеяние все приближалось и приближалось к костру, и жаркое пламя вдруг начало угасать. Его языки уже не облизывали нависший над головой Конана камень, а лишь тянулись к нему, то вспыхивая ярче, то опадая, словно увядающий алый цветок.

– Костер! – воскликнула Зийна. – Костер гаснет, милый! – В голосе ее звучал ужас.

– Ветер задувает пламя, – произнес Конан, едва шевеля заледеневшими губами. – Идрайн! Иди сюда! Передвинь бревно ближе к огню!

Ответом ему было молчание. Пробормотав проклятье, киммериец вытащил пылающую ветвь и вытянул ее на длину руки. Неяркий свет упал на застывшую фигуру Идрайна, словно прилепившегося к скале; глаза голема были выпучены, рот приоткрыт, на серых коротких волосах лежал снег. И снег бугрился на его плечах, покрывал грудь, заметал ступни, щиколотки, колени, подбирался к секире в безвольно опущенной руке, превращая серое каменное изваяние в высокий бесформенный сугроб.

– Что с ним? – прошептала Зийна. – Он сможет нас защитить?

– Проклятое чучело! Теперь он не защитит и собственного зада, примерзшего к скале!

– Но ведь Идрайн не… не человек… – теплое дыхание девушки на миг согрело Конану щеку. – Он не боялся холода!

– Холода – нет! Только волшбы!

Преодолевая сопротивление застывшего тела, киммериец привстал и с яростным воплем метнул копье в колыхавшийся перед костром снежный балахон. Наконечник и древко пронзили вихрь, исчезли в белесом тумане; до Конана и Зийны долетел негромкий смех.

– Она… – тихий голос девушки был полон ужаса. – Она… Дочь Имира… Пришла…

Руки Зийны задвигались, творя священные знаки Митры, но хрустальный смех не умолкал. Видно, прав был Конан: Митра не видел их и не мог защитить. Или не желал.

Над гаснущим костром пронесся ветер, взметнул снежный плащ, развеял его, унес за дальние сугробы. Среди белой пустыни плясала нагая девушка. Ступни ее, будто не чувствуя холода, скользили по снегу, тонкий стан изгибался, пухлые губы смеялись, но в глазах светился и сиял ледяной блеск морозных северных равнин. Чем-то она походила на Зийну – волосами ли цвета светлого золота, гибкими ли руками, бархатистой кожей, полной грудью… Однако в ней не чувствовалось живого тепла; словно бесплотный дух, она танцевала перед огнем, и рыжие языки его бессильно опадали, алые жаркие угли рассыпались холодным пеплом, недогоревшие ветки покрывала серая седая зола.

Конан, однако, не мог отвести от плясуньи глаз.

– Исчезни, скройся! – Крик Зийны заставил киммерийца очнуться. Привстав на колени, девушка прикрывала его своим телом, грозила белому призраку мечом. – Уйди! Он мой! И ты его не получишь!

Серебристый смех дочери Имира прожурчал, словно ручей весной.

– Получу… получу… получу… – С каждым звуком ее голоса над кострищем взвивалась струйка дыма; вскоре огонь погас, и лишь холодное мерцание снегов освещало фигурку

снежной девы.

Зрачки Конана сверкнули.

– Гляди на меня, смертный, гляди… Разве я не прекрасна?

– Когда-то я слышал эти слова… – пробормотал Конан. – Слышал, в такой же ледяной пустыне… Ту звали Атали… А как твое имя?

– Орирга! Орирга! И я ничем не хуже Атали!

Она легким перышком кружилась в снегу, не оставляя следов; подрагивали полные груди, колыхался, манил гибкий стан, вились по ветру золотистые волосы, мерцала белоснежная кожа. Конан чувствовал ее дыхание, летевшее к нему над угасшим костром; свежее, как впервые выпавший снег, оно заставляло цепенеть, манило блаженной истомой.

– Иди ко мне, воин! Иди! Ляг со мной!

– Лучше я лягу с последней из портовых шлюх! – пробормотал Конан немеющими губами. Что-то он должен был вспомнить, о чем-то поразмыслить, но голос Зийны, творившей молитву светлым божествам, мешал ему.

А! Железный обруч! Обруч и кинжал! Обруч не помог, не защитил от волшебства снежной девы… Быть может потому, что женщина бессильна перед женщиной? Или чары Орирги сильнее чар Владычицы Острова Снов? Однако еще оставался нож, зачарованный клинок, которым он должен был пронзить сердце стигийского колдуна… Дайома сказала: тысячи смертных падут под его ударами, но лезвие останется таким же чистым и несокрушимым… тысячи смертных, или одно существо, владеющее магическим даром… Кого же поразить – призрак, сотканный из снега и похоти, или Гор-Небсехта?

– Кинжал, – прохрипел он, – мой кинжал…

Зийна склонилась к нему, обхватила за плечи, защищая от подступавшего к сердцу холода. Ее руки были теплыми.

– Что, милый? Что нам делать?

– Кинжал… я должен достать ее кинжалом… зачарованным клинком… – Губы Конана едва шевелились.

Он попытался дотянуться до своего ножа, но внезапно почувствовал, что не может стиснуть пальцы в кулак: они были мертвыми, застывшими, как сосульки. Пробравшаяся под плащ стужа уже не колола его ледяными иглами, а облизывала сотней холодных языков, высасывая последнее тепло, последние капли жизни. Он не мог поднять оружия, не мог отвести взгляд от белоснежного тела Орирги; ее зовущий смех заглушал голос Зийны. Ему чудилось, что пуантенка плачет, окликает его, спрашивает о чем-то, но зов дочери Имира был сильней, и теперь мысль о том, чтобы поразить это прекрасное существо зачарованной сталью, казалась ему кощунственной.

Да и поможет ли сталь? – размышлял он, погружаясь в небытие. Асы, его побратимы, говорили, что от снежных же дев нет спасения!

Нет спасения… нет спасения… нет спасения…

Разум Конана померк, душа вступила на тропу, ведущую вниз, к Серым Равнинам.

* * *

Зийне было страшно – так страшно, как никогда за всю ее недолгую жизнь. Страшней, чем в пылающей отцовской усадьбе, страшней, чем в хищных лапах рабирийских

разбойников, страшнее, чем на ложе дома Гирдеро, благородного дворянина из Зингары…

Милый ее сидел с окаменевшим лицом, а за черными угольями костра кружилась и журчала смехом нагая девушка, средоточие злой силы, от которой Зийна не могла защититься. И не могла защитить возлюбленного, чьи руки были холодны, как лед…

Где же Митра? – проносилось у нее в голове. Почему светлый бог не поможет ей? Чем она его прогневила?

Орирга, снежная дева, с торжествующим хохотом плясала перед ней – невесомый белый призрак в белой пустыне. Ветер прекратился, огромные снежные вихри-драконы, так пугавшие Зийну, исчезли; только мягкие хлопья продолжали падать на землю, сверкая и искрясь. Луч солнца пробился сквозь тучи, и мир сразу стал из мутно-белесого серебряным и сияющим. Мощь пурги иссякала, но мороз был еще силен – достаточно силен, чтобы сковать вечным сном возлюбленного Зийны. Он и так казался почти мертвым, и лишь изо рта вырывалось едва заметное дыхание.

Белоснежные ступни Орирги взметнули серое облачко – она была уже рядом, танцевала посередине угасшего костра. В отличие от снега, пепел и остывшие черные угли проседали под ее ногами, и Зийна видела, как в сером прахе появляются маленькие аккуратные следы.

«Митра, что же делать?» – подумала она, дрожа от ужаса и цепляясь за ледяную руку Конана.

Но потом Зийна напомнила себе, что она – пуантенка, дочь рыцаря, а значит, не должна поддаваться постыдному страху. И еще она подумала о том, сколько страхов уже пришлось ей превозмочь. Их было много, не пересчитать – и гибель отца со всеми его оруженосцами, и смерть матери в пылающем доме, и жадные руки рабирийского бандита, шарившие по ее телу, и позор рабского рынка в Кордаве, и первая ночь с Гирдеро, и все остальные ночи на его постылом ложе… Чем еще могла устрашить ее Орирга? Смертью? Но смерти Зийна не боялась. Она лишь хотела спасти возлюбленного.

Страх ушел, и тогда Митра коснулся ее души.

– Что должна я делать, всеблагой бог? – шепнули губы Зийны.

– Отогнать зло, – ответил Податель Жизни.

– Но нет у меня молний твоих, чтобы поразить злого…

– У тебя есть любовь. Она сильнее молний.

– Любовь не метнешь подобно огненному копью…

– У тебя есть память. Вспомни!

– Вспомнить? О чем?

– О последних словах твоего киммерийца.

Зийна вздрогнула. Пальцы ее легли на рукоять кинжала, что торчал за поясом возлюбленного, холодные самоцветы впились в ладонь. Он говорил, что клинок зачарован… Не в нем ли последняя надежда? Не об этом ли напоминал бог?

Чтобы придать себе храбрости, Зийна представила высокие горы Пуантена, сияющее над ними синее небо, луга, покрытые алыми маками, зелень виноградников и дубовых рощ. Губы ее шевельнулись; она пела – пела песню, которой девушки в ее краях встречали любимых.

Вот скачет мой милый по горному склону,
Летит алый плащ за плечами его,
Сияет кольчуга как воды Хорота

И блещет в руке золотое копье…

– Творишь заклятья, ничтожная? – Орирга склонилась над ней. Сейчас черты снежной девы, искаженные гримасой торжества, уже не выглядели манящими и прекрасными; скорее они напоминали лик смерти.

– Это песня… только песня… – прошептала Зийна, стискивая рукоять. Клинок медленно выползал из ножен.

– Уйди! – Ладони Орирги, сотканные из тумана и снега, метнулись перед лицом. – Уйди! Он – мой!

– Возьми нас обоих, если хочешь, – сказала Зийна. Плечи ее прижимались к застывшей груди киммерийца, тело живым щитом прикрывало его. Кинжал словно прирос к ладони.

– Ты не нужна мне, грязь! Дочери Имира предпочитают мужчин – таких, как этот!

Лицо снежной девы надвигалось, ореол бледно-золотых волос окружал его. Алый рот Орирги насмешливо искривился, сверкнул жемчуг зубов; груди ее, две совершенные чаши, затрепетали, словно в предчувствии наслаждения.

Туда! Под левую грудь!

С отчаянным вскриком Зийна послала клинок в призрачное белоснежное тело. Один удар, только один! Сталь их рассудит!

Попасть ей не удалось – Орирга отпрянула быстрей мысли. Лицо дочери Имира исказил ужас, глаза не отрывались от холодно сверкавшего золотистого лезвия. Клинок не задел ее кожи, не коснулся плоти, не нанес раны, и все же она боялась. Боялась! Как всякое существо, едва избежавшее смерти. Хуже, чем смерти – развоплощения! Когда умирал человек, оставалась его душа, но после гибели демона не было ничего – лишь пустота и мрак вечного забвенья.

– Ты… ты посмела… – Слова хриплым клекотом срывались с прекрасных губ Орирги. – Ты посмела угрожать мне! Мне!

– Я не угрожаю, – сказала Зийна. – Я убью тебя, если ты подойдешь ближе.

Дочь Имира стояла за черной выжженной проплешиной костра, вытянув вперед руки; растопыренные пальцы ее были нацелены в грудь Зийне, словно десять ледяных стрел.

– Я не могу зачаровать тебя своими танцами, как мужчин, – медленно произнесла Орирга, – не могу заключить в объятья, растворив твое тепло в снегах тундры и морских льдах. И все же в моих силах послать тебе гибель! Сегодня мне дозволено насладиться смертью – того, кого ты хочешь защитить, или твоей. Выбирай!

– Мне не надо выбирать, – кинжал в руке Зийны не дрогнул. На остром его кончике светился, играл солнечный блик.

– Ну! Его жизнь – или твоя!

Зийна молчала. Ей казалось, что грудь Конана уже не так холодна; она согревала его своим телом, своей любовью. Конечно, великий Митра был прав: любовь сильнее огненных молний. Губы девушки шевельнулись. «Вот скачет мой милый по горному склону…» – беззвучно прошептала она.

– Ты умрешь, – сказала Орирга. – Я не получу его, но и ты тоже. Ты будешь бесплотной тенью скитаться по Серым Равнинам и вспоминать, вспоминать, вспоминать… Память о нем станет твоим проклятием. Вечным проклятием!

– Разве память о любви может превратиться в проклятие? – Зийна улыбнулась и закрыла

глаза. Страх больше не терзал ее; она знала, что дочь Имира не приблизится к возлюбленному. Слишком она боялась зачарованной стали!

Под веками пуантенки проплыло видение горного склона, одетого зеленью, спускавшегося к берегу Алиманы. Среди зеленых трав мчался всадник на гнедом коне; глаза его были сини, как небо на закате, за плечами струился алый плащ, кольчуга сияла как светлые воды Хорота, а в руке рыцаря блестело золотое копье…

Десять ледяных стрел вырвались из пальцев снежной девы и ударили в тело Зийны. Снег перестал падать, тучи неторопливо потянулись к востоку, к далеким горам, обители мрачного Имира, и вместе с ними исчезла Орирга.

* * *

Толстый ствол сосны догорал, рассыпался рдеющими углями, улетал в небо черным дымом, Дерево исчезло, обратилось в пепел и прах, а вместе с ним стало прахом и прекрасное тело Зийны. Лишь кучка обгорелых гостей дымилась посреди погребального костра. Конан собрал их, завернул в плащ из волчьего меха, велел Идрайну наклонить большой валун и спрятал под ним скорбные останки. Он не знал, как хоронят в Пуантене: то ли опускают в могилу, то ли насыпают над покойным курган, то ли заливают тело медом и хранят в семейной усыпальнице, то ли пускают по течению Хорота либо Алиманы в погребальном челне. Любой из этих обычаев он не смог бы соблюсти в ванахеймской тундре – разве что закопать Зийну во влажную от растаявшего снега землю. Но он не хотел расставаться с ней, бросив в этой грязи, а потому предпочел костер. Велика очистительная сила пламени и угодна светлым богам! Огонь спалит мертвую плоть и выжжет все грехи… Хотя какие у нее грехи? – горестно размышлял Конан, опустившись на колено перед могильным валуном. Какие грехи? Она была добра и отважна, и она любила его. Она спасла ему жизнь… жизнь вечного скитальца, пирата, наемника, беспутного бродяги… Может, это и есть самый тяжкий ее грех…

Он поднялся и, повернувшись к камню спиной, забыл о Зийне. Забыл на время, до тех пор, пока лицо ее вдруг не всплывет в памяти, подобно лицам прочих женщин, которые любили его. Об одних он вспоминал с усмешкой – как о Кареле, атаманше разбойничьей шайки с Карпашских гор, о туранской чародейке Илльяне или офирской принцессе Синэлле; о других – таких, как Белит – с печалью и горечью. Впрочем, подобных Белит было немного; возможно, и никого.

Но, выбросив из головы мысли о погибшей пуантенке, Конан не забыл увеличить счет, который будет предъявлен Гор-Небсехту, стигийскому колдуну. Список, начинавшийся с кормчего Шуги, возрос еще на одного человека – а может быть и на двух, если занести в него Тампоату, Конечно, он пал не от чар колдуна, но несомненно Гор-Небсехт являлся косвенным виновником гибели пикта. Не с Идрайна же, безмозглого истукана, спрашивать за эту смерть!

– Пойдем, нечисть, – кивнув головой серокожему, Конан зашагал вдоль прибрежных утесов на север, к бухте Рагнаради. К богатой усадьбе Эйрима, вождя сотен воинов, хозяина трех кораблей; Эйрима, у которого, похоже, имелись свои счеты с проклятым стигийцем.

Он двигался быстро, согреваясь ходьбой и чувствуя, как постепенно разжимаются ледяные когти стужи, как кровь начинает бурлить в жилах, и мышцы становятся

послушными и гибкими. Поглядывая в сторону тундры, где еще недавно бушевала пурга и среди снежных змей извивалось тело Орирги, дочери И мира, Конан злобно кривился и думал о том, что было б умней не глядеть на ее пленительные танцы, а сразу ткнуть плясунью ножом. Хотя по давнему опыту он знал, что снежные девы быстры и увертливы – поди догони!

Когда-то он чуть не догнал одну из них… там, на востоке Ванахейма, у гор с ледяными вершинами, рядом с самой обителью мрачного великана… Чуть не догнал имирову дочь красавицу Атали, сестру Орирги… Да только вывернулась она из рук, зачаровала, заморозила, вызвала грозного своего отца – тем и кончилась та погоня. А с ней могла кончиться и жизнь киммерийца, если б не нашли его асы-побратимы Ньорд и Хорса.

Конан сплюнул и пробормотал проклятье, послав в пасть шакала все отродья ледяной пустыни, их дочерей, сынов и предков до десятого колена. К Нергалу эту Ориргу! Может, и хорошо, что он не бросился на снежную деву с заколдованным клинком… Если б удалось поразить ее, сила ножа иссякла бы – и как тогда справиться со стигийцем, владыкой Кро Ганбора?

Выходит, размышлял Конан, Зийна оказала ему двойную услугу – и жизнь спасла, и клинок сохранила. Вот только как ей это удалось? Как одолела она Ориргу?

Он долго думал над этим, но так и не нашел ответа.

* * *

Идрайн очнулся почти одновременно с хозяином.

На этот раз сон голема был неглубок и не походил на то колдовское забытье, в которое его погрузили чары Зартрикса, друида пиктов. Когда разыгралась пурга, и снежные змейки стали плясать перед Идрайном, гипнотизируя и навевая сладкую дрему, он сразу понял, что колдовство это ничем опасным ему не угрожает. Оно было гибельным для господина, обладавшего душой – и, значит, подверженного многим страстям, включая сюда и плотские желания. Но Идрайн их не испытывал; не боялся он также и замерзнуть во время сна, а потому позволил себе вздремнуть.

Конечно, ему полагалось встать на защиту господина, но чутье и здравый смысл подсказывали голему, что секира его и каменные кулаки бессильны против ветра, снега и холодных белых змей, метавшихся по равнине. Можно рубить твердое, железо или скалу, – размышлял он, – можно рубить мягкое, дерево или человеческую плоть. Но слишком мягкое и текучее, подобное воде или воздуху, не разрубишь – а значит, и не победишь. К чему же стараться? Идрайн не умел воевать с бесплотными призраками и не собирался этого делать.

Итак, он погрузился в дремоту, навеянную колдовским танцем Орирги. Он уже овладел этим искусством и даже научился видеть сны, в которых мнилась ему иная жизнь, иное существование, более яркое и полное, чем то, которое он вел наяву. Но, как было уже сказано, сон его был неглубок, и для пробуждения не понадобились магические средства – ничего похожего на алый жезл, черный нож, золотой браслет, зеленую чашу, синий бархат, белый камень и волшебную радугу Дайомы. Кончилась пурга, развеялись тучи, пригрело солнце – и теплые его лучи оживили голема. Идрайн очнулся, вспомнил, где находится, и посмотрел на господина.

Тот двигался с трудом, будто полузамерзший краб, и был темен и хмур. Разумеется, из-за

своей женщины, чье мертвое тело лежало у погасшего костра. Чувства, которые их соединяли, оставались для Идрайна загадкой и поводом для раздумий, ибо голем ничего не знал о любви, не ведал счастья обладания и горестной муки потери. Повинуясь приказу, он передвинул сосновый ствол и долго следил, как господин непослушными руками бьет кремнем по огниву, высекает огонь, подбрасывает в него ветви, раздувает пламя. Потом костер разгорелся, и Идрайну стало ясно, что господин раскладывал его не ради тепла. Он опустил в огонь свою женщину и стоял рядом, пока тело ее не превратилось в горсточку праха и почерневших костей.

Смысл обряда был непонятен голему – как непонятны были слова проклятий и молитв, срывавшиеся с губ господина. Тот поносил богов на двадцати языках, то грозил им, то ревел дикие погребальные гимны, то в гневе скрипел зубами. Идрайн, никогда не видевший охваченного горем человека, следил за ним со странным чувством, напоминавшим недоумение.

Однако, не познав магию добра и волшебство печали, скрытые от лишенного души существа, Идрайн все-таки научился у господина многому – тому, что воспринималось не чувствами, а разумом.

Господин был жесток и беспощадно расправлялся с каждым, кто вставал на его пути. Господин верил лишь в свою силу, в мощь острой стали, в свое превосходство над врагом; всякий враг становился мишенью для его копья, поживой для клинка. Господин был резок, и в речах своих не щадил ни людей, ни богов; первые были ублюдками, лесными крысами, ослиным калом и блевотиной Нергала; вторые – за исключением, разумеется, Крома – сворой недоумков, захвативших власть над миром. Господин был хитер; если лживое слово, обман и притворство вели к цели быстрей оружия, он лгал, обманывал и притворялся – как, к примеру, на зингарском корабле. И, наконец, господин был вероломен, потому что дважды бросал Идрайна, никак не заботясь о дальнейшей его судьбе и о том, сумеет ли верный слуга выполнить повеления госпожи Дайомы и удостоиться ее награды.

Итак, Идрайн усвоил, что такое жестокость и самоуверенность, сквернословие и божба, хитрость и коварство, поскольку всем этим могло обладать существо без души. Он словно бы сделался слепком своего господина, но только черным, ибо не ведал о грани между жестокостью и воинской доблестью, не понимал различий между самомнением и осознающей себя силой, не знал, что есть хитрость и низкое коварство, а что – проявление истинного ума.

И, не догадываясь о всех этих мудреных вещах и тонких различиях, но обладая огромной силой, Идрайн сделался страшен.

ГЛАВА 11
УСАДЬБА, ОСТРОВ И ЗАМОК

Пятеро обитали в мире, и хоть был тот мир широк и просторен, приближались времена, когда каждому из пятерых полагалось отвоевать в нем свое место. Воистину неисповедимы пути судеб!

Серокожий прошел испытание!

Мысль об этом настраивала Аррака на благодушный лад – как всегда, когда предстояло развлечение. Снова и снова он прокручивал Б памяти одну и ту же картину: дочь Имира, танцующая на фоне белесого марева пурги; киммериец, уставившийся на нее выпученными глазами; его женщина, ничтожный прах земной, в страхе сжавшаяся у костра; и серокожий исполин, подпирающий спиной скалу. Орирга не сумела его зачаровать; он просто уснул, продемонстрировав полное равнодушие к прелестям снежной девы.

Итак, он остался жив. Киммериец, впрочем, тоже; почему-то Орирга решила разделаться лишь с его спутницей. Но женские дрязги Аррака не интересовали.

Дух Изменчивости предвкушал момент, когда сможет ускользнуть в новое тело. Эти бесконечные переселения и смены плотского облика являлись одной из причин, по которой Он получил прозвище Великого Ускользающего. Но знали о сем немногие – лишь божества, властвующие над земным миром, их ближние помощники и кое-кто из демонов, способных распознать Аррака под человеческой личиной.

На время Он расстался с любимейшими из своих занятий – с воспоминаниями о прошлом, с мыслями о собственном могуществе, с думами о том, когда же минет срок Его казни. Если б Ему предложили сейчас вернуться в Предвечный Мир, в сияющие Небесные Грады, Он, скорее всего, попросил бы отсрочить возвращение; Он хотел насладиться последним ходом в старой игре и первым – в новой, еще не начавшейся.

Старой игрой, сыгранной почти до конца, являлся Гор-Небсехт; новой, пока что непознанной и манящей – этот серокожий гигант, этот убийца, равнодушный к потокам крови и женским чарам. Аррак желал, чтоб они вступили в поединок – тут, в замке, перед Его недреманным оком. Пусть сражаются, а Он выберет достойнейшего! И пусть бьются на равных! На этот раз Он не будет помогать Гор-Небсехту; пусть стигиец сам защищает свою жизнь.

Колдун против воина, воин против колдуна… Кто же из них одолеет? Кто окажется сильнее?

Возможно, размышлял Аррак, падут оба, но в том нет беды. Жаль потерять серокожего, но если он не выдержит последней проверки в сражении с колдуном, значит, ему не суждено сделаться вместилищем Древнего Духа. И тогда – коль серый исполин убьет Гор-Небсехта и погибнет сам – тогда Он, Аррак, переселится в какого-нибудь ванира из замковой дружины и заставит его уйти к Эйриму. Для этого подойдет даже ничтожный киммериец, спутник серокожего… Конечно, если в Кро Ганборе не останется ни одного более достойного существа, которое могло бы перенести Его в своем теле и разуме в усадьбу ванирского вождя.

* * *

– Выпьем за врр-рагов, брр-рат Конан, – произнес Эйрим Высокий Шлем. Речь его после многочисленных возлияний казалась невнятной, но все-таки понять хозяина усадьбы Рагнаради было можно. Он поднял огромный рог, окованный бронзой, чокнулся с гостем и рявкнул: – Во имя прр-роморр-роженной задницы Имира! Выпьем за врр-рагов, брат мой, ибо пока у человека есть врр-раги, он жив!

Конан, тоже испивший немало, с одобрением мотнул головой. Они с Эйримом сидели за грубо отесанным столом в обширном бревенчатом покое с закопченными сводами, в личных чертогах ванирского вождя. Пол здесь устилала солома, за спинами пирующих пылал огромный очаг, а по бокам тянулись низкие полати, устланные шкурами; над полатями висело оружие, награбленное с половины мира. Еще здесь были две двери: одна, в дальней стене, вела во двор, а другая, около очага – в Длинный Дом, где коротали зимнее время воины Эйрима. Больше в хозяйской горнице не имелось ничего примечательного – если не считать мохнатого пса, трех седоусых соратников-ванов, нескольких бочонков с пивом и вином, а также заставленного блюдами стола. На одном из этих блюд разлеглась зажаренная целиком свинья, уже обглоданная на три четверти.

Рога сдвинулись с глухим стуком, плеснула густая пивная пена. Все пятеро – гость, хозяин и седоусые витязи – выпили за врагов.

– Хорошо ты сказал, брат, – вымолвил Конан, отирая рот нетвердой рукой. – Х-хорошо, клянусь Кромом! Ч-человек жив, пока у него есть враги! – Он сделал паузу, наблюдая, как Найрил, один из седоусых, наполняет рога по новой из полупустого бочонка. – Но ч-человеку нужны и друзья, Эйрим! Так выпьем же за них!

– Хмм, дрр-рузья… – протянул охмелевший вождь ваниров, поглаживая шрам на подбородке. – Дрр-рузья – сомнительное дело, брат Конан… Врр-раг – он всегда врр-раг… А дрр-руг – сегодня дрр-руг, а завтра – врр-раг. И пока он жив, морр-ржовы кишки, не разберешь, кто он таков!

Конан не стал спорить. Обглодав последние остатки мяса со свиной ноги, он швырнул кость псу и предложил:

– Т-тогда выпьем за п-покойных друзей, брат Эйрим. С мертвецами-то все ясно!

– Вот с этим я согласен, брат Конан! – ухмыльнулся владыка Рагнаради. Три седоусых воина, кормчие его кораблей, враз кивнули головами. Найрил, Храста и Колгирд плавали еще с Сеймуром Одноглазым, отцом Эйрима, и, после вождя, являлись самыми важными людьми в усадьбе Рагнаради. Их присутствие на пиру было знаком особого почета, оказанного Эйримом, сыном Сеймура, Конану из Киммерии – и никак не меньшим, чем жареная свинья на столе. Не так уж много у Эйрима оставалось свиней в хлеву после долгой зимы и голодной весны! Однако он не поскупился, велел заколоть самую жирную.

Трое кормчих почти не вмешивались в беседу хозяина с гостем – то ли были молчаливы от природы, то ли предпочитали налегать на пиво и мясо, пока того и другого имелось вдосталь. Окинув взглядом их покрасневшие от хмельного лица, Конан осушил рог и пристально уставился на ванирского вождя.

– А скажи-ка мне, брат Эйрим, п-почему ты не стал пить за ж-живых друзей? Не х-хотел ли ты нанести мне обиду? В-ведь я – ж-жив, и я т-твой друг! Уже целый день и п-половину ночи – друг!

Подсчет был совершенно точным – они начали пить со вчерашнего утра, едва лишь Конан с Идрайном заявились в усадьбу, а сейчас стояла глухая ночь. Прошло достаточно времени, чтоб подружиться до гробовой доски.

Эйрим взлохматил густые волосы, отливавшие начищенной медью. Ванирский вождь был года на три постарше Конана и почти столь же высок и широк в плечах, как киммериец. Большой вождь, храбрый и удачливый, как сказал Хорстейн, сын Халлы, и было это чистейшей правдой, ибо владел Эйрим и людьми, и кораблями. Но истиной являлось и другое, тоже поведанное Хорстейном: удача Эйрима могла кончиться в любой момент, В усадьбе его находились незваные гости, сотня отщепенцев из Кро Ганбора, и он не мог тронуть их, поскольку опасался угроз колдуна. Пока что он даже не хотел говорить на эту тему, обрывая Конана всякий раз, когда тот упоминал Гор-Небсехта. Но историю об Острове Снов и его зеленоглазой владычице выслушал с интересом. Конан поведал ее, ничего не утаив – кроме загадочной природы Идрайна, своего слуги. В ответ Эйрим буркнул, что остров в теплых морях, видать, тот самый, что интересует стигийского колдуна. При этом он многозначительно переглянулся со своими кормчими.

Сейчас, убедившись, что рога наполнены до краев, вождь встал, слегка покачиваясь, и вполне рассудительно промолвил:

– Я не желаю нанести тебе ни обиды, ни оскорбления. Ни того, ни другого, брат мой Конан. Брат, а не дрр-руг! В этом большая р-разница.

– Какая?

– Клянусь Имирр-ром! Разве ты не понимаешь? Я же говорил: дрр-руг может стать недрр-ругом, а брат – всегда брат.

– Вроде врага? – уточнил Конан.

– Врр-роде, – подтвердил Эйрим.

– Так в-выпьем за братьев?

– Выпьем!

Они выпили, и хозяин Рагнаради кивнул Найрилу:

– Наливай!

– Пиво кончилось, – ответствовал тот, пнув ногой бочонок.

– Наливай вина! Барр-рахтанского!

– Кончилось.

– А арр-гоское?

– Тоже.

Покачиваясь, Эйрим недоверчиво разглядывал опустевшие бочонки, потом распорядился:

– Пусть р-рабы несут аквилонское! И еще пива! Побольше!

Вино и пиво было доставлено без промедлений. Перед очередным возлиянием пирующие решили покончить с жареной свиньей, и некоторое время в бревенчатом чертоге раздавались лишь чавканье, хруст да стук костей, которые бросали собаке – огромному мохнатому псу, вертевшемуся у стола.

– Вот, – сказал Эйрим, лаская широкой ладонью загривок своего любимца, – вот настоящий дрр-руг, который не предаст! Потому что не умеет!

– Т-тогда выпьем за псов, – сказал Конан.

– Выпьем!

Красное аквилонское хлынуло в рога, а из них – в глотки. Способность ваниров

поглощать еду и хмельное питье казалась неистощимой, но Конан им не уступал. За долгие дни скитаний по равнинам Ванахейма ему до смерти надоели сирюнчи и пахнувшая мхом вода, а потому он не отказывался ни от свинины, ни от соленой рыбы и темного китового мяса, ни от каши из пшена, вареной репы и моченых ягод, ни от пива, браги, вина, меда и прочих яств, что подносили расторопные рабы. Он ел и пил за двоих, за себя и за Идрайна, дремавшего сейчас в Длинном Доме, в каком-нибудь тихом уголке, под надзором воинов Эйрима.

Вождь западных ванов устроил гостю почетный и обильный пир, чему имелись целых три причины. Прежде всего, Эйрим скучал и потому обрадовался пришельцу, славному воителю из Киммерии, повидавшему свет и отхватившему немало голов. Одной из них, как вскоре выяснил хозяин, была голова Хеймдала, давнего недруга Эйрима, что явилось вторым поводом чествовать странника. Тут уж Конан сделался не просто гостем, а братом, ибо Хеймдал лет десять назад прикончил Сеймура Одноглазого; выходило, что киммериец, сам того не ведая, отомстил за эйримова отца.

Но имелась и третья причина – быть может, самая веская. На подворье Эйрима стояли две полусотни бойцов из замка Кро Ганбор, дожидавшиеся своего господина, стигийского колдуна. Предводительствовали ими Торкол и Фингаст, люди малопочтенные, а говоря начистоту – изгои, ублюдки и смрадные псы, коих Эйрим в другое время и на порог бы к себе не пустил. Тем более – идти с ними в поход! С ними и с мерзким чародеем! Да еще в такие края, о которых в Ванахейме никто слыхом не слыхивал!

Однако Эйрим, сильный, храбрый и удачливый Эйрим, боялся; он хорошо знал, что колдун может сделать с его рабами и дружиной, с его усадьбой, ладьями и с ним самим. А потому молчал, ни словом не противореча Торколу и Фингасту в том, что касалось будущей экспедиции – подготовки кораблей к долгому плаванию, снаряжению их запасами и прочим делам. Но уж сажать за свой стол этих двух ублюдков он не собирался! И сейчас, пируя с Конаном и ближними своими людьми, Эйрим Высокий Шлем наслаждался маленькой местью. Пусть видят Торкол и Фингаст, как он принимает почетного гостя – хоть тот и не рыжий ванир, а черноволосый киммериец!

Хозяин снова встал и поднял рог с красным аквилонским – в знак того, что хочет держать речь.

– ы выпили за врр-рагов и покойных дрр-рузей, за братьев и за собак, – сказал он. – Еще мы пили за тебя, Конан, за меня, за моих людей и мой корабли, за их весла и мачты, за снега Ванахейма и горр-ры Киммерии… Помнится мне, мы поднимали рога за печень Крр-рома и задницу Имрр-ра… Теперь настало время выпить за женщин! За твою рр-рыжую с Острова Снов!

Конан понурился и помотал головой.

– Н-нет, брат мой Эйрим, н-не хочу я за нее пить. Она – ведьма, обманщица!

– Хмм… – Эйрим недоуменно оглядел горницу, полати, пылающий очаг и две двери – ту, которая вела во двор, и ту, которая вела в Длинный Дом. – Ведьма и обманщица, говоришь? А почему, брат Конан?

– Все дело в с-снах, брат Эйрим… С-сны – всегда обман.

Вождь ваниров, покачиваясь на нетвердых ногах (все же выпито было немало!), погрозил Конану пальцем.

Ты не прр-рав, брат, не прр-рав! Я не считаю сны обманом. Подумай, что есть наша жизнь? Тот же сон, полный славных битв, дальних странствий, веселых пирров и любви!

Жизнь проходит, как сон! И просыпаемся мы лишь в самый последний миг, на ложе смерти, когда сразила нас сталь или доконала болезнь… Так можно ли гневаться на ту, что посылает сны? Пусть она ведьма, зато – крр-расивая женщина, а?

При этих словах Конан несколько протрезвел, восприняв их как намек – намек, что пора поговорить о деле. Он поднял свой сосуд с вином, сдвинул его с рогом Эйрима и сказал:

– Ладно, в-выпьем за рыжую. И за то, чтоб освободить ее от колдуна. Он ведь и тебе ненавистен, брат Эйрим?

– Ненавистен, – подтвердил вождь, влив в глотку аквилонское. – Прислал ко мне своих ублюдков, а те стали грр-розить… мол, не выполнишь повеление господина, не доживешь до зимы! И никто не доживет в твоем жалком крысятнике! Господину подчиняются ураганы, и сметут они в море и дома твои, и корабли, и запасы пива, и людей – всех до последнего раба! Господин! – Эйрим хмыкнул, – Им он, может, и господин, да не мне!

– Т-тогда давай прикончим его, – предложил Конан. – Вместе! А людей его перережем.

– Хорошая мысль… – Эйрим вдруг перестал покачиваться, будто и не пил вовсе. Он посмотрел на своих кормчих, но те, не отрываясь от блюда с китовым мясом, смущенно потупились. – Хорошая мысль, брат Конан, – повторил хозяин Рагнаради и мечтательно уставился в закопченный потолок. – Перерезать глотки Торколу и Фингасту… и всей их своре…

– А потом и колдуну, – добавил Конан, Храста, кормчий, прожевал ломоть мяса и буркнул:

– Мысль хорошая, да опасная. Против колдуна мы не пойдем.

– Не пойдем, – подтвердил Колгирд. А Найрил добавил:

– Ублюдков его мы не боимся, клянусь Имиром! Их в замке осталось пять десятков, плюнуть да растереть… Сам колдун страшен! Смешает нас с грязью в тундре да с камнями на морском берегу.

– Колдуна я беру на себя, – сказал Конан. Он принялся есть кислые моченые ягоды, зачерпывая их ладонью – это помогало побороть хмель.

Некоторое время ваниры переглядывались и молчали, обдумывая слова гостя. Наконец Колгирд, взглядом попросив у Эйрима разрешения, пробормотал:

– Колдун-то, говорят, крепок… Ни сталь его не берет, ни бронза, ни камень. Как ты справишься с ним, брат Эйрима?

Конан погладил железный обруч, плотно сидевший на его висках, затем вытащил из-за пояса нож и положил рядом с миской, в которой плавали остатки ягод.

– Мне колдун не страшен, – он усмехнулся, лаская пальцами золотистый клинок. – Говорил я вам, что ведьма с зелеными глазами дала мне оружие и защиту от колдовских чар. Этот кинжал и обруч, что у меня на голове.

Эйрим и трое седоусых внимательно оглядели и то, и другое. Потом хозяин Рагнаради произнес:

– Защита, брат Конан, дело твое, и дело опасное – ведь как испытаешь этот обруч, не сразившись с колдуном? – Тут Эйрим сделал паузу и покосился на своих соратников; те враз кивнули. – А вот оружие… его можно было бы и проверить. На вид – хороший клинок, клянусь Имиром… да только и у меня найдутся не хуже. Есть меч, откованный в дальних краях, в самом Иранистане – так им бревно перерубишь с одного удара. Однако…

– Однако скалу твой меч не возьмет, – сказал Конан. А потом развернулся и швырнул нож в очажный камень – да так, что лезвие погрузилось в него по самую рукоятку.

Некоторое время в горнице царила ошеломленная тишина. Ваниры рассматривали рукоять, сверкавшую аметистами и рубинами, чесали в рыжих космах, хмыкали и переглядывались. Конан молчал, понимая, что за мысли ворочаются под их толстыми черепами. Одно дело – послушать сказочные истории про далекий Остров Снов, про его госпожу-чародейку, повелительницу иллюзий, про ее вражду с волшебником из Кро Ганбора; и совсем другое – убедиться, что те рассказы правдивы.

В горнице со стенами из толстых сосновых бревен будто повеяло чем-то нереальным, чудесным, колдовским. Дрогнуло пламя в очаге, взметнулись искры, таинственные отблески заиграли на клинках мечей и секир, развешанных по стенам; и чудилось, что шкуры, устилавшие полати, вдруг обратились в живых зверей, медведей да волков, следивших за людьми сверкающими желтыми глазами.

Эйрим наклонился, поднял бочонок с аквилонским и приник к нему, гулко глотая; вино текло по широкой груди ванирского вождя, капало на стол и лавку. Потом он утерся, подошел к очагу, с видимым усилием выдернул из камня нож и долго разглядывал его, пытаясь найти царапины на лезвии. Но их не было.

– Я дал бы тебе за этот клинок один из своих кораблей, – произнес наконец Эйрим, – но даже не буду предлагать такого обмена. Лучше всади нож в брюхо колдуну. Прикончи его, и я – клянусь Имиром! – отдам тебе всю добычу, что возьму нынешним летом в теплых краях.

– Она мне не нужна, – сказал Конан. – Мне нужны воины, которые справились бы со стражей Кро Ганбора.

– Сотня из них – на моем подворье, – заметил Эйрим. – В стенах замка осталось человек пятьдесят, не больше.

– Я не хотел бы возиться с ними. Мне нужно добраться до колдуна.

– Что ж, – произнес Эйрим, возвращая Конану кинжал, – давай выпьем, брат мой, и обсудим, как приуменьшить их число. Если ты справишься с тварью из Кро Ганбора, я готов рискнуть и вырезать обе его полусотни. Скажем, завтрашней ночью…

* * *

Дайома, Владычица Острова Снов, с довольным вздохом отложила свое магическое зеркало. Картины в нем были смутными и неопределенными; она видела то рыжие языки пламени, пылавшего в огромном очаге, то покрытые копотью своды обширного зала, то лица ваниров, заросшие рыжими бородами, хищный блеск их глаз, крепкие руки, тянувшиеся к блюдам с едой. Но главное она уловила: ее возлюбленный добрался до Ванахейма и сидел сейчас в усадьбе какого-то их вождя, отдыхал перед последним броском к Кро Ганбору.

Конечно, ему нужна была передышка – после страшной пурги, подстерегавшей его в ванахеймской тундре. Дайома не могла разобрать, что там случилось; в ее волшебном кристалле проносились лишь снежные смерчи да изредка мелькал лик возлюбленного, то искаженный яростью, то застывший, с остановившимся взглядом. Но, так или иначе, он пережил эту колдовскую бурю, посланную мерзким стигийцем, и находился теперь в двух или трех днях пути от его замка. Идрайн по-прежнему был с ним, а значит, никакая беда возлюбленному не грозила. Что же касается пуантенки, то ее Дайома нигде не могла найти. Возможно, эта ничтожная погибла во время бури – что было бы не так плохо, как призналась себе Владычица Острова Снов. Такой исход освобождал возлюбленного от лишних

колебаний, когда ему придется подумать о возвращении на остров.

Итак, развязка событий близилась, и Дайома полагала, что план ее вскоре увенчается полным успехом. Теперь ничто не могло остановить возлюбленного или помешать ему, он миновал океанские просторы и дебри Страны Пиктов, он сражался и странствовал по равнинам Ванахейма, он побеждал в каждом бою, он уцелел во время метели. Осталось поставить точку, завершающий штрих, пронзив кинжалом грудь стигийца. Грудь, живот или горло – как больше понравится возлюбленному… В этом Дайома не собиралась лишать его права выбора.

* * *

– Не пойти ли нам облегчиться? – сказал Эйрим Высокий Шлем, сын Сеймура Одноглазого.

Самое время, подумал Конан; выпито немало да и съедено изрядно. Пора облегчиться, а затем продолжить переговоры. Ему никак не удавалось уломать Эйрима отправиться в поход на замок Кро Ганбор: ванирский вождь с охотой соглашался перебить ратников Гор-Небсехта, обосновавшихся в его усадьбе, но в обитель колдуна идти не хотел, отговариваясь тем, что люди ему не подчинятся. Конечно, волшебный клинок брата Конана, продырявивший камень, был серьезным доводом; однако, по утверждению Эйрима, нож выглядел бы еще лучше в брюхе мертвого колдуна. Кто его знает, этого Гор-Небсехта? А вдруг он, издыхая, ухитрится наслать порчу на тех, кто захватил его замок? Нет, хозяин Рагнаради не желал рисковать!

Конан проследовал за ним на задний двор, к земляному валу, где были выкопаны прикрытые досками ямы. От них тянуло смрадом. Ночь, как всегда в летнее время в Ванахейме, была светлой, и киммериец мог разглядеть тянувшийся поверх насыпи частокол из заостренных бревен, торчавшие по углам вышки и тени ближних сараев. Земля уже просохла, и кое-где появились пучки чахлой травы – больше всего под стенами, защищавшими от ветра.

Усадьба Эйрима стояла на широком косогоре, полого спускавшемся к воде. Поперек его был выстроен Длинный Дом, крепкая бревенчатая цитадель с фундаментом из дикого камня, в коей коротали зиму воины со своими женщинами и отпрысками. Дом был велик: двести шагов в длину и пятнадцать в ширину, ибо в нем размещалась вся дружина Эйрима, кроме самых знатных бойцов. Внутри Дом представлял собой одну огромную залу с подпертым столбами потолком, с многочисленными очагами, у которых грелись его обитатели и на которых готовили еду, по стенам шли лежанки в два яруса, а посередине были устроены лавки и столы. Место на лежанках поближе к очагам отводилось для старых заслуженных воинов и тех, кто имел семьи – их крохотные конурки разгораживали свисавшие с потемневших балок шкуры.

Фасадом Длинный Дом выходил к бухте, а с другой стороны к нему торцом было пристроено еще одно сооружение, впятеро меньше размером – жилище самого Эйрима, его жен и ближних людей. Надо заметить, что в южных краях, где-нибудь в Аквилонии или Офире, все выглядело бы иначе: господский терем или дворец красовался бы на переднем плане, на виду у моря и неба, тогда как воинскую казарму задвинули бы куда подальше. Но ваниров заботила не красота, а безопасность, и потому вожди их предпочитали обитать поближе к задним дворам. Разумеется, дворы эти были обнесены валами, защищены

частоколами и сторожевыми башнями, на которых днем и ночью дежурили бойцы с тугими луками, готовые поразить чужаков. Эйриму это, тем не менее, не помогло: незваные гости из Кро Ганбора проникли в его крепость беспрепятственно, прямиком через главные ворота.

Справа от Длинного Дома, образуя с ним прямой угол, тянулся огромный сарай, заставленный бочонками с пивом и вином, бочками с китовым жиром и соленой рыбой, кадками с ягодой, заваленный мешками, полными овса и пшена. Здесь же хранилась и добыча летних набегов, не самая ценная и дорогая: кожи, холстина, ремни, грубое сукно, невыделанные шкуры, слитки бронзы и бруски железа. В самом конце сарая, дальнем от моря, располагалась кузница, а за ним находились псарня и свинарник, примыкавшие к защитной земляной насыпи.

Таким же образом была обустроена и левая половина усадьбы, защищенная тыном и насыпью, в которой рабы отрыли себе землянки. Тут тоже имелись два обширных строения, подобных сараю с припасами и свинарнику и вытянутых вдоль по косогору. В первом из них зимой хранили корабельное снаряжение – съемные мачты, весла и паруса, бочки с дегтем, веревки и канаты, бронзовые якоря, носовые украшения, связки стрел и дротиков, большие щиты, коими в бою прикрывались поверх бортов. Сейчас в корабельной кладовой расположились люди Гор-Небсехта, а все ее содержимое дней десять назад перетащили на ладьи – те покачивались у берега, где северные воды уже очистились от льда. За этим хранилищем стоял обширный навес, под которым зимовали корабли. У него не было стен, только двускатная кровля на столбах; торцом же навес выходил к воротам, от которых начинался спуск к бухте. Эта плотно утоптанная и широкая дорога тянулась на две сотни шагов, до самых причалов; по ней скатывали в воду корабли.

Но Конан сейчас их не видел. Он находился на заднем дворе, спиной к защитному валу; прямо перед ним был вход в жилище Эйрима, за которым маячили смутные контуры Длинного Дома, справа тянулась стена сарая с припасами и кузницы, а слева темнели бревна бывшего корабельного склада – из него доносился дружный храп сотни глоток. Эйрим помочился в ту сторону, сплюнул и подтянул штаны.

– Всех перережу, – злобно пробормотал он. – Завтра же, как уснут! Ты только не подведи с колдуном, брат Конан, – он подтолкнул киммерийца в бок, – а то не сносить мне головы!

– Колдун – мой, Торкол и Фингаст – твои, – коротко отозвался Конан.

Рядом пыхтел Колгирд, усаживаясь на карачках над выгребной ямой.

– Устроим им ночь длинных ножей, – произнес он, забирая в ладонь свисавшие на грудь усы.

– Ночь кровавых секир, – поддержал Храста.

– Ночь выпотрошенных животов, – ухмыльнулся Найрил.

– После такой ночи не худо бы прогуляться и к колдуну, – сказал Конан.

– Нет, братец, с ним разбирайся сам, – вождь ваниров еще раз плюнул в сторону корабельного склада. – А как разберешься, возвращайся ко мне. Поплывем вместе на юг, погуляем!

– Колдуна-то я прикончу, если доберусь до него, – пообещал киммериец. – Справиться бы с остатками дружины… – Он поднял взгляд на Найрила: – Ты вроде бы обмолвился, что в Кро Ганборе пять десятков воинов? Ну, придется мне потрудиться…

Внезапно Эйрим насторожился; от Длинного Дома долетел какой-то шум, потом грохнула распахнутая дверь, раздались приглушенные вопли, топот и тяжелое дыхание. Казалось, там, под стеной, в закутке между хоромами вождя и сараем с припасами, кипит

схватка; Конан уже различал гулкие звуки ударов и сочные проклятья. Но сталь, однако, еще не звенела.

– Надо взглянуть, – с тревогой сказал Эйрим. – У кого-то хмель в башке бродит… Ну, я его вышибу – вместе с мозгами!

Он заторопился к месту драки, и трое кормчих шли за ним, словно матерые волки за вожаком стаи, готовые растерзать нашкодивших двухлеток. Конан шагал последним. Хоть он и приходился теперь названным братом Эйриму, но все ж таки был тут чужаком и понимал, что не его дело вмешиваться в распри эйримовых воинов. Вот если они сцепились с людьми колдуна… Тогда бы он мог поработать – и кулаками, и ножом.

Эйрим свернул за угол своих хором, на миг остановился, будто бы в удивлении, потом побежал, топоча сапогами. Киммериец и трое седоусых мчались следом.

У стены Длинного Дома, около раскрытой двери, высился серокожий гигант, окруженный двумя десятками ваниров. Конан облегченно вздохнул, заметив, что секиры при нем не было, зато руки серокожего мелькали с непостижимой быстротой, и каждый удар достигал цели: два вана уже валялись на земле, и еще с пяток потирали кто плечо, кто грудь, кто скулу. Долго ли пробежать сорок шагов? Но за это время Идрайн сшиб еще троих и начал проталкиваться к двери – видно, хотел разыскать свою секиру или что-нибудь другое, столь же острое.

– Стой! – закричал Конан, подскочив к нему. – Стой, нечисть! Ты почему затеял драку, мешок с дерьмом Нергала? Я велел тебе сидеть тихо и спать! Спать, а не размахивать кулаками!

Он был в ярости. Если этот серокожий ублюдок убил эйримовых воинов, то брат Конан мог тут же стать врагом Конаном! Ему совсем не хотелось биться со всей дружиной хозяина Рагнаради, сложив голову в этом грязном дворе, под стенами Длинного Дома. Прах и пепел! У него была совсем иная цель, и до нее оставалось не больше нескольких дней пути!

Ваниры расступились, с почтением пропуская вождя. Эйрим Высокий Шлем, сунув ладони за пояс, разглядывал своих людей, ворочавшихся и стонавших на земле; по лицу его блуждала ухмылка. Затем он поднял глаза на Идрайна – тот, повинуясь хозяйскому приказу, стоял столбом, но зрачки его поблескивали с явной угрозой. Конан заметил, что волосы и куртка голема мокры, и от него несет пивом.

– Кто первый начал? – поинтересовался вождь.

– Он… он… – забормотали воины. Один прохрипел, держась за ребра:

– Бешеный волк, да пожрет его Имир!

– Кабан недорезанный! – добавил второй, еле двигая разбитой челюстью. Остальные молчали; и было похоже, что двое из тех, что валялись на земле, замолкли навсегда.

Конан ткнул голема кулаком.

– Ну, а ты что скажешь?

– Лживые псы, – равнодушно произнес Идрайн. – Лживые псы, рыжие шкуры! Я спал, как было велено; они спрятали мою секиру и решили, что смогут справиться со мной. Прикажи, господин, и я перебью этих шакалов!

Внезапно Эйрим расхохотался. Хриплые звуки неслись из его глотки, лицо покраснело, а увесистый кулак то и дело прохаживался по спине Конана – не со злым умыслом, но от избытка восторга.

– Вот это боец, клянусь бородой Имира! Всем готов пустить кровь! А ты, брат, зовешь меня в Кро Ганбор… Зачем? Зачем тебе я, зачем мои люди? Твой слуга расправится с

полусотней воинов как волк со стаей сирюнчей! – Эйрим в последний раз хватил Конана кулаком и повернулся к драчунам – к тем из них, что еще держались на ногах. – Ну, моржовы кишки, говорите, что вы с ним сделали? Подпалили штаны? Пустили крысу за шиворот? Или поднесли прогорклого пива?

– Поднесли… – пробормотал один из ваниров. – Не прогорклого, хорошего пива поднесли… Видим, скучает парень, дремлет, а это не дело, когда все пьют. Сунули и ему рог, только он выпить с нами не захотел, нанес обиду, протухшая задница! Ну, мы…

– Что – вы? – поторопил Эйрим смолкнувшего воина.

– Ну, мы и опрокинули ему на голову цельный бочонок… Чтоб, значит, напился, как следует… Тут все и началось!

Эйрим снова захохотал, потом ткнул Конана в бок и покосился в сторону распростертых на земле тел.

– Похоже, твой слуга пришиб двоих из моей дружины. Я о том вспоминать не буду, если он завтрашней ночью выпустит кишки десятерым из шайки Торкола и Фингаста. Справедливая цена, как полагаешь, брат Конан?

Киммериец кивнул.

– Справедливая. Пусть ему вернут топор, и он прикончит не десятерых, а хоть полсотни.

– Ну, а я что говорил? – усмехнулся Эйрим. – Зачем тебе мои воины в Кро Ганборе, коль есть у тебя такой помощник?

Он отвернулся и начал распоряжаться: велел убрать трупы, вправить вывихнутые суставы, обмотать ремнями переломанные кости и напоить всех раненых и ушибленных крепким вином. Конан, не обращая внимания на поднявшуюся суету, думал о том, что теперь в Кро Ганборе он сможет положиться только на серокожего. Не даст ему Эйрим людей, не даст! И раньше не хотел Высокий Шлем соваться в колдовское логово, а теперь, поглядев на подвиги Идрайна, наверняка в замок не полезет! Значит, все выходило так, как задумала госпожа Дайома: Идрайн, нелюдь, прибьет воинов колдуна, а он, Конан, разделается с Гор-Небсехтом… Ну, чему быть, того не миновать, решил киммериец; хорошо еще, что эйримовы бойцы положат завтра две трети дружины колдуна.

Тела были убраны, а раненые, опасливо поглядывая на Идрайна, пошли утешаться хмельным. Эйрим, Конан и троица седоусых отправились в хозяйские чертоги – допивать аквилонское и посовещаться насчет резни, что намечалась следующей ночью. Голема киммериец забрал с собой, подальше от греха. До рассвета было еще далеко, и за оставшееся время серокожий вполне мог снять головы со всех обитателей Длинного Дома.

На пороге эйримовой горницы Конан огляделся и заметил, что в корабельном хранилище, где спали люди Торкола и Фингаста, мелькают огни. Видно, их разбудил шум драки, подумал он, прикрывая за собой дверь.

* * *

Проклятый киммериец! Добрался-таки до усадьбы Эйрима!

Щека Гор-Небсехта раздраженно дернулась. Затем он отвел взгляд от полированной поверхности алтаря и подошел к окну. Над башнями и стенами Кро Ганбора в сером ночном небе плыли серые облака. Замощенный камнем двор, походивший на глубокий колодец, был темен и тих; лишь у огромных ворот позвякивали кольчуги стражей. Замок стоял на высокой

скале, и из окна стигиец мог разглядеть море. Оно тоже было темным, почти как замковый двор, а не сияло ледовыми всполохами как прежде.

Пора отправляться к Эйриму, – подумал маг, сбросив с плеч тяжелую мантию из медвежьей шкуры. Ему было жарко; хоть раннее ванахеймское лето не баловало теплом, он все же предпочитал зимние вьюги.

Вьюги! В тундре вьюги с ураганным ветром приносят людям смерть, особенно если за дело взялся Имир со своим мерзостным потомством… Как же киммерийцу удалось спастись? Он был почти мертв, зачарован танцами снежной девы… И все-таки выжил! Как и его спутник, этот сероликий великан…

Теперь оба она у Эйрима, и о чем-то сговариваются с ванирским вождем. А может, просто пьют; ванам только дай повод добраться до бочонка с вином. Буйные, дикие люди! А во хмелю – тем более!

Гор-Небсехт долго следил за полутемной эйримовой горницей, за столом с постепенно пустеющими блюдами, за пятью участниками трапезы, за огромными рогами с пивом и вином, что раз за разом опрокидывались в жаждущие глотки. Маг надеялся, что пир вот-вот закончится дракой – пьяной дракой, где в ход идут миски и скамьи, ножи, которыми только что кромсали мясо, винные бочонки и кулаки. Было бы так удачно, если б Эйрим со своими шакалами прикончил киммерийца! Не все ли равно, кто это сделает: ванирский вождь или ванирский божок… По справедливости, Эйриму полагалось искупить неудачу Имира.

Но пир, судя по всему, протекал спокойно, и оставалось лишь изумляться, как эти вспыльчивые дикари, поглощавшие хмельное бочками, ухитряются сохранять самообладание. Лица их краснели, багровели, отливали алым; огромные руки стискивали рога, губы шевелились, глаза сверкали. Однако драться они не желали.

Гор-Небсехт, утомленный зрелищем бесконечной трапезы, на время покинул свой всевидящий алтарь. Это случилось прошлым вечером; но сейчас, глухой ночью, он узрел все ту же картину: пять рослых фигур за столом, подъятые рога, блюда, на которые навалены новые груды рыбы, каши и мяса. Пятеро пили и ели с жадностью оголодавших волков; киммериец не отставал от ванов, а ваны – от киммерийца. С прошлого вечера изменилось лишь то, что на пиру теперь присутствовал и серокожий. Но лишь присутствовал, а не ел; скорчился в темном углу за очагом и будто бы погрузился в дрему. Гор-Небсехт едва его разглядел.

Оторвавшись от созерцания ночного моря и мрачных небес, стигиец начал прохаживаться по огромному пустому залу. Сейчас он не думал о Силе, о власти над стихиями, то покидавшей его, то вновь возвращавшейся; не мечтал он и о женщине с зелеными глазами, не вспоминал об острове ее, который непременно будет захвачен и разграблен; не строил он и планов о дальнейшем, о тех днях, когда рыжая ведьма окажется в стенах Кро Ганбора. Маг размышлял о киммерийце и его сероликом спутнике – и, чем дольше он обдумывал эту проблему, тем ясней понимал, что выпускать этих людей из усадьбы Эйрима не стоит.

В конце концов, если Высокий Шлем не собирается прикончить их, есть и другие способы! Гор-Небсехт ни на миг не забывал, что в эйримовой цитадели обосновалась сотня его воинов, что возглавляют их два матерых волка и что сам Эйрим вряд ли решится защитить своих гостей, бродягу-киммерийца и серокожего. Зачем ему свары с могущественным чародеем? Если уж Эйрим подчинился один раз, в деле с походом на юг, почему бы ему не подчиниться и второй? Конечно, киммериец – гость, но Гор-Небсехт знал,

что ваниры не слишком привержены законам гостеприимства. Нередко случалось, что хозяин закалывал спящего гостя, польстившись на его добро, или гость в пьяной драке пробивал секирой череп хозяину.

Размышляя о диких нравах ваниров, стигиец остановился у алтаря и властно простер над ним руку. Картина в полированном камне сменилась; теперь Гор-Небсехт видел не полутемный покой Эйрима с пятью фигурами за столом, а ложе из шкур, на коем распростерся Фингаст. Его посланец спал на спине, раскрыв рот, задрав вверх нечесаную бороду, и чародей с отвращением передернул плечами, представив, как воняет от него пивом, брагой и китовым мясом. Лицо ванира было перекошено, щека подергивалась; похоже, решил Гор-Небсехт, рыжая ведьма с далекого острова послала ему не слишком приятный сон. Затем стигиец прикрыл глаза и сосредоточился, пытаясь достучаться к дремлющему разуму Фингаста.

Он не мог передать ему связного указания, конкретной мысли, выраженной словами. Такое было лишь во власти божеств; лишь они могли внедряться в человеческое сознание – во сне либо наяву – и диктовать смертным собственную входа. Хотя Гор-Небсехт питал презрение ко всем богам, начиная от Митры, Подателя Жизни, и кончая мерзостным Нергалом, он признавался самому себе, что некоторые трюки из божественного арсенала ему не по плету. Даже если б вся его Сила была при нем! Тем более теперь, когда он лишился части магического дара…

Но Гор-Небсехт владел искусством передачи настроений. Не столь уж мало, если учесть, что к настроениям относятся гнев и ненависть, беспокойство и ревность, черное горе и беспричинная радость, апатия и жажда деятельности. Ее-то маг и пытался пробудить в Фингасте, внушив ему заодно и тревогу. Проснись, – повелевал Гор-Небсехт, – проснись, тупая скотина, враг рядом! Враг уже у двери, уже крадется к твоему ложу, уже занес над тобой топор! Проснись, рыжий боров! Ищи врага! Ищи высокого воина с черными волосами! Отправляйся к Эйриму – враг у него! Найди! Найди и убей!

Наконец ванир зашевелился, сел и нащупал рукоять лежавшего рядом меча. Обтерев покрытые испариной виски, Гор-Небсехт довольно кивнул. Он в последний раз пригляделся к лицу Фингаста, на котором сонная одурь сменялась решимостью, заметил, что тот посматривает на спящего рядом Торкола, и взмахнул рукой над своим каменным столом. Взору его снова открылись бревенчатые чертоги Эйрима и пятеро мужчин, сидевших за столом.

* * *

Они едва успели допить бочонок аквилонского и прикончить блюдо с горячим китовым мясом, как дверь распахнулась. Не та дверь, прорубленная у очага, что вела в Длинный Дом, а та, что выходила наружу, к заднему двору, выгребным ямам, кузнице и судовому хранилищу.

Пирующие сидели к ней лицом и спиной к огню, и никому не пришлось оборачиваться, когда на пороге возникли две рослые фигуры в медных кольчугах. Конан заметил, что один из незваных гостей молод, примерно его лет, с длинными рыжеватыми усами, свисавшими ниже подбородка; другой был постарше, с решительным и мрачным лицом и рваным шрамом на щеке. У обоих к поясам были подвешены мечи; старший держал в руках топор, а младший – боевую палицу с бронзовыми шипами.

– Пьете? – пробурчал воин со шрамом вместо приветствия. – Веселый пир, я вижу! А по какому случаю?

Эйрим вскочил, грозно насупив брови, – Каков бы ни был случай, Фингаст, ты не должен врываться ко мне, да еще вооруженным! Клянусь челюстью Имира, я этого не потерплю!

– Потерпишь, – сказал молодой – видимо, Торкол, как догадался киммериец. – Потерпишь, Эйрим, сын Сеймура. Не то наш господин…

– Знаю, знаю! – Хозяин Рагнаради махнул рукой. – Не то ваш господин сделает так, что я не доживу до зимы! И никто не доживет в моем жалком крысятнике! Господин повелевает ураганами, и сметут они в море и дома мои, и корабли, и запасы пива, и людей – всех до последнего раба! – Постепенно голос Эйрима возвышался; теперь он почти кричал. – Все это мне известно, Торкол-отцеубийца, только я ведь против господина вашего не умышляю! Пью – свое, и ем – свое, и пирую со своими людьми!

– А этот тоже твой? – Фингаст ткнул секирой в сторону Конана.

– Мой! Брат мой Конан!

– Не похожи вы на братьев, – угрюмо заявил воин со шрамом. – У нас, ваниров, золото в волосах, а этот черен, как ненастная ночь.

Конан встал, обошел вокруг стола и с угрозой уставился на Фингаста.

– У одних ваниров и впрямь золото в волосах или благородная бронза, – сказал он, – а у других – сущее дерьмо! Хоть цветом и схоже с золотом, да не то! Дерьмо в волосах, дерьмо в голове, а на устах – речи смрадной гиены. Ты, верблюжья моча, почему сюда ворвался? – Тут киммериец перевел взгляд на Торкола: – А ты, усатый шакал, зачем грозишь брату моему Эйриму? Или он в своем доме уже не хозяин? Прах и пепел! Два недоумка дерзят вождю, храброму сыну Сеймура Одноглазого! Клянусь Кромом, таких у нас в Киммерии вяжут да бросают живьем в выгребные ямы!

Не всякий мог потягаться с Конаном в сквернословии. Лица воинов Гор-Небсехта сначала побледнели, затем побагровели; наконец Фингаст прорычал:

– У вас в Киммерии никого не бросают в выгребные ямы, хорек! У вас и ям-то таких нету! Всем известно, что киммерийцы гадят под себя, да еще по заднице размазывают!

Ухмыльнувшись, Конан повернулся к Фингасту, задрал куртку и выставил зад:

– Раз так – понюхай, Меченая Шкура! И убирайся, пока я не разукрасил тебе другую щеку!

За столом злорадно заржали. Седоусый Храста, тот вовсе свалился со скамьи и, держась за живот, ползал среди пустых бочонков и обгрызенных псом костей. Найрил и Колгирд то в восторге молотили кулаками по коленям, то хлопали друг дружку ниже поясницы, повторяя: «Понюхай, Меченая Шкура!» Даже Эйрим, имевший вид раздраженный и грозный, не выдержал, захохотал.

Конан, с довольным блеском в глазах, отступил к стене. Дело было сделано: он оскорбил приспешников колдуна, а Эйрим со своими людьми смеялись – значит, одобряли нанесенную обиду. Теперь, если б Эйрим и захотел после всех обещаний насчет завтрашней ночи пойти на попятную, миру не быть! Сказанное и сделанное смоет только кровь.

Молодому Торколу захотелось получить ее немедленно – он поднял палицу и с бешеным ревом рванулся к Конану. Но Фингаст, который был постарше и поопытней, ухватил его за пояс и что-то прошептал – насчет гнева господина и отданных им приказов, насколько удалось расслышать Конану. Однако и сам Фингаст еле сдерживался; шрам на его щеке

налился сизой кровью, пальцы каменной хваткой сошлись на древке секиры. Он погрозил оружием киммерийцу и прохрипел:

– Отдай его, Эйрим! Отдай нам!

– Почему? – Хозяин Рагнаради взглянул на Фингаста с хорошо разыгранным недоумением. – Ты хочешь зарубить моего брата? За пару сказанных в горячности слов?

– Нет! Нергал с его словами и с его вонючим языком! Но наш господин повелел взять черного хорька и вырвать ему сердце!

– Ваш господин? Когда же он изъявил свою волю?

– Сегодня ночью, Эйрим, сегодня ночью! Вождь ваниров задумчиво поскреб подбородок.

– До башен Кро Ганбора не один день пути, – заметил он. – И что-то я не помню, чтобы в мои ворота сегодня стучался гонец. Может, ты, Найрил, видел его? Или ты, Храста? Или Колгирд? – Эйрим бросил вопросительный взгляд на своих седоусых кормчих.

– Моему господину не нужны гонцы, чтоб шепнуть тайное слово своему слуге! – яростно выдохнул Фингаст. – Вспомни, Эйрим, кто мой господин! Вспомни, и отдай нам эту киммерийскую крысу!

– Твой господин шептал слишком тихо, и я ничего не расслышал, Фингаст! – На губах Эйрима змеилась издевательская усмешка.

Внезапно воин со шрамом отступил к распахнутой двери, потянув за собой Торкола. Теперь оба они, стиснув кулаки, стояли по бокам дверного проема и словно бы стерегли его; а снаружи, во дворе, начала шевелиться и позванивать металлом некая плотная масса, почти неразличимая в сером сумраке северной ночи.

– Значит, слово господина ты не расслышал, Эйрим? Не расслышал, и киммерийца не отдашь? – с угрозой произнес Фингаст. – Ну, слушай тогда меня… я-то близко! – Он оскалил зубы в ответ на усмешку Эйрима. – Слушай, Высокий Шлем! Воины твои спят либо пьют, а наши построены во дворе, и на всех брони да кольчуги. У всех топоры да мечи в руках, у всех щиты да дротики… Тебя и старшин твоих, – Фингаст метнул взгляд на кормчих, – убьем первыми, вместе с киммерийцем. А дружину вырубим на треть! Треть прикончим, две трети покорятся и поплывут с нашим господином хоть в Кхитай, хоть в страну Амазон… Ясно, сын Сеймура? Ты-то нам не нужен, нужны твои люди, твои корабли да твои припасы!

Эйрим переменился в лице.

– Врешь ты все, моржовы кишки! На валу и башнях сторожа! Или они не заметили, как ты вывел во двор своих ублюдков?

– Заметили! – торжествующе рявкнул Фингаст. – Только сторожа твои уже бегут на Серьге Равнины, и у каждого между ребер торчит стрела!

Он пронзительно свистнул, и во дворе загремело железо, в дверь полезли воины в медных бронях и рогатых шлемах, над столом свистнул дротик, впился в скамью; второй опрокинул миску с мочеными ягодами.

– Похоже, эти парни решили не дожидаться завтрашней ночи, – пробормотал Храста, подняв над головой бочонок. Найрил ухватился за огромное блюдо с рыбой, Колгирд, громко вызывая подмогу, прыгнул к двери, что вела в Длинный Дом. Эйрим же метнулся к стене, где над полатями висели его меч, шлем и щит.

– Идрайн! – позвал Конан. – Идрайн!

Он не успел договорить, как голем уже стоял за спиной, поигрывая секирой. Киммериец повернулся к Эйриму.

– Мой слуга кое-что тебе задолжал, братец. Позволишь ли рассчитаться?

– Еще бы! Самое время, клянусь Имиром, – хозяин Рагнаради уже напялил свой высокий шлем, и голос его глухо звучал из-под забрала. Колгирд распахнул внутреннюю дверь и скрылся в глубине Длинного Дома; Найрил и Храста, один с блюдом, другой – с бочонком, пятились к очагу, готовые к обороне.

Но сражаться им не пришлось. Конан вытянул руку к двери, к толпе валивших в горницу воинов, и рыкнул:

– Ну-ка, серая нелюдь! Возьми их!

Словно ураган пролетел по бревенчатому чертогу Эйрима. Серокожий гигант ринулся вперед подобно выпущенной из катапульты глыбе, сокрушающей на пути и бронзовые шлемы, и окованные железом щиты, и медные кольчуги, и человеческую плоть, прикрытую доспехом. Топор Идрайна гулко грохнул о металлический ванирский наплечник, потом голем подхватил еще одну секиру, вырвав ее у сраженного воина, и пошел бить в две руки; только слышалось – гулкое «бумм!» да тоном пониже – «бамм!» Движения серокожего были стремительными и уверенными; казалось, он испытывает удовольствие от битвы, от собственной необоримой мощи, от власти своей над немощными человеческими телами.

Ваниры, ошеломленные этим натиском, попятились. В горнице их было десятка три, все – опытные воины, и сделали они все, как надо: передние прикрылись щитами, задние разом выметнули топоры на длинных рукоятях, боковые обошли врага, ударили ему в спину. Куртка Идрайна вмиг превратилась в лохмотья, но на коже его не было ни кровинки, ни царапины; лезвия секир и клинки мечей молотили по каменной шкуре голема, но не могли даже высечь искр, кои случаются, когда металлом бьют о камень.

А серокожий рубил! На этот раз он пользовался одним и тем же приемом: не обращая внимания на вражеские удары, сек топорами между шеей и плечом, разваливал противника напополам, до паха или бедра. Чудовищные раны мгновенно исторгали кровь, алые лужицы хлюпали под ногами Идрайна, устилавшая пол солома сделалась влажной и багровой. Груда внутренностей и изуродованных тел росла у двери.

Голем успел прикончить двенадцать или пятнадцать человек, когда враги сообразили, что биться с ним в замкнутом пространстве опасней вдвойне. С громкими воплями ваниры начали выбегать во двор; Идрайн, поторопив последних богатырским пинком, последовал за ними. В горнице остались шестеро: Найрил и Храста с отвисшими челюстями, Конан и Эйрим, добравшиеся наконец до своих мечей, да Фингаст с Торколом – те, выпучив глаза, по-прежнему подпирали стену по обе стороны двери. Из глубины Длинного Дома доносился гул возбужденных голосов, металлический лязг и скрип торопливо натягиваемых кольчуг. Конан, однако, сомневался, что хоть один воин Эйрима успеет сегодня омочить клинок в крови врагов.

Он подбросил в воздух свой меч, словил его, оглядел замерших у двери людей колдуна и повернулся к хозяину усадьбы.

– Ну, кого из них ты хочешь, брат Эйрим? Если выбор за мной, то я взялся бы за того разговорчивого недоумка, который со шрамом. Поганая кровь Нергала! Я же обещал разукрасить ему другую щеку!

Эйрим молча кивнул, и два воина с обнаженными клинками начали с неспешностью приближаться к Фингасту и Торколу.

ГЛАВА 12
ЗАМОК И ОСТРОВ

Пятеро обитали в мире, но над тремя из них судьба уже занесла свой разящий меч. И от этого клинка не мог уклониться никто: ни маг, ни каменный воин, ни дух, мнивший себя всемогущим. Воистину, удары рока неотразимы!

Серокожий со спутником своим, киммерийцем, приближался к замку, и Аррак решил, что наступила пора готовиться к встрече. Он почти уже не сомневался, что серый исполин справится с колдуном, нынешним Его Избранником. Чары смертных магов по-разному действовали на людей: слабых убивали, сильных могли на время обратить в камень, против сильнейших же оказывались почти бессильными. Сильнейшие обладали качествами, которые трудно было сломить с помощью чар: как правило, они отличались невероятной жестокостью, упрямством, безразличием к людским бедам и радостям и безмерной гордыней.

Сероликий воин был, разумеется, из сильнейших. Такой вывод подтверждался многими его деяниями – в том числе и последним, когда он, чуть ли не в одиночку, перебил людей Гор-Небсехта в эйримовой усадьбе. Теперь Аррак убедился, что серый гигант во всем превосходит Эйрима – и отвагой, и жестокостью и удачливостью. А это значило, что надо готовиться к переселению в новую плоть.

Подготовка являлась тонким и непростым ритуалом. Прежде всего Аррак хотел воспринять эманации сероликого, столь неясные и смутные у людей, праха земного; Он должен был убедиться, что новый Его Избранник имеет цель. Не важно, какую – лишь бы серый исполин стремился к ней с достаточным упорством и настойчивостью. Цель можно изменить; упорство же – такая черта характера, которую не создашь из ничего. Для Аррака упорство было важнее цели.

Разобравшись с эманациями будущего Избранника, Он должен был покинуть тело Гор-Небсехта. Сравнительно простой трюк, однако весьма ответственный, ибо Арраку требовалось уловить момент, когда душа колдуна изойдет из мертвого тела и приготовится к путешествию на Серые Равнины. В этот миг Ему надлежало ускользнуть из тех закоулков души стигийца, в которых Он свил себе гнездо. Где же Он таился? Это являлось непростым вопросом! В отличие от демонов, люди обладали душой, и была она слабой тенью бессмертия, отблеском вечной жизни, присущей лишь богам. Еще душа человеческая напоминала Многоэтажный запутанный лабиринт, в котором имелись и парадные залы, и широкие коридоры, и полутемные камеры, и тонувшие во тьме каморки. На верхних этажах обитали разум и чувства; здесь жили наиболее ярко выраженные стремления – страсть к богатству, к власти или покою, доброта или жестокость, ум или глупость, гордыня, самомнение или готовность к самопожертвованию, отвага или трусость. Тут же, в некоем подобии сундуков, были сложены воспоминания – не все, однако, а самые важные, Память о перенесенных обидах, о днях торжеств и поражений, о муках зависти, ревности, любви, радости и горе. У большинства людей в памятных ларцах не хранилось ничего любопытного – лишь окровавленные лохмотья бед да холодный пепел перенесенных унижений.

Под верхними этажами располагались Нижние. Тут не было просторных залов и

переходов, в которых могли бы порезвиться яркие чувства и осознанные мысли; тут, в полутьме узких запутанных коридоров, таились подспудные желания, звериные инстинкты, полузабытое и совсем забытое прошлое – в том числе и память о предыдущих воплощениях. Она хранилась не в ларцах и сундуках, а, скорее, в плотно запечатанных, окованных железными обручами бочках, и была совершенно недоступной смертным. Они жили словно бабочки-однодневки, помнившие события светлого дня и хоронившие их с наступлением ночи.

Однако все это смутное и неосознанное, полузабытое и тайное, было чрезвычайно важным; мириады кривых переходов, узких тоннелей, глубоких шахт, тонувших в сумраке лестниц связывали нижние и верхние этажи, влияя на человеческие побуждения, желания и мысли. Обмен между ярусами запутанного лабиринта, движение намерений и страстей, сопровождавшее то, что высказывалось словами, собственно и было человеческой душой – неощутимой, призрачной, и в то же время вполне реальной. Эманации, циркулировавшие в лабиринте, их чистота, мощь и скорость перемещения, определяли, будет ли человек обладать душой гордой, страстной или холодной, щедрой или себялюбивой, великой или мелкой. По мнению Аррака, Древнего Духа Изменчивости, большинство смертных обладали не столько душами, сколько душонками, ничтожными и лишенными сильных страстей.

Но, согласно правилам Великой Игры и назначенной Арраку кары, Он был вынужден ютиться в этих жалких катакомбах. Имелся в них крохотный и дальний закоулок, некий тупик, лежавший ниже самых нижних этажей – тут Он и обитал, отсюда и правил своим Избранником. Он селился в темной клоаке, где откладывалось наиболее смутное и туманное – зыбкие образы и ощущения тех дней, когда Его Избранник был всего лишь плодом в женском чреве, непроросшим зерном, каплей невыпавшего дождя. В этой маленькой частице души человеческой и жил Аррак, покидая вместе с ней мертвое тело; отсюда Он выскальзывал, невидимый и неощутимый, мчался по запутанному лабиринту, преодолевал нижние и верхние его ярусы, вырывался на свободу – и вновь совершал такое же странствие, но в обратном порядке, сливаясь с душой своего нового Избранника.

Много тысяч лет Он переходил так из тела в тело, от души к душе, и сейчас готовился к очередному переселению.

* * *

Гор-Небсехт, стигийский колдун и владыка Кро Ганбора, тоже готовился – но не к переселению, а к битве.

Битва была неизбежной. После бунта Эйрима, после побоища, устроенного в его усадьбе киммерийцем и серокожим, после гибели Торкола и Фингаста сражение сделалось неотвратимой реальностью. Гор-Небсехт уже знал, что мечи и топоры ваниров не смогут его защитить, что он должен полагаться лишь на собственное колдовское искусство, на мощь своих заклятий и смертоносных чар. Но, хоть он и лишился власти над стихиями, предстоящая схватка его не страшила. Имелось много способов разделаться с киммерийцем: к примеру, превратить дикаря в обезьяну, от коей этот варвар ушел не так уж далеко. А серокожего – в медведя!

Маг высокомерно усмехнулся, по привычке меряя неспешными шагами пространство между алтарем и распахнутыми настежь окнами. Сейчас он был спокоен и собран; он не

думал о непокорном Эйриме, о предстоящем походе на юг и даже о зеленоглазой женщине с далекого острова – он готовился отстаивать свою жизнь и свою власть. Ноздри его крупного носа раздувались, темные глаза под кустистыми бровями грозно поблескивали, пальцы непроизвольно шевелились, не то стискивая чье-то горло, не то чертя в воздухе колдовские знаки.

Не надо ни медведей, ни обезьян, ни прочей живности, – думал Гор-Небсехт. Гораздо надежней и лучше обратить обоих пришельцев в камень… Да, в холодный камень, черный и гладкий, как полированный стол, его всевидящее око! Изваяние киммерийца он поставит рядом с алтарем, чтобы любоваться статуей дикаря всякий раз, когда будет в этом чертоге… А серокожего, быть может, и оживит… потом, спустя несколько дней после схватки… Из него получится хороший слуга и страж; не стоит пренебрегать воином, который способен справиться с десятками опытных бойцов.

Но сперва серокожему нужно обучиться покорности и побыть здесь, в обширном и сумрачном зале, около статуи киммерийца. Поразмыслив, Гор-Небсехт принял именно такое решение. Что касалось самой магической процедуры, превращавшей живую плоть в камень, то ее он помнил еще с тех дней, когда проходил ученичество в Стигии, в Черном Круге. Собственно, подобных ритуалов имелось несколько; все они в чем-то были сходны, отличаясь лишь деталями и произносимыми словами.

Например, Проклятье Сета…

Губы мага шевельнулись, и под сводами зала прозвучали древние строфы:

Да будут члены твои камнем, Да уподобятся они недвижным утесам, Да скует их холод Вечной Бездны – Так говорит Бог над богами, Великий Змей Вечной Ночи, Отец Зла, Владыка Смерти, Властелин, не знающий жалости…

Отчего же не воззвать к Сету и древней стигийской мудрости, подумал Гор-Небсехт. Хоть сам он отрекся от почитания Великого Змея, но не стал служить никому другому… никому, кроме себя самого. Так что Змей поможет ему в любом черном деле – недаром же он зовется Владыкой Смерти а Прародителем Зла!

Существовали еще и могучие заклятья Окаменения, Забвения и Развоплощения; их Гор-Небсехт тоже знал и помнил. Словно желая проверить себя, он зашептал, стараясь не сотворить ненароком жеста, освобождавшего магическую силу чар:

Если ты смертен, рассыпься прахом;
Если ты бессмертен, спи в объятиях вечности;
Если ты дух, развейся по ветру;
Если ты призрак, вернись на Серые Равнины.
Пусть имя твое сотрется из памяти людской,
Пусть боги и демоны забудут о тебе,
И ни свет солнца и луны, ни звездные лучи
Не коснутся больше твоей плоти.

Слова эти были острее мечей, смертоносней копий. Разве киммериец устоит против них? Не устоит! И быть ему камнем!

Гор-Небсехт рассмеялся – холодным и презрительным смехом гордеца, нацелившего нож в глотку врагу. Ничтожному врагу!

Итак, киммериец станет камнем. Потом придет время расправиться с Эйримом, сделать так, чтобы Высокий Шлем был не столь высок. А потом… Наконец он дал себе волю и погрузился в мечты о зеленоглазой женщине, о рыжей ведьме с далекого острова.

* * *

Замок Кро Ганбор стоял на вершине утеса, возвышаясь над серой морской поверхностью на добрую сотню локтей.

Он был не так уж стар: его стены, башни и главная цитадель насчитывали сто или сто пятьдесят лет, и хотя их камни потемнели под действием вьюг и ветров, но не растрескались, не вывалились из кладки; ни один зубец парапета не покосился, а на окованных железом вратах не замечалось и следов ржавчины. Конан мог лишь строить догадки, каким образом была воздвигнута эта крепость. Вероятно, не без помощи магии! Иначе откуда бы Гор-Небсехт взял людей для ее постройки? Обитатели этих холодных и бедных краев предпочитали меч и копье всем иным орудиям, а если уж брались за топор и долото, то воздвигали дома из бревен, а не из камня. К тому же Кро Ганбор напоминал стигийские цитадели. К югу от Ванахейма, в Аквилонии и Немедии, строили иначе; там стены рыцарских замков делали отвесными, башни – круглыми, зубцы защитного парапета – прямоугольными. Внутри же строились дворец для господина, дома для его ближних людей, казармы для воинов, конюшни, псарни, а нередко, в больших поселениях – и храм Митры да жилища купцов и мастеровых, искавших покровительства знатного барона или графа. Над аквилонскими и немедийскими замками струился дым от кузниц, очагов и горшечных печей, раздавались удары железа по железу, звон оружия, ржанье лошадей и лай собак; пахло же там свежеиспеченным хлебом, мясом и вином.

В Офире, Зингаре или Аргосе замки были иными. Стены их украшали выступающие донжоны, башни выглядели более высокими и стройными, окна во дворцах нобилей и о богатых домах казались шире, вокруг жилищ зеленели сады, а все службы – хлева, конюшни, сыроварни, давильные прессы и мастерские – прятались где-нибудь на задних дворах, дабы не оскорблять господских взоров. Нередко стены покрывались каменной резьбой, фасады дворцов и храмов украшали колонны, стрельчатые арки, портики и воздушные лестницы цветного мрамора, во дворах били фонтаны, рождая переливчатую радугу, сиявшую в каждой крошечной капле воды. Над замками южных земель плыли цветочные ароматы, запахи нагретого солнцем камня и звучные удары бронзовых гонгов, призывавших вознести молитвы Митре, Заступнику и Подателю Жизни.

Но Кро Ганбор не походил на укрепленное жилье хайборийского вельможи, аквилонца ли, немедийца или аргосца. Он был выстроен в форме квадрата, и башни его, стоявшие по углам, своими скошенными гранями и чудовищными основаниями напоминали пирамиды, срезанные на половине высоты. В западной стене, выходившей на море, кроме угловых башен была и центральная, вдвое большего размера, но точно такой же формы, с узкими окнами, прорезанными на двух или трех верхних этажах. В южной стене, к которой вели ступеньки, выбитые в скалистом склоне, находились ворота – массивные, из потемневших сосновых брусьев, перехваченных поперек железными полосами. Внутренний двор, вероятно, был невелик – его теснили основания пирамид и слегка наклонные стены, очень толстые внизу и постепенно утончавшиеся кверху. Площадки на башнях и верхушки стен

окружали треугольные зубцы парапетов, подобных акульим зубам. Ни единой струйки дыма не поднималось над замком, и вокруг него царила мертвая тишина. Пахло сыростью, мокрым камнем, морем.

Конан остановился у крутой лестницы, разглядывая закрытые ворота Кро Ганбора. Если их с Идрайном не захотят пустить в крепость, – размышлял он, – попасть туда будет нелегко. И лучше сделать это ночью; залезть на башню или на стену и проникнуть внутрь, во двор либо в жилые покои. Он не сомневался, что сможет взобраться наверх по этим наклонным каменным поверхностям; он был горцем и с малолетства привык лазать по скалам, обрывистым склонам и коварным осыпям. К тому же он прошел отличную школу в Заморе, стране воров, научившись двигаться бесшумно и плавно, скользить подобно теня, пробираться в узкие окна, вскрывать замки и запоры. Этим искусством он владел не хуже, чем клинком, секирой и арбалетом.

Затем мысли Конана переключились на другое. Он думал о том, что долгий путь почти закончен, и лишь полсотни ваниров-стражников да высокие стены Кро Ганбора отделяют его от колдуна. И от мщения! Сейчас он, пожалуй, не мог бы сказать, что было для него важнее: убраться с острова Дайомы и обрести свободу или отомстить за своих погибших барахтанцев. И та, и другая причина казалась достаточно весомой, и он знал, что коли уж добрался сюда, преодолев морское пространство, дебри Пиктской Пустоши и ванахеймские равнины, то не уйдет, не взыскав долгов. Он поднял руку к тусклому солнцу и поклялся про себя, что взыщет за кровь своих людей, за гибель Тампоаты и смерть Зийны – да будет душа ее спокойна на Серых Равнинах! Он обещал это светлому Митре и грозному Крому, не ожидая от них ни помощи, ни божественного знака, ибо привык полагаться во всяком деле лишь на себя самого. И в этот момент он совсем не вспоминал о Владычице Снов и ее сварах с магом из Кро Ганбора; он думал лишь о мести и о том, что предстоящее свершение освободит его от клятвы. Он будет свободен! И он уйдет туда, куда захочет, отправится добывать богатство и славу, ибо путь к чаемым сокровищам манил его больше, чем результат поисков.

Ну, а доказательства, которых требовала Дайома… Что ж, она их получит! Получит и голову стигийца, и сломанный кинжал, и свой железный обруч – из рук серокожего!

Он бросил взгляд на каменное лицо Идрайна, и тот, словно дождавшись разрешения, произнес:

– Господин! О чем ты думаешь, господин?

Это было редкостью; голем почти никогда не начинал разговор первым, и уж во всяком случае не интересовался мыслями хозяина. Но долгое странствие изменило его; хоть он и не обладал душой, но с каждым днем все больше походил на человека. Правда, с таким человеком Конану не хотелось бы делить хлеб и вино…

Но скорая разлука с надоевшим спутником прибавила киммерийцу терпения, и он ответил:

– Я думаю, как пробраться в крепость. Стены высоки и ворота на запоре… Надо ждать ночи.

– Зачем? Ворота я разобью. И справлюсь со стражей. Иди за мной и прикончи того, о ком говорила госпожа.

Конан с подозрением уставился на голема.

– Она говорила с тобой о колдуне? Ты знаешь, кого надо убить?

– Конечно, господин.

– Кровь Нергала! Может, сам в прирежешь стигийскую гиену?

Идрайн покачал головой.

– Нет. Госпожа сказала, что с ним справишься только ты. У тебя кинжал и обруч, защищающий от чар.

Ему известно о магических талисманах, отметил Конан. Интересно, о чем еще? Прежде ему не приходило в голову расспрашивать голема о таких вещах. Нахмурив брови, он произнес:

– Вижу, госпожа о многом поведала тебе. Я и не знал, что вы с ней толковали про колдуна, нож и обруч… – Сделав паузу, Конан пригляделся к уходившим ввысь стенам и башням Кро Ганбора. Нигде ни единого человека… Казалось, никто их не заметил – или не желал замечать.

Он перевел взгляд на Идрайна и поинтересовался: – Ну, о чем еще говорила с тобой госпожа Дайома? Что она велела тебе?

Какие бы подозрения не бродили на сей счет в голове у киммерийца, Идрайн их не подтвердил и не опроверг; серое лицо его оставалось невозмутимым. Едва шевельнув губами, он тихо произнес:

– Только защищать тебя, господин. Только это. Конан хмыкнул и отвернулся.

– Ладно, парень! Коль ты справишься с воротами, не будем ждать темноты. Войдем честными разбойниками, а не трусливыми ворами…. – Он скривился, вспомнив Тампоату, разговорчивого пикта, и его рассуждения о грабеже, о воровстве, потом махнул рукой в сторону лестницы: – Ну, поднимайся наверх, серая задница!

Шагая вслед голему по узким ступенькам, он продолжал думать то про Тампоату, сына Никатхи, то про Эйрима, сына Сеймура Одноглазого. Разумеется, в предстоящем сражении Идрайн был много полезней пикта и ванира, но штурмовать с ними Кро Ганбор было бы куда веселей. Однако, напомнил себе Конан, он пришел сюда не веселиться, а взыскать долги. Его дело – стигиец; а Идрайн, проклятый истукан, пусть разбирается с этим отребьем, слугами Гор-Небсехта. Прах и пепел! Они стоили друг друга – бездушный голем и свора отщепенцев, рыжих псов, которых даже безжалостные ваны считали слишком злобными. И тот, и другие были нелюдью, и не стоило сожалеть о крови, что вскоре окрасит секиру Идрайна.

Впрочем, о крови Конан никогда не сожалел, но привык выпускать ее сам, не прячась за чужие спины. Жаль, что Эйрим не пошел с ним, – мелькнула мысль. Жаль! Ночью они влезли бы на стены, перебили ублюдков колдуна, а потом…

Топор Идрайна с грохотом обрушился на створку ворот. Она подалась с неожиданной легкостью, и голем, пнув нижний брус ногой, шагнул во двор. Конан, с обнаженным мечом, последовал за ним, торопливо, но внимательно оглядывая вершины стен и башен – ему не хотелось получить стрелу в висок. Однако арбалетчиков нигде не было видно – ни на башенных площадках, ни на стенах. Быть может, они прятались за парапетом, похожим на акульи зубы? Или во дворе?

Он осмотрелся. Двор и в самом деле был небольшим. Квадратные угловые башни-пирамиды выступали в него каменными ребрами, и в каждой внизу имелась дверь – тяжелая и плотно затворенная. Главная башня выглядела иначе: по ее наклонной поверхности тянулась широкая лестница, достигавшая половины высоты. Она заканчивалась у плоского выступа, похожего на балкон, обнесенного парапетом, за треугольными зубцами которого Конан заметил полукруглую арку. Под ней зияла темнота. Двор был пуст; ни строений, ни конюшен, ни псарен, ни даже колодца. Вероятно, в казармах или домах для стражи и

прислуги необходимости тут не имелось: в каждой из широких и высоких башен могла разместиться сотня человек со всем их скарбом. Конана эта необычная планировка не удивила – он встречал нечто подобное и в стигийской крепости Файон, и в Птейоне, городе мертвых на берегу Стикса. Стигийские жрецы и нобили относились к странной человеческой породе, особо недоверчивой, угрюмой и злобной; такой же являлась их архитектура, где все было скрыто, спрятано за толстыми стенами, и ничего не выставлялось напоказ.

Пожалуй, кроме людей, подумал Конан, разглядывая две шеренги воинов, выстроившихся поперек лестницы, у самого балкона. Тускло блестели медные панцири и кольчуги, плащи из волчьих шкур топорщились на широких плечах, рыжие нечесаные бороды струились по доспехам, круглые щиты с бронзовой оковкой крест-накрест прикрывали левое плечо, в прорезях глухих шлемов сверкали глаза, чуть заметно раскачивались на ремнях мечи и секиры, наконечники копий отливали стальной синевой. Но копейные древки, стиснутые в руках ваниров, упирались в камень, а острия глядели вверх, в небо.

Конан пересчитал их и ухмыльнулся. Все пятьдесят тут, не надо никого разыскивать и ловить в башнях и на стенах! Все пятьдесят тут, и с ними – Сигворд, о коем толковал владетель Рагнаради! Третий из вождей дружины Гор-Небсехта… Вот он, этот Сигворд – перед строем, без шлема, с огненными космами, с налитыми кровью глазами… Прах и пепел! Выглядит так, будто жизнь готов отдать за своего колдуна!

Подтолкнув в спину Идрайна, Конан двинулся вперед, к лестнице. Они пересекли двор, но уже в обратном порядке – Конан шел впереди, а голем следовал за ним, с тяжелой секирой на плече. Их шаги будили гулкое эхо во дворе-колодце.

У ступеней киммериец остановился и задрал голову вверх. Ваниры перегораживали лестницу сплошной стеной щитов, и было непонятно, то ли они собираются драться, то ли выстроены для некой торжественной встречи, за которой последуют переговоры. Не перетрусил ли колдун? – промелькнуло у Конана в голове. Затем ему припомнились предостережения Дайомы – она говорила, что у стигийца есть талисман, подобный ее всевидящему зеркалу. Если так, Гор-Небсехту уже известно о резне, учиненной в усадьбе Эйрима… Быть может, это устрашило его?

Нет, сказал себе Конан, нет; стигийские маги никогда не отличались наивностью и трусостью, а значит, битва неизбежна. Не для нее ли колдун собрал воинов у входа в свои чертоги? Чего тогда они ждут?

Он еще раздумывал об этом, когда сверху раздался хриплый голос Сигворда.

– Ты – киммериец? – произнес ванир, сжимая и разжимая кулаки, словно ему не терпелось вцепиться в горло Конана.

– Кром! Я вырежу печень тому, кто стал бы утверждать обратное!

– Ты – киммериец, который гостил у Эйрима три дня назад? – уточнил Сигворд.

Конан кивнул, ожидая продолжения. Ваниры, стиснув оружие, стояли неподвижно, забрала и нащечники шлемов не позволяли разглядеть их лиц. Знают ли они о том, что воины Торкола и Фингаста вместо плавания к южному острову отправились на Серые Равнины? В полном составе, со своими предводителями… Сказал ли им об этом колдун?

Слова Сигворда разрешили сомнения киммерийца.

– Ты убил Торкола и Фингаста? И их людей?

– Я разделался с Фингастом, – взгляд Конана уперся в медленно багровевшее лицо ванира. – С Торколом покончил Эйрим. Вырезал ему ворона и сказал, что убийца отца и

братьев не достоин иной смерти.

Вырезание «ворона» являлось особым способом ванирской казни – побежденному врагу подсекали ребра на боках и спине, а потом разводили их в стороны на манер птичьих крыльев. Если полученные в бою раны не были смертельными, казнимый мог прожить довольно долго – такое время, за которое победитель успевал выпить два кувшина с вином. Эйрим, оглушив Торкола ударом по голове, проделал всю работу тщательно и затем пил свое вино не торопясь, разглядывая отцеубийцу, стонавшего и метавшегося на полу.

Вряд ли Сигворд был посвящен в эти подробности, но он отлично знал, что такое «вырезать ворона», ибо на своем веку сотворил немало подобных деяний. Лицо его потемнело.

– Хотел бы я сделать то же самое с тобой, вонючий червь! – прохрипел ванир. – Жаль, владыка наш не дозволяет! – Он махнул воинам, и строй их расступился, образовав проход.

– Ты не будешь сражаться? – спросил Конан. – Странно, клянусь Кромом! Я еще не встречал ванира, который отказался бы от драки.

Тут ухо его уловило прохладное дуновение воздуха, а за ним – тихий шепот Идрайна: «Не верь, господин! Они что-то замышляют!» Конан раздраженно передернул плечами; он не нуждался в советах серокожего.

Сигворд, широко расставив ноги и заложив ладони за пояс, с ненавистью глядел на киммерийца.

– Я же сказал – владыка наш не дозволяет! – рявкнул он. – Повелитель сам расправится с тобой! А мы… Мы понадобимся, чтоб прибрать в покоях… Дабы господин не замарал рук!

Прибрать в покоях! Слишком самоуверен этот ванир, рыжая крыса!

Усмехнувшись, Конан кивнул голему и начал подниматься по ступеням. Идрайн шел позади, справа от него, и бубнил: «Не верь, господин, не верь…» Секира в его руках хищно подрагивала.

Но ваны не собирались сражаться. Стиснув копья, они стояли двумя шеренгами, и рыжие их бороды казались затейливым переплетением медных проволок, словно бы украшавших доспехи. Скорей всего, эти изгнанники и отщепенцы знали о бойне в Рагнаради, учиненной Идрайном, но не боялись – вероятно, считали своего повелителя непобедимым.

Миновав их строй, Конан ступил на балкон. Полукруглая арка вздымалась в восьми шагах от него и уже не выглядела темной: огромная дверь под ней была распахнута настежь, и перед киммерийцем маячило некое пространство, замкнутое серыми холодными стенами. Он посмотрел на меч в своей руке и отшвырнул его. Зингарский клинок не годился для предстоящей битвы.

Восемь шагов – и дверь… Она притягивала, манила, как зев пещеры, полной сказочных сокровищ… Но Кован не думал о богатствах стигийца; на сей раз он пришел не за золотом и серебром. Кровь и жизнь колдуна – вот что ему нужно!

Чувствуя, как разгорается гнев, как начинает пульсировать кровь в висках, он сделал первый шаг.

Жаль, что ему не дано владеть огненными молниями – как Фаралу, слуге Митры! Он сжег бы колдуна и растер пепел в прах… Жаль!

Но стоит ли сожалеть о невозможном? У него нет молний, но есть клинок… И хоть чары Дайомы не сравнишь с силой и мощью светозарного бога, волшебный нож все-таки лучше, чем ничего.

Он сделал еще один шаг, выхватил из-за пояса свой магический кинжал и машинально

коснулся левой рукой виска. Обруч был на месте и сидел прочно.

Третий шаг, четвертый… Внезапно за спиной у Конана раздался грохот. Он обернулся, на миг позабыв про колдуна, ждавшего за близким порогом.

Голем, проклятое серокожее отродье, рубил ваниров! Топор его вздымался и опускался с той же безжалостной неотвратимостью, как и на вересковой пустоши в Стране Пиктов, как и в тесном дворе усадьбы Эйрима; лезвие с грохотом крушило шлемы, обрушивалось на щиты и панцири, потом глухо чавкало, впиваясь в плоть. Лишь краткое время вздоха понадобилось Идрайну, чтобы уложить троих; и первым – Сигворда, чей обезглавленный труп валялся на ступенях.

«Кром! – мелькнуло у Конана в голове. – Кром! Этот ублюдок сделался слишком коварным и хитрым! Уже решает сам, когда рубить и кого рубить!»

Он вскинул руку и раскрыл было рот, готовясь разразиться проклятием, но тут новая мысль молнией пронзила его. По словам Дайомы, стигиец мог отвести глаза любому: зачаровать своего воина или слугу, обменяться с ним обличьем, устроить ловушку для недогадливого врага и ждать… Ждать, пока не подоспеет время нанести внезапный удар!

Возможно, Гор-Небсехт стоял в шеренге воинов-ванов и, скрывая под забралом шлема свой преображенный лик, подсмеивался над киммерийцем? Над глупым киммерийцем, который через мгновение всадит нож в подменыша?

Пусть перебьет их всех, – решил Конан, глядя на падавших под ударами Идрайна ваниров. Пусть перебьет всех, кого сможет, ибо секира голема бессильна перед плотью колдуна… Тут и обнаружится правда! Тут и станет ясно, в кого метать клинок – в того, кто поджидает в башне, или в того, кто сражается сейчас на ступенях.

Он стиснул губы и замер. Лезвие ножа холодило его ладонь, на литой рукояти сверкали камни – два крупных ало-красных рубина, обрамленных фиолетовыми аметистами. Перед ним на лестнице ворочалась, стонала и звенела металлом бесформенная окровавленная груда; в ней перемешались тела мертвых и живых, разбитые щиты, переломанные копья, секиры с разрубленными топорищами, помятые, сбитые с голов шлемы и клочья шкур от ванирских плащей. Ни один из ванов не отступил; по сути дела, они были столь же дикими, как пикты, и не боялись смерти. Особенно эти изгнанники и отщепенцы, для которых жизнь значила так немного, ибо была она вечным заключением в угрюмых стенах Кро Ганбора и вечным трепетом перед его владыкой. Что же касается колдовских чар, то их ваниры страшились куда больше, чем гибели в бою.

Клинок не успел согреться в ладони Конана, как все было кончено. Полсотни изуродованных трупов валялось на ступенях широкой лестницы; ни один ванир не шевелился, не подавал признаков жизни. И не было сомнений, что секира Идрайна положила предел последним воинам Гор-Небсехта – тела их, обезглавленные или разрубленные напополам, не оживил бы даже сам великий Митра.

Выходит, колдуна среди них нет, решил Конан и, повернувшись к открытой двери, прыжками ринулся вперед. Клинок трепетал в его руке, словно частица золотистой молнии, огненной, испепеляющей, грозной. Идрайн, залитый кровью от подошв сапог до серых бровей, мчался за своим господином, потрясая секирой.

Они проскочили арку и небольшой коридор за ней; вторая дверь тоже была распахнута, будто ждала, когда дорогие гости шагнут через порог, чтобы согреться у жаркого очага и сесть за накрытый к пиру стол. Но в огромном зале не было ни тепла, ни очагов, ни блюд с мясом, ни кувшинов с вином.

Перед Конаном открылся просторный сумрачный чертог, почти пустой, если не считать кубического каменного возвышения, занимавшего его середину. Этот куб, высеченный из глыбы черного гранита, напомнил киммерийцу жертвенники Великого Змея, виденные им некогда в Луксуре и Птейоне, стигийском городе мертвых. Перед алтарем, угрожающе вскинув руки, стоял человек в меховой мантии, с длинными распущенными волосами; его темная грива резко выделялась на желтовато-белой шкуре полярного медведя, прикрывавшей плечи. Был человек высоким и стройным, с обычной для стигийцев кожей цвета старого янтаря; орлиный нос с широкими ноздрями нависал над тонкогубым ртом, щеки и виски высокого лба казались чуть впалыми, раздвоенный крепкий подбородок говорил о внутренней силе и уверенности в себе. Пожалуй, его можно было бы счесть красивым, если б не холодный и высокомерный взгляд широко расставленных глаз, и не кустистые грозно сдвинутые брови.

Рука киммерийца взметнулась, и, одновременно с блеском прорезавшего воздух ножа, колдун выкрикнул несколько слов. «Да будут члены твои камнем…» – успел разобрать Конан, чувствуя, как ледяной холод охватывает его.

Он зашатался, едва не потеряв сознание, но вдруг лоб, виски и затылок обвила раскаленная змея, стиснула голову, посылая волны нестерпимого жара; они покатились вниз, к плечам и к сердцу, добрались до кончиков пальцев, согрели колени. Холод мгновенно отступил; Конан, все еще ощущавший слабость в ногах, направился к черному алтарю и оперся о каменный куб рукой.

У ног его распростерлось тело колдуна с пробитым горлом, а на пороге, вскинув тускло блистающую секиру, огромной серой статуей застыл Идрайн – такой же мертвый, как сраженный колдовским оружием владыка Кро Ганбора. Пожалуй, еще мертвее; зрачки колдуна пока что мерцали угасающим огнем, а Идрайн казался безжизненным, как скала, как тот неведомый камень, гранит или базальт, одаривший голема плотью.

Конан склонился над телом Гор-Небсехта и выдернул свой клинок. Хлынула кровь, глаза чародея потухли; Идрайн зашевелился и с тяжким вздохом опустил секиру. Ее лезвие звонко лязгнуло о камень.

* * *

Серокожий был великолепен!

Еще пребывая в теле Гор-Небсехта, Аррак послал гиганту приказ и убедился в его восприимчивости: все стражи-ваниры были перебиты в мгновение ока.

Великолепно! Жестокий, сильный, решительный, равнодушный к женским чарам, холодный, не знающий жалости… Нет, сероликий исполин бесспорно превосходил рыжего Эйрима, сколько бы счастья и удачи не отпустила судьба вождю западных ванов. Кстати, размышлял Аррак, исследуя ауру своего нового Избранника, удаче Эйрима через пару дней придет конец; серокожий убьет его, захватит усадьбу и корабли, подчинит себе людей. Это явилось бы вполне естественным и закономерным деянием, ибо крепость Эйрима и его дружина были сильнейшими на побережье; а значит, овладев ими, серокожий сразу получал и запасы, и боевые ладьи, и войско. Пусть небольшое, две-три сотни человек, но для начала хватит; многие покорители мира начинали с еще меньшего.

Пока гигант рубил на лестнице ваниров, Аррак пытался воспринять его эманации,

неясные и туманные, как всегда бывает у людей; Дух Изменчивости по-прежнему жаждал убедиться, что Его Избраннику присуща тяга к некой цели.

Он был удивлен. Не отсутствием цели, нет! Цель у сероликого имелась, неважно какая, но имелась; и он стремился к ней с редким упорством, достойным всяческих похвал. Но кроме цели не было ничего!

Сероликий убивал ваниров, не чувствуя ни ненависти к ним, ни отвращения, ни, тем более, жалости; человек, отгоняющий опахалом мух или прихлопнувший овода, испытывал бы больший гнев. Это изумило Аррака – что само по себе казалось достойным изумления, ибо Древний Дух не привык испытывать подобные чувства. Но Он знал, что на столь близком расстоянии не может ошибиться, хоть связные мысли великана и его конкретная цель оставались Ему недоступны. Вдобавок Он ощущал ярость, злобу и страх сражавшихся и умиравших ваниров. С ними все было в порядке; обычные эмоции стаи волков, которых потрошил полярный медведь.

Но серокожий был иным. Он дрался с равнодушием и спокойствием бессмертного духа, и Арраку удалось уловить лишь легкий оттенок презрения, с которым будущий Его Избранник крушил черепа и кости ваниров. Да и презрение это, и упорство, и несокрушимая уверенность в себе казались лишь отблеском чувств, а не самими чувствами; то был лишь дым над костром, что бушует в душе человеческой во время битвы.

Этот человек напомнил Арраку Ксальтотуна. Душа ахеронского чародея тоже была застывшей, холодной и полной презрения к праху земному, ничтожным людишкам, которых он мог отправить на Серые Равнины одним словом либо жестом. Правда, Ксальтотун делал это заклинаниями, а серокожий – своей огромной секирой, но разве в том суть? Ахеронец нравился Арраку, ибо цель его была величайшей из всех, какую мог преследовать смертный.

Власть!

Возможно, сероликий тоже стремился к власти? Возможно, из него удастся сотворить второго Ксальтотуна?

Но события развивались слишком стремительно, и Аррак не успел додумать эту мысль до конца. Бой на лестнице закончился, затем в дверях возникли две рослые фигуры, и в следующее мгновение в воздухе просвистел нож, пробивший шею Гор-Небсехта. Аррак, на время оглохнув и ослепнув, ринулся из своего закутка, проскользнул по запутанному лабиринту, где еще недавно обитал дух колдуна, преодолел нижние и верхние его этажи и вырвался на свободу из остывающего тела стигийца. Теперь ему предстояло совершить такое же путешествие, но в обратном порядке, и угнездиться на самом дне души своего нового Избранника.

* * *

Конан, ошеломленный, уставился на свой клинок.

Лезвие стигийского кинжала светилось прежним золотистым блеском и было таким же несокрушимым, как мгновение назад. В чем не составляло труда убедиться – он ткнул ножом гладкую поверхность алтаря, и камень раздался под острием подобно мягкому сыру.

Обман? – мелькнула мысль. Но кто его обманул? Гор-Небсехт? Или?..

Киммериец скрипнул зубами и выругался. Он был готов поставить свою печень против дырявого ведра с мочой черного верблюда, что клинок его проткнул глотку истинному Гор-

Небсехту, и что истинный и неподдельный Гор-Небсехт захлебнулся кровью у его ног и сейчас лежал на полу, холодный и застывший, как зимняя равнина Ванахейма.

И дело заключалось не в том, что глаза его видели облик стигийца, настоящего стигийца, смуглого, черноволосого, с орлиным носом и тонкими бескровными губами. Нет, совсем не в том!

Стигиец, павший от его клинка, умел насылать чары! Чары, которые Конан ощутил на себе, – леденящий мороз и смертельный холод, способные обратить живого человека в камень. Это не было ни иллюзией, ни обманом! И Конан понимал, что спасла его лишь магическая сила обруча Дайомы; знание это являлось столь же точным, бесспорным и определенным, как и то, что солнце восходит на востоке, что трава зелена, вода мокра, а на деревьях летом распускаются листья.

Так кто же его обманул? Дайома, заколдовавшая нож? Так, что он мог без ущерба войти в дерево, камень и плоть человеческую, но покрывался ржавчиной, испив крови чародея? Об этом он знал лишь с ее слов… Возможно, надо проткнуть глотки десяти магам, чтоб этот клинок сломался? Или хватит одного, но одаренного великой колдовской силой? Одного, но настоящего чародея?

В том, что Гор-Небсехт – настоящий колдун, Конан не испытывал сомнений. Лишь опытный маг сумел бы обратить человека в камень, и лишь могучий чародей – не менее могущественный, чем старый друид Зартрикс! – смог бы остановить Идрайна.

Тут, вспомнив о големе, Конан бросил взгляд на лицо серокожего и поразился: слуга, выпрямившись во весь свой гигантский рост, взирал на него с неприкрытой ненавистью и каким-то странным торжеством. Жуткий огонь пылал в глазах Идрайна, губы кривились в презрительной усмешке, и физиономия уже не выглядела серой, блеклой и равнодушной, как мгновением раньше: она багровела, будто тягучую холодную влагу в жилах голема вдруг заменили жаркой человеческой кровью. Кровью, что ударяет в голову, приводит в ярость, порождает жажду убийства… Убийства не по приказу, а по собственному желанию и прихоти.

Идрайн поднял огромный топор и шагнул к своему бывшему господину.

* * *

Покинув остывающее тело Гор-Небсехта, Аррак, Дух Изменчивости, несколько ничтожных эонов времени парил в пространстве. Душа колдуна уже отлетела на Серые Равнины, а Он наслаждался краткими мгновеньями полной свободы, пытаясь одновременно нащупать ауру своего нового Избранника. Лишенный чувств, присущих человеческому разуму и телу, Он был слепым и глухим до обретения плотского облика, однако мог ощущать эманации жизни, пульсировавшие вокруг. Одна из них напоминала грязный пересыхающий ручей, мерзкую сточную канаву, из коей не пожелал бы испить даже последний из злодеев, даже ничтожный нищий, томимый смертельной жаждой. Аррак безошибочно определил, что сия источавшая зловоние аура принадлежит киммерийцу. Тот, вероятно, являлся наемным убийцей, омерзительным и трусливым ублюдком, готовым за пару монет резать глотки беззащитным женщинам, детям и старикам. Не то что бы жизнь или смерть женщин, детей и стариков волновала Аррака, но Он знал, что воистину великий никогда не унизится до дешевого убийства; великих интересуют не мешки с монетами, а власть, и цена их деяний не

измеряется деньгами.

Нет, этот жалкий киммериец не мог стать новым Избранником – в чем Аррак не сомневался и прежде. А потому Он устремился к сероликому, чья аура, источавшая холодную силу, притягивала Его словно магнитом.

Неощутимой тенью Он скользнул в его сознание, в разум, который является преддверием души. Он готовился увидеть привычную картину – многоэтажный запутанный лабиринт с просторными парадными залами, широкими коридорами, полутемными камерами и погруженными в вечный мрак каморками. Он ожидал обнаружить там все то же, что таилось в сотнях человеческих душ, служивших Ему вместилищем на протяжении тысячелетий: страсть к богатству и власти, жестокость и хитрость, гордыню, самомнение, отвагу и горы сундуков, в которых сложены воспоминанья – память о перенесенных обидах, о днях торжеств и поражений, о муках зависти, ревности, любви, радости и горе. Он рассчитывал нырнуть в кривые переходы и узкие тоннели, погрузиться в глубокие шахты, где гнездилось все смутное и туманное, полузабытое и тайное, влиявшее на человеческие побуждения, желания и мысли. Он торопился в самый темный и дальний закоулок, в тупик, где хранились неосознанные чувства комочка плоти, некогда зревшей в женском чреве. Он жаждал укрыться в клоаке, где обитал всегда и откуда правил своим Избранником.

Но Он не обнаружил ничего. За порогом сознания, преддверием души, лежало холодное и мертвое пространство, коварная ловушка пустоты, капкан, заманивший и сковавший Древнего Духа. Сковавший навсегда! Ибо Он мог покинуть тело серокожего лишь с отлетающей на Серые Равнины душой, а души у этой странной твари, у этого проклятого монстра, не было. Он являлся не человеком, а иллюзией человека, сотворенной магией и колдовством; он обладал разумом, целью и зачатками чувств, но всего этого было слишком мало, чтобы заменить душу.

Для Духа Изменчивости он стал тюрьмой, последним звеном в длинной цепочке переселений.

И, догадавшись об этом, Аррак впал в безумную ярость. Он понял, что никогда уже не увидит Предвечного Мира и сияющих Небесных Градов, никогда не промчится меж пылающих звезд, никогда не узнает, за что Он принял кару, в чем заключалась его вина. Видно, ей не было искупленья, если путь Его завершался в теле серокожего! В крепкой и твердой плоти, которой могло бы Хватить на двести лет или на пятьсот – но разве это срок для Древнего Духа? Он был приговорен и знал об этом.

И потому бешенство овладело Им, Он был обуян яростной страстью к разрушению и смерти, и в этот миг мог бы уничтожить весь земной мир. Но разум серокожего, в котором Он метался, словно загнанный в клетку зверь, не был искушен в колдовстве и заклинаниях, сокрушающих горные хребты; это бездушное отродье знало лишь один способ разрушения и убийства. Зато, в отличие от прочих людей, Аррак мог говорить с ним напрямую, так как, за неимением души, вселился прямо в сознание серокожего.

Он распалил в нем ненависть, чувствуя, что зерна ее падают на благодатную почву, и повелел поднять секиру.

* * *

Жар опалил Идрайна; палящий жар, коего плоть его, сотворенная из камня, не ведала

никогда. Ему казалось, что в голове разгорается костер, служивший источником тепла и яркого беспощадного света – такого же, как солнечный, или еще сильнее. Вскоре пламя забушевало в его груди, спустилось ниже, согревая конечности и будоража кровь; неясные желания и чувства бродили в сознании голема словно стадо заплутавших в тумане овец.

Затем ощущение жара исчезло, но свет остался – ослепительный свет, в котором все полученные прежде повеления казались смешными, жалкими и ничтожными. Приказы госпожи? Слова господина? Он даже не хотел думать о них, не желал вспоминать время, когда кто-то властвовал над ним. Теперь он сам себе господин! Но это было не так.

Когда жар угас, Идрайну показалось, что в него наконец-то вдохнули душу. Но, хоть он и не догадывался о том, что такое душа, инстинкт подсказывал ему, что он обрел нечто более ценное, более надежное и не столь зыбкое и эфемерное. Им по-прежнему распоряжались, но теперь приказы шли откуда-то из глубин его собственного сознания, и можно было считать, что он слился с неким величественным и грозным существом, сделался с ним единым целым, одной плотью и одним разумом. И тогда Идрайн понял, что ему досталось кое-что получше души: он нашел могучего покровителя, который будет вести его и направлять, подсказывать и руководить. Их слияние завершилось, их воля стала тверже алмаза; в этот миг голем усвоил, чего желает новый его господин.

По сути дела, этот владыка немногим отличался от старого, с которым Идрайн проделал долгий путь с Острова Снов до замка на холодном ванахеймском берегу. Прежний господин был силен, жесток, безжалостен, хитер и вероломен – во всяком случае, таким воспринимал его Идрайн; новый же казался ему во сто крат сильнее, безжалостнее и коварней. Но Идрайн, черный слепок прежнего своего повелителя, не ужаснулся этому, а лишь возгордился; он понял, что удостоен внимания могучего Духа.

И Дух этот спросил у него:

«Любишь ли ты разрушать, Идрайн, сын камня?»

«Да», – мысленно ответил Идрайн, ибо хотя он не понимал слово «любовь», но тягу к разрушению ощущал в полной мере.

«А любишь ли ты убивать?» – снова спросил Дух.

«Да», – без колебаний признался голем.

«Знаешь ли ты, что такое ненависть?»

«Знаю. Теперь знаю».

«Ненавидишь ли ты киммерийца, что стоит перед тобой?»

«Моего прежнего господина?» – переспросил Идрайн и понял, что Дух удивлен; казалось, он не ведал, кто из двух воинов, захвативших Кро Ганбор, считается главным.

«Да, твоего прежнего господина, – наконец подтвердил Дух. – Ненавидишь ли ты его?»

«Ненавижу», – ответил Идрайн. Он чувствовал, что должен ненавидеть, ибо таким было желание его нынешнего повелителя.

«Тогда скажи, что должен сделать слуга, получивший волю?»

«Не знаю», – произнес Идрайн. Он и в самом деле не знал, но уже догадывался, каким будет ответ.

«Слуга, получивший волю, первым делом обязан уничтожить своего прежнего господина, – произнес Дух, и его бесплотный голос был полон угрозы. – Убей его! Убей! Убей!»

И тогда Идрайн, ощутив внезапный всплеск ненависти, поднял свою секиру и шагнул вперед.

* * *

– Стой, где стоишь, серая нечисть! – рявкнул Конан, раскачивая в руке стигийский клинок.

Этот пес, этот недоумок, отрыжка Нергала, угрожал ему! Киммериец знал, что не ошибается; мало ли довелось ему видеть ликов, искаженных ненавистью и злобой? Такой была сейчас и физиономия голема. Прежние грубые черты, словно вырубленные в камне неумелым скульптором, вдруг обрели завершенность, а глаза, в которых раньше стыло равнодушие, превратились в два пылающих угля. Теперь Идрайн никак не походил на каменного воина зингарского короля Калениуса – скорее уж на Аль-Киира, ожившую статую проклятого офирского божества.

Не отвечая, голем сделал второй шаг. Солнечный луч, проникший в узкое окно, замерцал на лезвии секиры, заставив Конана прижмурить глаза. Если не считать покойного Гор-Небсехта, они были вдвоем в холодном и сумрачном чертоге, и все же киммериец смутно ощущал чье-то присутствие, некую третью силу, руководившую сейчас Идрайном. Не вселился ли в него дух погибшего колдуна? – мелькнула мысль.

Но, кто бы ни повелевал теперь големом, намерения его были ясны, и Конан, подняв руку с зажатым в ней клинком, повторил:

– Стой, где стоишь, ублюдок!

– Я убью тебя! – рыкнул Идрайн. Его секира взмыла в воздух.

– Ты забыл добавить: «господин», – произнес киммериец и швырнул нож.

Золотистое лезвие свистнуло протяжно и тонко, каплями крови сверкнули рубины, аметисты вспыхнули мрачноватым фиолетовым огнем; миг, и рукоять, изукрашенная самоцветами, торчала в груди Идрайна. Прямо под пятым ребром, куда и целился Конан. Он метнул клинок правой рукой, а левой перехватил древко секиры, брошенной големом; удар был так силен, что отшвырнул его на пол, на каменные плиты рядом с телом Гор-Небсехта.

Он поднялся, потирая локоть, подошел к Идрайну и заглянул в мертвые глаза. Зрачки голема погасли, но лицо искажала жуткая гримаса – будто в момент смерти или развоплощения некая демоническая сущность, овладевшая телом серого исполина, вырвалась наружу, воплотившись в новых и незнакомых Конану чертах. Он долго рассматривал непривычный лик Идрайна, потом сплюнул и злобно пробормотал:

– Проклятый ублюдок! Теперь мне точно придется плыть на остров! Вернуться к рыжей! И гнить в ее постели до нового Великого Потопа!

Чувство, что его обманули, становилось сильней с каждым мгновением. Первый обман был связан со стигийцем и ножом, который никак не желал покрываться ржавчиной; второй – с мятежом Идрайна. С чего бы эта серая скотина вздумала бунтовать? Поднять оружие против хозяина? Хорошего же защитника дала ему эта рыжая ведьма!

Конан медлил, не решаясь вытащить клинок, предчувствуя новый обман, третий по счету. Впрочем, что могло статься с зачарованным ножом, проткнувшим каменную грудь Идрайна? Разумеется, голем был творением магии, искусного волшебства, но сам колдовскими чарами не владел. Получалось, что опасаться нечего; во всяком случае, серокожий не оживет, если вытащить нож. А оживет, так можно единым махом лишить его головы!

Киммериец оглянулся, скользнув взглядом по телу Гор-Небсехта, распростертого под

алтарем. Что ж, одно полезное дело сделано: он отомстил за гибель «Тигрицы», за смерть своих людей! Осталось подобрать кинжал да убираться из этого мрачного замка, полного трупов. Уйти к Эйриму, уплыть с ним в теплые края, а там, раздобыв корабль, отправиться в путь к Острову Снов. Или сбежать, не вспоминая больше ни об этом острове, ни о его хозяйке…

Он медленно протянул руку, стиснул сильными пальцами рукоять ножа, дернул к себе.

Лезвие вышло из раны; оно казалось покрытым засохшей кровью, бурой, как пыль от растолченного кирпича. И на этом ржаво-коричневом фоне Конан не видел ни единого золотистого проблеска.

С изумлением приподняв брови, он осмотрел клинок, хмыкнул, потом сунул кинжал в ножны. Случившееся было загадочно и необъяснимо; получалось, что тупоумный Идрайн обладал большей магией, чем искуснейший стигийский колдун, опасный для самой госпожи Дайомы, зеленоглазой ведьмы, Владычицы Острова Снов! Конан, однако, испытывал облегчение – как всякий человек, избежавший необходимости выполнять неприятный договор.

Он снял с головы свой обруч и уставился на него, словно в ожидании, что и этот волшебный талисман вдруг рассыплется ржавой трухой, но ничего подобного не случилось: обруч, на вид из самого честного железа, оставался твердым и прочным. Конан вновь водрузил его на голову, надвинул поплотнее, и оглядел два трупа, валявшиеся на полу.

«Пусть Нергал разбирается с этим делом и с этими проклятыми чародеями, – решил он. – Думают одно, делают другое, говорят третье… Они способны перехитрить Крома и Митру вместе взятых!»

Он плюнул на алтарь из черного камня и направился к выходу.

* * *

Руки Дайомы дрогнули, выпустив магическое зеркало. Возможно, оно осталось бы целым, будь Владычица в своих покоях, устланных мягкими коврами; во сейчас она отдыхала в домашнем саду, устроившись рядом с негромко журчащим фонтаном. Зеркало, дар светлого Ормазда, упало на каменный бортик и разлетелось на тысячу осколков.

Дайома, однако, не была огорчена – во всяком случае, не так сильно, как в иное время. Разбитое зеркало, даже волшебное, небольшая цена за радостные вести: стигиец мертв, а возлюбленный – жив! Она увидела все, что хотела: две высокие фигуры, возникшие в проеме двери, и третью, замершую у черного алтаря с угрожающе вскинутыми руками; золотистый блеск клинка, прорезавшего сумрачный воздух, и его рукоять, торчавшую из горла стигийца; медленно оседающее на пол тело колдуна.

Возлюбленный победил! И с ним – Идрайн; значит, он в безопасности, он скоро вернется к ней на остров, в ее объятия. Больше она ничего не желала знать и даже подумала, что зеркало разбилось очень кстати; ей не хотелось видеть лица Конана, когда он вытащит из горла стигийца клинок.

Ее ловчие сети, как и было рассчитано, накрыли двух птиц, мертвую и живую; стоит ли расстраиваться из-за разбитого зеркала?

ГЛАВА 13
ПОБЕРЕЖЬЕ МЕЖ АРГОСОМ И ШЕМОМ

Пятеро обитали в мире, но лишь двоим удалось вытянуть из пестрой ткани судьбы красную нить жизни. Один из них являлся человеком и, обладая мужеством, стойкостью и тягой к необычному, не был одарен магической силой. Поговорим же о нем еще раз, ибо воистину лишь отвага людская, а не волшба колдунов и демонов, достойна упоминания.

Конан, полуобнаженный, бронзовокожий, с железным обручем в темной гриве волос, сидел под навесом из алого шелка, развалившись в плетеном кресле. Когда он вытягивал ноги в коротких штанах и сандалиях или поводил плечами, кресло жалобно поскрипывало, едва выдерживая тяжесть его огромного сильного тела; оно явно не было рассчитано на мужчин подобной комплекции. С моря тянуло легким бризом, и обрамлявшие полог треугольные фестоны трепетали на ветру, мягко хлопая о натянутую ткань; полуденное солнце, просвечивающее сквозь нее, казалось расплывчатым багровым диском в ореоле красно-золотого сияния. Под креслом, прямо на песке, валялась куртка киммерийца, на которой лежал пояс с мечом и кинжалом в богатых ножнах, с изукрашенной самоцветами рукоятью; у ноги стоял кувшин с прохладным вином и большая чаша с яблоками. Иногда Конан не глядя протягивал руку, хватал то, что попадется первым, – горлышко кувшина либо сочный плод – и делал основательный глоток или с хрустом надкусывал яблоко.

Берег крошечной бухты, служивший ему местом столь приятного времяпрепровождения, казался поистине райским уголком, ничем не хуже острова Владычицы Снов. За узкой полоской мелкого золотистого песка высились стройные пальмы и широколиственные магнолии, за ними начинался густой и тенистый лес, тянувшийся на половину дня пути к северу и почти непроходимый для всадника. В этой буйной зеленой чаще хватало дичи, пернатой и четвероногой, и ручейков с чистой прохладной водой; сама же бухточка на побережье меж Аргосом и Шемом являлась местом скрытным, отлично приспособленным для подготовки корабля к долгому плаванию на запад.

«Громовая Стрела», довольно большая одномачтовая галера с двумя гребными палубами и высокими надстройками на носу и корме, покачивалась сейчас посреди бухты на расстоянии броска копья от берега – законная добыча, которой Конан завладел три-четыре дня назад, вскоре после того как расстался с Эйримом Высоким Шлемом. Теперь у киммерийца был свой собственный корабль, хотя, чтобы завладеть им, пришлось прикончить прежнего капитана, его помощников и добрую половину команды. Правда, все эти славные деяния были совершены Конаном не в одиночку, а в компании десятка головорезов с той же самой посудины. Эти молодцы хорошо помнили Амру, Темногривого Льва, наводившего на своей «Тигрице» ужас на купцов от лесистого побережья Зингары до болот Куша, и не сомневались, что плавать с ним куда прибыльней и веселей, чем с их нынешним вожаком. Но хотя кровавая потеха закончилась в пользу киммерийца, экипаж разбойничьей галеры в результате изрядно приуменьшился, а реи, паруса и снасти сильно пострадали, сокрушенные во многих местах ударами топоров и абордажных сабель. У Конана осталось человек сорок, втрое меньше народу, чем могло разместиться на корабле – две палубные вахты, одна смена

гребцов да кормчий, косоглазый Сандара.

Тем не менее, он не спешил пополнить свой экипаж, хотя на берегах Аргоса, Шема и Куша, а также на Барахских островах нашлось бы немало лихих молодцов, с охотой присоединившихся к Амре. Нет, он не торопился набирать людей, ибо знал, что в предстоящем странствии на закат солнца, к далекому острову в Западном океане, паруса «Стрелы» будет раздувать магический ветер. Волшебный бриз, что понесет судно в сияющие океанские дали незримой дорогой, прямой, словно полет стрелы!

Прошла уже пара месяцев с того дня, как Конан выполнил поручение рыжей ведьмы, Владычицы Острога Снов, и теперь ему полагалось представить отчет о совершенном подвиге, с нетерпением ожидаемый прекрасной Дайомой. Да и сам он спешил закончить это дело, став полностью свободным – свободным, как облака и морские волны. Что же касается госпожи Дайомы, то она обладала многими умениями и тайными искусствами, а посему Конан полагал, что в нужный момент она позаботится и о попутном ветре. Но до острова зеленоглазой колдуньи путь был неблизким, и даже она не смогла бы наслать чары, которые срастили бы канаты, сшили паруса и чудесным образом обновили такелаж. Этим Конану предстояло заняться самому, по каковой причине он и направил захваченную галеру в укромный заливчик на побережье между Аргосом и Шемом. Он бывал тут и раньше, года четыре-пять назад, когда плавал на судне Белит, смуглокожей красавицы-шемитки.

Протянув руку, Конан нащупал горлышко кувшина, поднял его, наклонил – вино тонкой струйкой хлынуло в рот. Напившись и вернув сосуд на место, он взглянул на галеру. Там, заканчивая починку, возился судовой плотник с дюжиной помощников – по счастью, мастер остался в живых после резни и вовремя сообразил, на чью сторону выгоднее встать. В двадцати шагах от киммерийца на песке темнели лодки, а около них растянулись еще трое – гибкие смуглые аргосцы Фрибат и Крол с кушитом Хафрой, чье огромное эбеновое тело казалось подобным древесному стволу, выброшенному на берег. Обозрев свое имущество и вспомнив еще о двух десятках молодцов, бродивших сейчас в лесу в поисках дичи, Конан довольно усмехнулся. Еще три или четыре дня назад он не имел ничего, кроме доброго напутствия Эйрима, меча, кинжала и железного обруча, что стягивал гриву темных волос; теперь же в его распоряжении был корабль, лодки, люди, золото и это кресло с пологом, принадлежавшее совсем недавно другому хозяину. Была и женщина – Калла, гибкая стройная стигийка, любовница зарезанного им капитана.

Прах и пепел! Воистину, удача покровительствует смелым! Киммериец вновь оскалил в улыбке белые крупные зубы и с хрустом надкусил яблоко.

Ему было нужно это судно, и завладеть им оказалось много проще, чем разобраться с той тварью в Ванахейме… с двумя тварями, если на то пошло. За долгие годы скитаний, схваток и погонь он твердо усвоил, что люди, даже закованные в броню, куда уязвимей магов и существ потустороннего мира; их можно было пронзить стрелой или копьем, прикончить ударом секиры, раздробить кости боевым молотом, сжечь или задушить – при некотором навыке все это не составляло труда. Но с колдунами и духами дело обстояло сложней, и Конан нередко чувствовал, что тут бесполезны и мощные мышцы, и отточенная сталь. Вот если бы он мог обрести такую силу, чтобы сразиться с этой нечистью на равных! Молнии Митры, например…

Он усмехнулся и прикрыл глаза. Под веками плыли смутные образы: то дремучие пиктские леса и вересковые пустоши, то покрытое льдом море у берегов Ванахейма, то замок с пятью пирамидальными башнями на темной скале, то лица: высокомерное – Гирдеро,

дворянина из Кордавы; бесстрастная либо искаженная жуткой предсмертной гримасой физиономия Идрайна; суровый лик Зартрикса, лица Тампоаты, Никатхи, кормчего Шуги, Харата, лица остальных барахтанцев с погибшего корабля, лицо Зийны… Подумав о ней, Конан вспомнил неистовую Карелу, с которой когда-то скитался в Карпашских горах, Синэллу, офирскую принцессу, Оми Тана Арьяду, раджассу Прадешхана, и некоторое время развлекался, сравнивая их с Каллой, Белит и другими своими женщинами. Потом мысли его вернулись к Дайоме, к прекрасной обманщице Дайоме.

Да, рыжей ведьме придется признать, что он выполнил ее поручение! На миг прикрыв глаза, киммериец представил зеленый остров в океане, розовые и серые скалы над золотистым песком, и золотой солнечный диск, плывущий в небесах. Тишина, покой… Может, и в самом деле остаться?..

Он решительно тряхнул головой, отгоняя заманчивое видение. Прекрасное место, но сны и иллюзии – не для него! Через год он бросился бы на меч от скуки… Ладно, что думать об одном и том же; решение принято! К вечеру «Громовую Стрелу» приведут в порядок и, если Дайома позаботится насчет попутного ветра, они поплывут прямиком на запад, вдоль аргосского побережья, мимо Барахских островов, и дальше, в открытый океан… Он не сомневался, что ветер будет попутным, подозревая, что магический обруч в его волосах передавал Дайоме кое-какие сведения, либо прекрасная колдунья владела иными способами, позволявшими следить за ее посланцем.

Конан расслабился, погружаясь в сон – не колдовской, а самый обычный, что приходит после кувшина выпитого вина. Его тело – мощная крепкая плоть зрелого мужчины, еще не достигшего тридцати – не нуждалось в отдыхе, но так приятно погрузиться в сладостную дремоту на берегу океана, где волны тихо плещут, набегая на песок, и солнце ласково оглаживает нагую грудь теплыми пальцами лучей… Причудливые миражи снова начали плыть под сомкнутыми веками киммерийца, то раскатываясь туранской степью или покрытой снегами сверкающей равниной Ванахейма, то уходя в бескрайнее небо обрывистыми склонами гор Ильбарс, то застилая взор стеной гигантских деревьев, за которыми лежали необозримые тропические болота Куша и Черных Королевств. Он видел дворцы Аграпура, стены Бельверуса, узкие улочки Шадизара и Аренджуна, башни и замки Аквилонии, кипящий жизнью порт Кордавы, пирамиды Кеми… Корабли, колесницы, таверны с огромными винными бочками, походные костры, лавки, базары, блеск золота, шелест торопливо разворачиваемых шелков, сверкающие потоки самоцветов… Весь мир принадлежал ему, и разве мог он променять такое сокровище на маленький островок в западных морях? И на женщину, которая попыталась его обмануть?

Он очнулся, почувствовав, как кто-то осторожно трясет его за плечо.

– Амра! Господин!

Конан поднял веки – над ним нависло широкое темное лицо Хафры. Усидев, что вождь пробудился, чернокожий почтительно отступил на шаг.

– Господин, вернулся Сандара с людьми. Кормчий «Громовой Стрелы» возглавлял охотничью партию, что отправилась в лес еще утром. Кивнув, Конан потянулся к кувшину, поднял его и сделал основательный глоток.

– У Сандары все в порядке?

– Да, господин.

– Все живы?

– Да, Амра.

– И добыча хороша?

Кушит осклабился.

– Пяток кабанов, мой повелитель, и птицы без счета!

– И никто из парней не получил ни царапины?

– Ни малейшей, господин.

– На корабле тоже все хорошо?

– Да. Уже заканчивают работу.

Нашарив яблоко, Конан запустил его прямо в лоб Хафры и рявкнул:

– Почему же ты тогда разбудил меня, пес? – Протянув руку, он намеревался было ухватить еще один плод, но ощутил под пальцами эфес меча и потянул его к себе. – Придется встать, – пробормотал киммериец под нос, – и ободрать шкуру с этого мерзавца… Приколочу ее на двери каюты, чтобы остальные ублюдки больше уважали своего капитана… Лицо Хафры посерело; кушит отступил еще на пару шагов, прижимая ладони к груди и кланяясь. Он казался сильным парнем и повидал всякого, уже не первый год плавая на «Стреле» и занимаясь пиратским промыслом, но больше всего боялся разгневать нового вождя. Впрочем, как и любой человек в команде, если не считать Каллы. Прости, господин… Кроме свинины и птицы, у Сандары есть еще добыча… Потому я осмелился потревожить…

– А! – сказал Конан, убирая руку с меча. – Поймали кого-нибудь в лесу?

– Да, Амра, – кушит, подметив, что гроза миновала, с облегчением перевел дух.

– Надеюсь, хорошенькую девчонку, – пробормотал киммериец, вновь поднимая кувшин. – И не такую строптивую, как эта Калла…

, – Вот как? – Его возлюбленная выступила вперед из-за широкой спины Хафры, как всегда яростно сверкая черными очами. – Похоже, я тебе успела надоесть?

Конан нахмурился. Калла не раз заставляла его со вздохом вспоминать о мягкой и нежной Зийне, светловолосой пуантенке, которая никогда не вернется на берега родной своей Алиманы… В отличие от нее, нрав у Каллы был суровым и никак не гармонировал с прелестным личиком и гибкой соблазнительной фигуркой. Несмотря на свой юный возраст – ей еще не исполнилось и двадцати – девушка успела проплавать на пиратской галере лет пять, что, разумеется, отразилось на ее манерах. Она владела абордажной саблей не хуже бывалого головореза, справлялась и с парусом, и с веслом, а арбалет в ее тонких сильных руках бил без промаха на сотню шагов. Ее любимым занятием была охота – что на четвероногую, что на двуногую дичь, без разницы.

– Молчишь? – Калла вызывающе подбоченилась и подошла ближе с дерзкой усмешкой на сочных алых губах. – Отвечай, я тебе надоела?

Ей давали слишком много воли, подумал Конан, испытав мгновенный всплеск сожаления, что вместе со «Стрелой» унаследовал и эту красотку. В своем роде она была не менее строптивой, чем Карела, Рыжий Ястреб, предводительница шайки заморанских разбойников, и столь же коварной, как офирянка Синэлла, жрица Аль-Киира. Впрочем, Конан надеялся, что сумеет обуздать ее; эта дрессировка послужила бы приятным развлечением на пути к далекому острову в Западном океане.

– Исчезни, женщина, – он повел рукой. – Уйди, иначе, клянусь Кромом, я прикажу закопать тебя связанной в песок и оставлю крабам на поживу!

– Не оставишь! – Она торжествующе усмехнулась. – Откуда тебе взять тут другую подружку, жеребец?

Конан оглядел ее с ног до головы, задумчиво подбрасывая в руках яблоко. Девчонка

права, решил он. Где найдешь другую такую же?

Он разочарованно вздохнул.

– Значит, в лесу поймали не женщину? Тогда кого же? Лазутчика из Аргоса или Шема? Крестьянина, который отправился за хворостом? – Игнорируя Каллу, Конан поднял взгляд на темное лицо кушита.

– Взяли странного человека, – Хафра снова поклонился. – На крестьянина или лазутчика не похож, по виду – из благородных. Говорит, что аргосец.

– Аргосец… – протянул Конан и хотел уже задать следующий вопрос, но девушка снова вмешалась в разговор.

– Я его поймала! – В ее голосе чувствовалось настоящее воодушевление. – Я его поймала, этого аргосца, Хоть он и был вооружен до зубов!

– И что же, он сопротивлялся? – Киммериец бросил на свою подругу косой взгляд. Внезапно она смутилась и покраснела.

– Да… Нет… пожалуй, нет…

– Так все же – да или нет?

– Нет, – Калла отрицательно качнула черноволосой головкой.

– Хмм… Ну, раз дело обошлось без крови, ты заслуживаешь награду. Держи! – Конан бросил ей яблоко, но девушка, ловко поймав его, скорчила презрительную гримаску.

– И только? Не очень-то ты щедр! Запомни: великая Иштар не любит скупых мужчин!

– Все остальное получишь нынче ночью, и твоя Иштар останется довольна, – Конан ухмыльнулся. – А сейчас иди! А то я в самом деле прикажу закопать тебя в песок! – Он повелительно махнул рукой, показывая, что разговор закончен, и повернулся к Хафре. – Пусть сюда приведут этого аргосца… Погоди, – скомандовал он, когда Кушит уже занес ногу. – Говоришь, он походит на нобиля? Благородный с виду? – Хафра молча кивнул. – Тогда притащи еще одно кресло, чаши и вина. Все!

Он снова прикрыл глаза, стараясь не прислушиваться к возмущенному фырканью Каллы. Значит, аргосец и благородный человек… Что ж, беседа с ним поможет скоротать время до вечера… А если разговора не получится или пришелец начнет дерзить, он его просто прирежет… или закопает в песок… или… Дремота снова накатывала на него, но тут раздался шорох шагов, и Конан с усилием поднял веки. Затем глаза его начали открываться все шире и шире, брови же полезли вверх, пока не превратились в пару изогнутых черных гусениц.

Мужчина, стоявший перед ним, был довольно высок, с мощными плечами и могучей грудью; фигура его, однако, казалась по-юношески стройной, хотя на вид Конан дал бы ему не меньше сорока. Узкое лицо, смугловато-бледное, с точеными чертами; прекрасной формы нос, твердо очерченные губы, слегка впалые щеки, подбородок с едва заметной ямочкой. Темноволосый, но глаза не черные и не карие – скорее, зеленые, как прозрачная морская волна. Аргосец, несомненно, и не простой человек: хотя черты его не говорили о властности или чрезмерной горделивости, как у покойного Гирдеро, они казались исполненными сдержанной силы. Да, этот парень знал себе цену!

Он был облачен в темно-синий шелковый камзол и такого же цвета штаны, заправленные в высокие сапоги; удобная одежда и не без щегольства. Выглядел аргосец так, словно не по лесу бродил, а только что спустился на песчаный пляж со ступеней своей богатой виллы где-нибудь под Мессантией или сошел с портшеза, доставленного сюда заботливыми слугами. Правда, в руках он держал довольно объемистый тючок, а над плечами

торчали рукояти двух длинных мечей, подвешенных к широкой портупее из светлой кожи. Клинки эти, бесспорно, носились не на показ, и Конан невольно усмехнулся, вспомнив похвальбу своей подружки. Пожалуй, у нее был только один способ совладать с этим опытным и умелым бойцом – раздеться догола. Один шанс, да и тот сомнительный; аргосец явно многое повидал в жизни, в том числе – и женщин.

Сопровождаемый по пятам Хафрой и двумя людьми из охотничьей партии, он твердым шагом подошел к киммерийцу, бросил на землю свой тюк, потом махнул рукой в сторону корабля и осведомился:

– Ты капитан?

Не поднимаясь, Конан осмотрел пришельца с головы до ног. Прежде он никогда не видел этого человека, и все же что-то в его облике казалось знакомым – что-то неуловимое, едва заметное, однако напоминающее о себе с упорством полузабытого сна. Сдержанная сила и гибкость движений… Мечи… Пара отличных клинков, и оба – за плечами! Кажется, подумал киммериец, ему встречались такие бойцы… Давно, очень давно, на берегу моря, рядом с туранским городом Шандарат… Того воина звали Фарал, и он рассказывал о нем Зийне…

Он снова поднял взгляд на лицо незнакомца и кивнул.

– Я капитан. Кто ты и чего хочешь?

Резким быстрым движением склонив голову, мужчина представился:

– Рагар из Аргоса, по прозвищу Утес. Я хотел бы отплыть в море на твоем судне, капитан…

– Конан, – произнес киммериец в ответ на невысказанный вопрос. – В этих краях меня еще называют Амрой.

– Вот как? – Взгляд Рагара словно ощупал огромное тело киммерийца. – Амра, лев по-кушитски… – на миг он задумался, припоминая. – Что ж, да будет с тобой милость Митры! Я слышал о тебе, капитан.

– И что же?

Аргосец дипломатично улыбнулся.

– Всякое. И хорошее, и дурное.

Конан перевел взгляд на спокойную поверхность заливчика, по которой скользила, возвращаясь с галеры, шлюпка. Она ткнулась носом в песок, и киммериец повернулся к Хафре.

– Кресло и вино. Живо! Остальные, – он взглянул на пару сопровождавших Рагара стражей, – могут убираться к Нергалу в задницу.

Кушит повернулся и побежал к лодке. Его огромная черная спина лоснилась от пота, мелко подрагивала шапка черных вьющихся волос, полуобнаженные ягодицы казались двумя чугунными ядрами. Свои обязанности адъютанта, оруженосца и личного слуги вождя Хафра выполнял с отменным тщанием, куда большим, чем некогда Идрайн.

Когда кресло было доставлено и Рагар, сняв мечи, уселся и пригубил из чаши, киммериец сказал:

– Значит, ты слышал обо мне. Слышал хорошее и дурное! Чего же больше?

– Пожалуй, дурного, – спокойно ответствовал гость. Приоткрыв рот, Конан недолгое время смотрел на него, потом захохотал.

– Прямой ответ, клянусь Кромом! – он вытер выступившие на глазах слезы, – Ну, тогда ты должен понимать, что моя посудина – не простой корабль, перевозящий груз из

Мессантии в Асгалун!

– Я знаю о том, – с прежним спокойствием произнес Рагар. – Прекрасное вино, – заметил он, снова отхлебнув из чаши. – Аргосское, если не ошибаюсь?

– Не ошибаешься. – Конан в три глотка прикончил свою порцию и пристально взглянул на гостя. – А теперь, быть может, ты скажешь мне, почему аргосский нобиль желает завербоваться на пиратскую галеру? Ты проигрался в кости? Зарубил в поединке принца? Злоумышлял против правителя? Спал с его достойной супругой? Ну, рассказывай! До вечера еще далеко, и мне хочется поразвлечься!

Рагар пропустил большинство вопросов хозяина мимо ушей.

– Почему ты решил, что я – аргосский нобиль? – поинтересовался он.

– Ну, ты же сам назвался аргосцем… и вид у тебя благородного человека. Такому не место среди пиратов.

– Но я и не собираюсь предлагать тебе свой меч и свою верность, – Рагар чуть заметно усмехнулся, и его строгое суровое лицо сразу помолодело лет на десять.

– Тогда непонятно, зачем ты явился ко мне. Ты вроде бы говорил, что хочешь отплыть в море на моем корабле, так?

– Так. Но совсем не для того, чтобы грабить мирных мореходов. Я хочу нанять твое судно.

– Нанять? Клянусь Кромом! – Брови Конана вновь полезли вверх. – А если цена окажется слишком высокой, приятель?

Аргосец небрежно пнул сапогом свой тюк, и в нем что-то протяжно зазвенело. Конан мог поклясться, что золото; его сладостный звон он мог отличить от более глухого пения серебра за двадцать шагов.

– Скажи, сколько ты хочешь, – произнес Рагар.

Огромный варвар неторопливо протянул руку к кувшину и разлил вино. Этот пришелец, захваченный в лесу Каллой, ему определенно нравился. В чем-чем, а в смелости ему не откажешь! Явился в разбойничий стан с мешком золота!

– Прежде чем вести речь о цене, – сказал Конан, протянув полную чашу гостю, – я хотел бы узнать, зачем тебе понадобился корабль. И почему именно мой? Разве в Мессантии мало добрых и прочных посудин?

Аргосец со сдержанным поклоном принял чашу.

– Видишь ли, мой капитан, мне нужно попасть… ммм… – он замялся, – словом, мне нужно попасть в некое место. На остров.

– Какое совпадение! – перебил его Конан. – Я тоже плыву на остров. Может быть, нам по пути?

– Сомневаюсь, – Рагар покачал головой. – Видишь ли, Аргос богатая страна, и Митра не оставил ее своими милостями… Но хотя в гавани Мессантии в самом деле много добрых судов, ни один кормчий не соглашался отвезти меня туда, куда надо. Разумеется, я мог бы купить галеру, но с экипажем тоже возникли бы затруднения… Никто бы не поплыл со мной, а в одиночку не управишься с двадцатью веслами и парусом.

– Хмм… – Киммериец, опустив взгляд, следил за переливами багряного вина, с наслаждением вдыхая его терпкий и свежий запах. – Похоже, ты собрался в неприятное местечко, приятель. Далеко ли? На юг, на север или на запад?

– На север. Мне нужно добраться до Кардана.

– Кром! – Восклицание невольно сорвалось с губ Конана. Он слышал про этот остров,

довольно обширный и плодородный, лежавший в Западном океане, в семи или восьми днях плавания от пиктских берегов. Еще он слышал, что Пламенные горы, занимавшие половину Кардала, раз в десять, двадцать или пятьдесят лет плюют огнем, уничтожая деревни и посевы островитян. Видно, они были упрямыми людьми, если не желали покидать такую опасную землю! Хотя, с другой стороны, куда им было деваться? Человек, лишенный родины и отчего дома – жалкая былинка в пустыне, ожидающая, когда коса смерти срежет ее под корень…

И все же зачем аргосцу из благородных понадобилось плыть на этот забытый богами Кардал? Наверняка там живут лишь рыбаки, землепашцы да скотоводы, бедняки, не видевшие ни разу блеска золота или сверкания самоцветов… А Рагар, наоборот, готов заплатить, чтобы попасть туда! И, видать, немалую цену!

Но сколь бы она ни была велика, Конан не собирался отправляться на остров, где горы выбрасывают потоки раскаленной лавы. Его путь лежал на запад, к гораздо более благодатной земле; и, к тому же, он дал слово Дайоме! Он обязан передать волшебнице то, что она ждет, получив взамен свободу! Конан задумчиво потрогал железный обруч в волосах и отхлебнул вина.

– Теперь я понимаю, отчего тебе было не найти ни судна, ни команды, – произнес он. – Никто не хочет отправляться туда, где подземные боги трясут землю! Если остров вдруг расколется напополам и потонет в океане, что будет с кораблем, который приблизился к нему? Да любой кормчий, любой матрос или гребец умрет от страха – еще до того, как каменные глыбы изрешетят судно или его затянет в огромный водоворот!

– Ты прав, – по-прежнему спокойно произнес Рагар. – Вот почему мне годится не всякий корабль, не всякий капитан и не всякая команда. Мне нужны смелые люди, а где найдешь таких? Разве что среди пиратов… И я готов хорошо заплатить!

– Твои деньги меня не интересуют! – Конан небрежно повел рукой. – Я спросил, куда ты хочешь плыть и, если б нам действительно было по пути, мы смогли бы договориться. Но твой Кардал лежит на севере, а я поведу «Громовую Стрелу» на запад.

«Громовая Стрела» – так называется твой корабль? – спросил Рагар и, дождавшись кивка киммерийца, заметил: – Хорошее имя! Может, все-таки столкуемся? Я не постою за ценой. Видишь ли, я очень тороплюсь…

– Я тоже! – отрезал Конан.

Некоторое время они молчали, прихлебывая вино. Аргосец, щурясь, глядел на солнце, золотым диском повисшее над бухтой; его край уже коснулся высокой мачты галеры. На палубе, заканчивая починку, суетилось десятка полтора моряков; остальные, под руководством косоглазого Сандары, развели костры у воды и жарили мясо. Оттуда тянуло аппетитными запахами, и Конан почувствовал, что непрочь перекусить. Заметив тонкую фигурку Каллы, склонившейся над огнем, он ощутил и другие желания, другой голод, не менее сильный, чем тяга к пище. Пожалуй, если бы не гость, он кликнул бы девчонку и, не дожидаясь ночи, повел в лес… Однако и Рагар был ему интересен; хотя он не собирался брать деньги аргосца, что мешает послушать забавную историю?

– Еще вина? – Он поднял кувшин.

– Нет, благодарю… – Ладонь аргосца прикрыла чашу. – С меня достаточно.

– Ну, как знаешь, – Конан налил себе, потом кивнул в сторону костров: – Кажется, тебя взяла в плен моя подружка? Она говорила, что ты отважно сражался, но пал жертвой ее клинка.

– Скорее, ее глаз, – улыбнулся Рагар. – Ты же видишь, на мне нет ни царапины, и одежда цела… А все потому, что я тут же сдался в плен, как только ее увидел.

– Ты нас искал?

– Да. По побережью ходят слухи, что некий человек, приплывший с севера вместе с ванирами, захватил одну из разбойничьих галер, перебив едва ли не половину команды. Мне показалось, что такой смелый парень не откажется плыть на Кардал…

Конан не обратил внимания на этот намек; его интересовало другое.

– Слухи – слухами, но до Мессантии путь неблизкий, и берег здесь зарос лесами… Пожалуй, нас было нелегко найти, а? Может, кто подсказал? Какой-нибудь доброжелатель? – Его глаза впились в лицо Рагара, точно два стальных буравчика.

– Нет, капитан, – аргосец покачал головой, – нет. Я знал, кого ищу и куда надо идти.

– Странно! Клянусь Кромом, немногим известно про эту бухту! А уж о том, что я здесь нахожусь, со своими людьми и «Стрелой»…

Внезапно Рагар плавным жестом поднял вверх обе руки, потом медленно провел ладонями по лицу, словно стирая пот; кожа его, однако, была совершенно сухой. Сильные пальцы аргосца скользнули по гладкому лбу, по прижмуренным векам, по впалым щекам и подбородку; наконец, руки его замерли, сложенные чашей. Конану показалось, что гость как бы удерживает в них невидимый шар – осторожно, бережно, словно эта неощутимая прозрачная сфера была выточена из хрупкого хрусталя.

Киммериец не ошибся. Миг – и шар вспыхнул, засиял яркими всполохами, тут же превратившимися в водоворот голубого огня, в мерное и стремительное вращенье холодных молний. Конан, изумленный, прикрыл лицо ладонью, ибо безжалостный свет ослеплял; Рагар же всматривался в него, не щуря глаз. Затем он сделал резкий выдох, и шар мгновенно вытянулся фиолетовым жгутом, ударившим в песок в пяти шагах от аргосца. И сразу же сияющая молния погасла.

Конан поднял кувшин, нагнул над пересохшим ртом, сделал добрый глоток. Этот фокус не испугал его, хотя было ясно видно, что в том месте, куда ударила молния, песчинки спеклись плотной стекловидной массой. Магия! Могущественная магия! Но за полтора десятилетия скитаний по свету киммериец повидал многое и научился не бояться колдунов. На поверку они весьма часто оказывались столь же уязвимыми, как и обычные люди – разумеется, если знать, как взяться за дело. Скажем, тот же Гор-Небсехт…

– Забавная штука, – оторвавшись от кувшина, он ухмыльнулся. – Похоже, у Каллы не было бы шансов, если б она ввязалась в драку с тобой. Ну, и что же дальше? Ты хочешь намекнуть, что способен разделаться и со мной, и с моими людьми, и с кораблем? Сожжешь нас всех дотла?

– Ни в коем случае, – по губам Рагара скользнула улыбка. – Зачем же мне вас жечь? Кто тогда доставит меня на Кардал? Просто ты задал вопрос, и я ответил – ибо лучше один раз увидеть, чем семижды – услышать… И ты увидел! Увидел Силу Митры… вернее, крохотную ее часть, которой он одарил своего слугу… – Тут голова аргосца склонилась в почтительном поклоне. – Мощь бога может стать карающей молнией, а может вести к нужной цели…

Он сделал плавный жест, протянув руки к Конану, потом развел их в стороны, словно обозначая свою цель – этот берег, эту бухту и корабль, что покачивался на мелкой волне. Лицо его было спокойным и доброжелательным.

– Ты хочешь сказать, что какая-то магия помогла тебе нас найти? – спросил Конан, пристально рассматривая оплавившийся песок.

– Не магия, мой капитан, нет… Меня вел Митра.

– Так ты – его жрец?

– Нет. Его слуга и воитель.

Воцарилось молчание. Взгляд Рагара был устремлен в сияющую морскую даль, киммериец же продолжал изучать то место, куда ударила молния. Наконец он протянул:

– Хмм… И каждый, кого Митра берет на службу, может научиться таким штукам? – Его глаза не отрывались от спекшегося песка.

– Не каждый, но многие. Светлый бог дарует некоторым из нас частицу своей Силы, однако нужно научиться владению сим даром, – пояснил аргосец. – В молодые годы я отправился к Наставнику…

Огромный варвар резко наклонился вперед, прервав Рагара. Воспоминания вихрем закружились у него в голове; он вновь видел шандаратские берега, галечный пляж в обрамлении гранитных скал, высокую фигуру Фарала с мечами за спиной. Потом эту картину сменила другая, ибо в жизни своей Конан не единожды встречался со слугами Митры. Теперь он видел холмистую жаркую степь, золотисто-зеленую, бескрайнюю, пересеченную пыльной лентой заброшенного тракта; по нему неторопливо шагал человек в забавной белой хламиде, а над плечами его торчали навершие лука и рукоять огромного клинка.

– Этот Наставник… Учитель… – пробормотал киммериец, – старик, который живет где-то в гирканской степи?

Лоб Рагара пошел складками, глаза удивленно раскрылись.

– Да, за морем Вилайет, на севере, за пустыней, на склоне потухшего вулкана. Ты слышал о нем? От кого?

– Я встречался с его Учениками, – задумчиво произнес Конан. – Давно… – Он невидящим взором уставился на свой корабль, на людей, суетившихся у костров, на темневшие рядом лодки. – Да, я встречался с ними, и дважды они спасали мне жизнь… Так что ради этого я готов помочь тебе, Рагар! Может, сделаем так: сначала отправимся на мой остров, а потом – на твой?

– Не получится, капитан, – на лице аргосца отразилось искреннее сожаление. – Я говорил, что тороплюсь, и это были не пустые слова…

Он смолк, но теперь Конан не пытался перебить своего гостя; он терпеливо ждал, чувствуя, что тому есть что еще сказать.

– Я думаю, что и у тебя имеется причина поторопиться, – наконец произнес Рагар. – Не сочти за пустое любопытство, если я поинтересуюсь твоими делами… и расскажу о своих, разумеется, расскажу все без утайки, Взвесим твое дело и мое, обсудим, оценим, что важнее… Согласен?

– Нет. Пожалуй, я расскажу тебе свою историю – в обмен на твою, но ничего обсуждать мы не будем. Это, – Конан махнул рукой в сторону бухты, – мой корабль и мои люди, и только я буду решать, куда плыть. И учти, хотя я помню о тех, что когда-то спасли мне жизнь, чужие дела – это чужие дела. Я хочу сказать, что свои всегда кажутся более важными, – добавил он с ухмылкой. – Согласен?

Рагар, демонстрируя покорность, развел руками и склонил голову.

– Ладно, ты хозяин положения. Я готов поведать тебе подробно о своих целях, если хочешь слушать, а сейчас скажу только одно: Кардал вновь навлек гнев подземных демонов, и я послан, чтобы обуздать их, восстановить равновесие.

– Вот как? Ты дерзаешь выступить против демонов, повелевающих вулканами?

– Я – Его посланец, – сильная рука Рагара протянулась к солнечному диску. – Он даст мне Силу, чтобы справиться с огнем.

– Зачем?

– Как зачем? – казалось, аргосец поражен. – Ведь на Кардале живет немало людей!

– Что мне до них! – Конан пожал плечами. – Нищие рыбаки, пахари… Клянусь Кромом, их жизни не стоят и медной монеты!

– Ты так полагаешь? – Рагар устремил на киммерийца изучающий взгляд и, когда тот презрительно сморщился, произнес: – Хорошо, не стану спорить. Расскажи мне теперь о своем острове и своем деле.

– Ну, это не простая история… – Киммериец выбрал яблоко побольше и поднес его на ладони к липу Рагара. – Представь себе землю, богатую и цветущую, похожую запахом на этот плод… Последний осколок Атлантиды! Там, далеко в океане! – зажав яблоко в огромном кулаке, он махнул в сторону горизонта. – Да, прекрасная земля, но попал я туда в недобрый день… Попал в бурю, в шторм, вызванный чародеем, когда мое судно разбилось на скалах и все мои люди, без малого сотня бравых парней, не чета этим кардальцам, пошли ко дну…

Рагар склонил голову в знак сочувствия.

– И что же дальше? – с интересом произнес он.

– Словом, я шатался по этому островку, пока не встретил его хозяйку. Красивая женщина, надо сказать, и непростая… как и ты, умеет многое… – Конан сделал паузу, потом добавил: – Она хотела, чтоб я с ней остался… остался навсегда…

– Ну, а ты?..

– Что мне за радость в этом ее острове? Пить, есть, спать да глядеть колдовские сны? Нет, это не для меня! – Киммериец решительно тряхнул своей темной гривой. – Но и убраться я оттуда не мог! Она никак не соглашалась приворожить подходящий корабль, а пешком по морю не уйдешь… Пришлось заключить с ней сделку, У нее, приятель, были кое-какие трудности…

– Трудности?

– Да, в северных землях, в Ванахейме, с тем самым чародеем, который вызвал бурю. Ну, она отпустила меня под присмотром своего слуги, и договор был таков: я выполняю порученное и становлюсь вольным, иначе буду жить с ней на том островке до седых волос. Только, клянусь Кромом, я бы сдох через год от скуки! Так что пришлось мне постараться, и стоило это немало крови… Не только моей, – добавил Конан, вспомнив светловолосую Зийну и Тампоату, молодого пикта. – А теперь я должен привезти ей вот это, – отбросив яблоко, он наклонился, сунул руку под кресло и вытащил кинжал в изукрашенных драгоценными камнями ножнах. – Доказательство, что дело я сделал, как полагается… Теперь понимаешь, почему мне пришлось срочно раздобывать и корабль, и людей?

– Понимаю, – Рагар склонил голову к плечу, любуясь игрой самоцветов. – А что, тебе обязательно возвращаться на тот остров? Дело-то ты, говоришь, сделал?

– Да. И, хотя я дал слово вернуться и привезти кинжал, – киммериец покосился на оружие, уютно лежавшее в его огромной ладони, – о том слове можно было бы и забыть. Но, видишь ли, она меня обманула… попыталась обмануть, вернее говоря…

– Обмануть? В чем?

– Точно не знаю, клянусь челюстью Крома! Похоже, она рассчитывала, что я и

порученное исполню, и воли не получу… Женщина, одним словом; все они обманщицы, – заключил киммериец. – Так что мне непременно надо добраться до того острова и швырнуть ей в лицо эту штуку! – Конан потряс кинжалом. – Пусть знает, что я так глуп и проведал о ее хитростях!

Рагар кивнул и медленно произнес:

– И в том единственная причина, по которой ты торопишься на ее остров, капитан?

– Единственная. Женщина эта мне больше не нужна, можно найти кое-что и получше… ту же Каллу, к примеру… Строптивая девчонка, так хоть не ведьма!

– Разумеется, – взгляд аргосца скользнул к кострам, где среди рослых полуобнаженных мужчин мелькала тонкая фигурка девушки. – Значит, ты твердо намерен плыть на восток? Чтобы швырнуть кинжал в лицо обманщицы?

Киммериец ухмыльнулся.

– Возможно, у меня и выбора другого не будет, если я рискну выйти в море.

– Что ты имеешь в виду?

– Я же говорил, госпожа того острова женщина не простая! Проведает о моем корабле, пошлет нужный ветер… И погонит он «Громовую Стрелу» туда, куда ей угодно…

– Вот как? Ей подвластны ветры и бури?

– Вполне, – заверил аргосца Конан. – Такие бури, что ты в жизни не видел! Это тебе не песок прожигать! – он покосился на след от удара молнии.

– И все же никто не сравнится с могуществом Митры, мой капитан, – произнес Рагар и вдруг легко поднялся из кресла. Некоторое время он шагал взад-вперед по песку, о чем-то напряженно размышляя, в задумчивости касаясь пальцами то виска, то подбородка, потом повернулся к Конану. – Итак, ты ждешь ветра с суши, который понесет твой корабль вдоль побережья Аргоса и Зингары, примерно к Барахским островам? Киммериец молча кивнул.

– Давай договоримся так: я поплыву на твоем судне до Барахов, а там посмотрим, не изменится ли ветер. Если он по-прежнему станет гнать твою «Стрелу» на запад, что ж, так тому и быть! Но вдруг подует с другой стороны, а?

– Вряд ли… Госпожа того острова умелая чародейка…

– Чародейка! Всего лишь чародейка! А Митра – бог!

– Тогда к чему нам спорить? Пусть все и вершится по воле Его, – Конан тоже встал, принюхиваясь; свинина, похоже, совсем поспела. – Но я думаю, приятель, боги слишком далеки от нас… вот чародеи – те гораздо ближе!

Кивком головы пригласив гостя следовать за собой, он направился к кострам.

ГЛАВА 14
ОСТРОВ И ВЕСЬ МИР

Двое обитали в мире, и дороги их, скрестившиеся на время, разошлись подобно двум рекам, вытекающим из одного озера. Надолго ли? Или навсегда? О том, воистину, ведают лишь светлые боги…

Спустя половину луны Конан уже не сомневался, что тот спор был выигран аргосцем. Он шагал по золотистым пескам Острова Снов, окаймлявшим небольшую бухту, размышлял о Рагаре и почти машинально оглядывался по сторонам. Прошло немало времени, месяца три или четыре, как он расстался с этими берегами, но тут ничего не изменилось. Все так же шелестели на легком ветру широкие листья пальм, все так же набегали на пляж мелкие волны да торчал на белых клыках рифов полуразрушенный корпус «Тигрицы». Разглядывая его, Конан уже не испытывал чувства горечи: клинок, пронзивший горло стигийского мага, поставил точку в конце вендетты. Теперь стигиец пребывал на Серых Равнинах, там же, где и погибшие барахтанцы, и они вполне могли свести с ним счеты – как положено в мире духов. Конана же занимали сейчас совсем иные мысли.

Судно его добралось на Остров Снов после долгого плавания, занявшего несколько лишних дней, связанных с делами Рагара. Как и утверждал аргосец, мощь Митры была несравнимой с силой Владычицы Снов, а потому ветры погнали «Громовую Стрелу» от Барахов прямо к Кардалу, к огромному вулкану посреди лазурных вод, собиравшемуся испепелить все население островка. Выходит, аргосец действительно выиграл спор – тот, что касался ветров!

Но это было не единственной его победой. Там, на склонах кардальского вулкана, Конан увидел, сколь грозную мощь дарует Митра своим воителям-слугам; не мечом, не стрелой, не копьем, но потоками синих молний сражался аргосец с огненными демонами, рассекал жаркие языки лавы, крушил скалы над пылающим кратером, швырял их в жадные пасти взбунтовавшихся подземных чудищ. И Конан, взирая издалека на эту битву, думал, что против силы божественных молний не устоит ничто: ни горы, ни стены крепостей, ни тысячи закованных в сталь воинов, ни маги, ни колдуны. Жалкими казались ему теперь и волшебный кинжал Дайомы, и сама Рана Риорда, Небесная Секира, что могла сокрушать камень. Камень, но не горные хребты!

Его не устрашила даже смерть Рагара, испепеленного той Силой, что была дарована ему. Конан думал не о смерти аргосца, а о его победе, не о гибели, а о его торжестве. И он жаждал овладеть такой же мощью! За время пути от Кардала к Острову Снов эта мысль оформилась, обрела четкие контуры, стала намерением, потом превратилась в цель. Он хотел разыскать Наставника – того, кто обучал Фарала и Рагара, и других слуг Митры, воителей, сражавшихся со злом. Правда, избранные ими дороги Конана не привлекали, и он полагал, что найдет лучший способ использовать божественный дар, чем усмирение вулканов.

Обогнув бухту, он вошел в грот, в обширную, просторную и высокую нишу в скале, достигавшую пяти человеческих ростов. Перед ним сияли гигантские врата, отделанные бледно-желтым орихалком, с чеканными узорами и вязью таинственных письмен, выбитых в металле. Поверхность врат словно бы плыла перед глазами: чудилось, что она то отливает

рыжинкой подобно золоту, то отблескивает красноватым оттенком бронзы, то пропадает вообще, обратившись в грубую первозданную скалу. Такими же зыбкими, туманными, были и магические символы, изображенные на створках огромных дверей: знаки луны вращались медленно, неторопливо, тогда как рои звезд кружились в стремительном хороводе, иногда собираясь в привычные созвездия, иногда вытягиваясь в большие спирали или вовсе исчезая.

Конан глядел на это чудо с равнодушием, не восхищаясь и не удивляясь привычной игре иллюзий; в голове его, сменив воспоминая о Кардале, царила сейчас лишь одна мысль: он – свободен! На северном побережье Острова Снов, в укромной бухте, киммерийца поджидал корабль, и тугие паруса да быстрые весла «Громовой Стрелы» могли унести его на все четыре стороны света.

Он – свободен! Свободен!

Он ждал, то снова предаваясь мыслям об аргосце Рагаре, то вспоминая смуглянку Каллу или светловолосую Зийну, то думая о новом своем судне и экипаже, о косоглазом кормчем Сандаре, о черном гиганте Хафре, рулевом Кроле и остальных, покорных его власти, признающих его первенство и силу. Он запретил им сходить на берег; слишком прекрасен был Остров Снов, и не всякий мог преодолеть соблазн остаться здесь навсегда.

Конан не сомневался, что его люди выполнили этот приказ. Хорошая команда, да и корабль неплох, – размышлял он, – и, видит Кром, жаль покидать их… Но придется! Ибо пришло время расстаться с океаном и вновь начать странствия по равнинам и горам, по лесам и пустыням, раскинувшимся на твердой земле. Солнце еще не коснется западного горизонта, а «Громовая Стрела» будет уже плыть к далеким берегам, к Аргосу или Шему, где капитан распрощается со своим кораблем. Распрощается и уйдет скитаться по хайборийским землям, доберется до Турана и бурного синего Вилайета, потом – до гирканских степей я горных хребтов, что высятся за ними… До тех гор, про которые рассказывал Рагар, до погасшего вулкана, на склонах коего живет Наставник… Он разыщет божественного Учителя, – думал Конан, – обязательно разыщет! И когда молнии покорятся ему, он снова отправится в дорогу – искать богатства и славы, протаптывать тропу в свое неведомое королевство.

Увлеченный этими раздумьями, киммериец даже не дрогнул, когда мерцающие створки врат с тихим шелестом разъехались в стороны, открыв широкую лестницу белого мрамора, полого уходившую вниз. Все было как в самый первый раз, когда он встретился в этой пещере с Владычицей Острова Снов: все так же неторопливо и торжественно поднимались по ступеням девушки в ярких разноцветных хитонах, с драгоценностями в высоко подобранных волосах, и мужчины, облаченные в сиреневые, палевые и лиловые плащи; все так же несли они светильники – не факелы или масляные лампы, но сиявшие ровным светом шары на серебряных стержнях. Были тут и другие мужчины, не слуги, а воины в доспехах из панцирей морских черепах, инкрустированных золотом и перламутром, с трезубцами и обнаженными волнистыми клинками, с секирами в форме полумесяца, с боевыми молотами, остроконечными или загнутыми словно клюв коршуна. Некоторые из них вели с собой зверей, тигров, леопардов и черных пантер в шипастых ошейниках – вели не на цепях, а на шелковых лентах или тонких ременных поводках; но это уже не вызывало у Конана никакого удивления.

Прищурив глаза, он глядел на высокую стройную женщину, что шла во главе пышной процессии. Рыжие волосы, уложенные короной, обрамляли ее чистый лоб с блистающим над бровями лунным камнем, огромные глаза с вертикальными, как у кошки, зрачками,

светились радостью, на свежих пунцовых губах играла улыбка. С плеч ее спадали серебристая туника и плащ, расшитый изображениями луны и звезд – великолепная мантия из ткани дзонна, какую не умели ткать ни в древней Стигии, ни в изысканном Офире, ни в далеком Кхитае. И немудрено – в ткань эту, вместе с нитями паутины, искусные мастерицы вплетали серебряные лунные лучи. На пальцах женщины сверкали драгоценные перстни, на шее – изумрудное ожерелье, на запястьях – браслеты из бледносияющего орихалка. Воистину, она затмевала всех красавиц мира!

Но Конан видел сейчас лицо и фигуру Рагара, слуги Митры; видел его распростертые руки и синие слепящие молнии, что били из них, усмиряя огненных демонов; видел знак Могущества и Силы, дарованных светлым богом человеку. Такой Силы, перед которой магия Владычицы Острова Снов, волшба Гор-Небсехта или старого Зартрикса, друида пиктов, значили меньше, чем ничего. Этот мираж стоял перед глазами киммерийца, заслоняя прекрасный лик Дайомы, а в голове торжествующим звоном колокола билась прежняя мысль: он – свободен!

Владычица сделала повелительный жест, и свита ее замерла. В одиночестве она двинулась вперед; край мантии скользил по золотому песку, порывы теплого ветра играли серебристой туникой. Блеск и сверканье самоцветов слепили взор, но глаза Дайомы светились ярче драгоценных камней. Она была счастлива: возлюбленный вернулся!

Потом Владычица Острова Снов взглянула на Конана, и улыбка на пунцовых губах поблекла, погасло сияние очей, и кровь отхлынула от нежного атласа щек. Долго они смотрели друг на друга; мгновения казались годами, и в безмолвном их диалоге глаза говорили то, о чем молчали губы. Наконец Конан потянулся к поясу и вытащил из ножен свой стигийский клинок. Лезвие кинжала казалось покрытым запекшейся кровью, но то была не кровь, а ржавчина; шелушась под сильными пальцами, она закружила в воздухе облачком бурого праха. Дайома глядела на эту пыль, и последние следы радостного ожидания меркли в ее изумрудных зрачках, сменяясь удивлением и печалью.

Переломив клинок, Конан швырнул его к ногам Владычицы. Потом содрал с головы обруч и отправил его следом.

– Я свободен? – глухо промолвил он.

Как всякая женщина, Дайома не пожелала сразу ответить на этот вопрос. Она сделала еще один шаг вперед; ее туника, подхваченная свежим порывом бриза, натянулась, обрисовав чарующие контуры груди, стройного стана, упругих и округлых бедер. Как прекрасна была она в этот миг – высокая и гибкая, с короной из переплетавшихся рыжих локонов, с зелеными глазами, в которых искрились слезинки! Но взгляд Конана был холоден и равнодушен. Сейчас он видел уже не аргосца, усмиряющего огненных демонов Кардала, а черный кубический алтарь, труп стигийского мага перед ним и золотистый клинок, извлеченный из шеи Гор-Небсехта. Клинок, оставшийся нетленным; свидетельство обмана. – Ты… – выдохнула Дайома, – ты даже не хочешь меня поцеловать?

Брови ее надломились в горестном изумлении.

– Я свободен? – повторил Конан, подтолкнув ржавые обломки носком сапога. Он не желал разбираться с тем, как его обманули, не желал доискиваться правды; он хотел лишь уйти и отправиться в путь. В дальний путь к гирканским горам, где обитал божественный Учитель! То было его предназначение – по крайней мере, в этот миг.

Дайома снова не ответила; прикрыла веками изумрудные глаза и замерла, словно пытаясь обрести силу и примириться со случившимся. Теперь она понимала: возлюбленный

вернулся на Остров Снов лишь с одной-единственной целью – швырнуть ей под ноги покрытый ржавчиной клинок. Предъявить доказательства, а потом уйти, исчезнуть навсегда.

Будь проклят тот день, в который начала она плести свои сети! Ловушку, расставленную на двух птиц… В нее попались целых три, да самая нужная и дорогая выпорхнула!

Что ж, так решили боги… Она не держала на Конана зла, не собиралась мстить за отвергнутую любовь, не ощущала обиды или раздражения – только печаль. Великую печаль одиночества… Быть может, светлый Ормазд придет к ней, чтобы утешить в горе? Но человек, стоявший перед Владычицей Острова Снов, был ей дороже бога.

– Ты вернулся один? – спросила она. – Где же Идрайн, твой слуга?

– Там, где все мертвые неверные слуги: раздувает огонь под сковородками на кухне Нергала. Если только эту тварь пустили туда. – Конан помолчал и добавил: – Разве ты не видела, что с ним случилось? В своем волшебном зеркале?

Дайома печально покачала головой.

– Мое зеркало разбилось… Теперь я не увижу ничего… даже твоего лица, любимый…

– Оно и к лучшему, – сказал Конан и усмехнулся. – Но хватит об Идрайне! Ты не ответила на мой вопрос: я – свободен?

– Свободен… – Голос ее был тих, едва слышен. – Ты получил то, чего желал…

– Ты тоже, – он снова коснулся носком сапога ржавых обломков.

– Я желала совсем не этого, – прекрасные глаза Дайомы наполнили слезы.

Конан пожал плечами.

– Кто знает, чего вы хотите, чародейное племя! Думаете одно, делаете другое, говорите третье… Ну, боги вас рассудят! А я – я ухожу! – Он отступил на шаг назад, не сводя с Дайомы настороженного взгляда. – Прощай, рыжая, и забудь обо мне!

– Погоди! – Она сорвала с пальца кольцо, драгоценный перстень с изумрудом, подобным месяцу с острыми рогами. Алмазные и рубиновые звезды окружали его, теснясь на ободке из черненого серебра. – Возьми его, милый! Возьми на память обо мне! Это не простой камень. Его магия…

Конан отступил еще на шаг и, прервав Владычицу Острова Снов, взмахнул рукой.

– Нет, не надо! Видит Кром, я не хочу иметь дела со всякими колдовскими талисманами и волшбой! Разве их можно сравнить… – Он замолк и, остановившись на пороге грота, поднял голову к небесам. На востоке собирались тучи.

– С чем? – прошептала Дайома.

– С молниями Митры, рыжая! Вот настоящая Сила, клянусь Кромом!

– И ты хочешь овладеть ею?

– Да! – Резко повернувшись, киммериец вышел из грота, усыпанного золотым песком, и бросил через плечо: – Прощай!

Дайома глядела вслед возлюбленному, пока высокая фигура Конана не скрылась за прибрежной скалой. Пальцы Владычицы машинально погладили изумруд, ее отвергнутый дар, затем стерли слезинки с побледневших щек. Над Островом Снов метались чайки, и в криках птиц ей слышалось: «Прощай!.. Прощай!..»

– Прощай… – прошептала она. – Прощай, милый, и пусть пребудет с тобой моя любовь…

Но Конан, торопившийся к своему кораблю, ее не услышал.